...когда люди опаснее волков

Эмили Фридлунд

История волков

РОМАН

История волков

Эмили Фридлунд

Аннотация
Эмили Фридлунд. История волков
Наука
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
Здоровье
12
13
14
15
16
17
18

19
20
21
22
Благодарности

Аннотация

Начальная глава этого романа принесла автору литературную премию и открыла миру новый талант большого масштаба – Эмили Фридлунд.

Линда – одиночка, живущая с родителями в бывшей коммуне в глубоких лесах Миннесоты. Она одна ходит в школу и ни с кем не дружит. Ее одиночество внезапно прерывается, когда в школе появляется новый учитель истории, а в соседний коттедж заезжает странная семья с маленьким ребенком Полом. Новые знакомства окунут Линду в сложный и запутанный мир взрослых, где один неверный выбор может стоить жизни.

«История волков» – именно такая книга, которую надо читать зимой под одеялом: от нее мороз по коже.

Эмили Фридлунд
История волков

Emily Fridlund
History of wolves

Copyright © 2017 by Emily Fridlund
© О. Алякринский, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Нику

Осознайте хотя бы на миг, что Жизнь и Разум имеют сугубо духовную сущность, – но никоим образом не материальную, – и тогда тело перестанет жаловаться.

Мэри Бейкер Эдди[1], «Наука и здоровье, с ключом к Священному Писанию».

В конечном счете я не умру, не теперь, но буду в реальности продолжать головокружительно жить и после смерти, прислушиваясь вполуха к реальности, в комнате, где витает аромат огня, зажженного нашей неугасимой волей.

Тимоти Доннелли[2], «Новый разум».

---

[1] Примечания: 1

Мэри Бейкер Эдди (1821–1910) — американская писательница, общественный и религиозный деятель, в 1875 г. основала религиозное движение «Христианская наука».

[2] Примечания: 2

Тимоти Доннелли (род. в 1969 г.) — американский поэт и публицист.

Наука

1

Нельзя сказать, что я никогда не думаю о Поле. Временами он является мне перед тем, как я полностью проснусь, хотя я почти никогда не запоминаю, ни что он мне сказал, ни что я ему сказала — или не сказала. Просто мне чудится, что малыш ни с того ни с сего вдруг падает ко мне на колени — бух! И только так я понимаю, что это Пол: для него я не интересна, а привычна. В самый обычный день мы сидим с ним в Природоохранном центре, и малыш непроизвольно придвигается ко мне — не из любви или уважения, а просто потому, что ему еще неведом этикет признания границы между своим телом и чужим. Ему четыре годика, и он поглощен головоломкой-пазлом «Сложи сову» — так что не отвлекайте его разговорами! Я и не отвлекаю. За окном кружится вихрь тополиного пуха, бесшумный и невесомый, как воздух. Солнце уже заваливается к горизонту. А из фрагментов пазла складывается сова, которая опять рассыпается на картонные осколки, и я тычу Пола в бок: мол, вставай, нам пора идти. Пора! Но за секунду до того, как мы поднимемся, до того, как захныкать, протестуя и

прося посидеть здесь еще немножко, он откинется мне на грудь и зевнет. У меня перехватывает дыхание. Потому что это так странно, понимаете? Так удивительно, хотя и печально, — сделать приятное открытие, что твое тело воспринимают как нечто привычное, близкое.

* * *

До Пола у меня был только еще один знакомый, который жил-жил и вдруг умер. Это мистер Эдлер, мой учитель истории в восьмом классе. Он носил коричневые вельветовые костюмы и белые теннисные туфли. Хотя мистер Эдлер вел у нас историю Америки, он любил рассказывать о царях. Как-то он показал нам фотку последнего российского императора — так я теперь его себе и представляю: с черной бородой[3], на плечах эполеты с кисточками, — хотя на самом деле мистер Эдлер всегда был чисто выбрит и вовсе не величав. У меня как раз был английский, а он вел четвертый урок, и его ученик вбежал к нам в класс с воплем, что мистер Эдлер упал. Мы помчались толпой по коридору и увидели, что он

[3] Примечания: 3

Черная борода была у Александра III, а не у Николая II. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

лежит лицом вниз, глаза закрыты, губы синие, зубы вцепились в ковровое покрытие.

— Он что, эпилептик? — спросил кто-то. — А таблетки у него есть?

Мы оцепенели. Бойскауты начали спорить, как ему правильно сделать искусственное дыхание, пока одаренные и талантливые ученики истерическим шепотом обсуждали симптомы его болезни. Я заставила себя приблизиться к мистеру Эдлеру, села перед ним на корточки и взяла в свою ладонь его сухую безжизненную руку. Было начало ноября. На коврике темным пятном растеклась его слюна, он шумно, с длинными паузами, вдыхал воздух, и я помню, что откуда-то издалека тянуло дымом костра. Где-то жгли мусор в больших пластиковых мешках — наверное, дворник избавлялся от листьев и тыквенных корок перед первым большим снегопадом.

Когда санитары «Скорой помощи» наконец погрузили мистера Эдлера на носилки, бойскауты, словно стая щенков, увязались за ними в надежде получить какое-нибудь поручение. Они порывались то дверь распахнуть, то помочь с переноской тяжелых носилок. В коридоре кучковались всхлипывающие девчонки. Некоторые учителя застыли, прижав ладони к груди, не зная,

что сказать или сделать.

— Это песня «Дорз»? — поинтересовался один из санитаров. Он остался раздать пакетики соленых пастилок ученицам, которым могло стать дурно. Я пожала плечами. Наверное, слишком громко напевала себе под нос. Санитар налил мне газировки в оранжевую чашку и участливо добавил: — Пей медленно. Небольшими глотками. — Словно именно меня он и приехал спасать, как будто его долгом было обезопасить от обморока любое живое существо, попавшееся ему на пути.

«Судаковая столица мира» — так мы тогда назывались. Об этом свидетельствовали дорожный указатель на десятом шоссе и фреска во всю стену в придорожной закусочной, изображающая трех исполинских судаков[4] с задорно торчащими спинными плавниками. Эти красавцы круглый год приветствовали приезжих: плавники, как пятерни, радушно растопырены, брови домиком, зубастые улыбки от жабр до жабр, — но, когда большие озера замерзали в ноябре, никого сюда было не заманить ни порыбачить, ни для чего другого. В те далекие дни тут еще не было курорт-

[4] Примечания: 4
Судак — официальный символ штата Миннесота.

ного отеля — только задрипанный мотелишко. Ну, и наш деловой центр: закусочная, скобяная лавка, магазин «Все для рыбалки», банк. В те годы самой впечатляющей постройкой в Лус-Ривере, я думаю, была старая лесопилка, да и то потому как она наполовину сгорела, и обугленные черные лесины торчали над берегом. А все, так сказать, официальные заведения вроде больницы, управления регистрации автотранспортных средств, «Бургер-Кинг» и полицейский участок находились в двадцати милях дальше по шоссе — в Уайтвуде.

В тот день «Скорая» из Уайтвуда вместе с мистером Эдлером, выезжая со школьной стоянки, включила сирену. Мы все — даже наши хоккеисты в своих желтых шлемах, даже чирлидерши со своими мохнатыми помпонами — прижались к окнам и глазели. А тут как раз густо повалил снег. Когда фургон «Скорой» завернул за угол, его фары беспорядочно прорезали густую завесу снежинок, вихрем взметнувшихся над дорогой.

— Разве они не должны ехать с сиреной, — спросил кто-то, и я, аккуратно отпивая последний глоточек газировки из вощеного стаканчика, подумала: ну как можно быть таким дураком!

Мистера Эдлера заменил мистер Грирсон — он

прибыл в нашу школу за месяц до Рождества. У него был темный-претемный загар — как будто он попал в наши места с другой планеты. Еще он носил в ухе золотую серьгу в виде кольца и ослепительно-белую рубашку с перламутровыми пуговками. Потом мы выяснили, что он приехал из Калифорнии, где работал учителем в частной школе для девочек на побережье. Никто не знал, какого черта его занесло в Северную Миннесоту посреди зимы, но после первой недели занятий он снял со стены развешанные мистером Эдлером карты Российской империи и повесил вместо них увеличенную копию американской Конституции. Он сообщил нам, что в колледже защитил аж два диплома по театральному искусству, что объясняло, почему он однажды встал перед классом, выбросив вперед обе руки, и продекламировал наизусть всю Декларацию независимости от начала до конца. Не только вдохновляющие строки про жизнь, свободу и стремление к счастью, но еще и издевательским тоном огласил весь мрачный список прегрешений тирании против колоний. Я сразу его раскусила: он прямо из кожи вон лез, чтобы понравиться ученикам.

— И что это значит? — спросил мистер Грирсон, дойдя до финальных строк, в которых говорилось

о взаимном обете и незапятнанной чести.

Хоккеисты мирно дремали, подложив ладони под щеки. Даже наших одаренных и талантливых эти строки никоим образом не тронули: они сидели и щелкали автоматическими карандашами, из которых непристойно вылезали удлинявшиеся грифели — как иглы больничных шприцев. Ими они сражались друг с дружкой, точно на саблях, через проход между партами. «En garde!»[5] — надменно шептали они.

Мистер Грирсон уселся на стол мистера Эдлера. Он запыхался после своей декламации — и тут я увидела, точно его вдруг осветила яркая-яркая вспышка огня, — что ему-то уже хорошо за сорок. Я заметила испарину на его лице и быстро-быстро пульсирующую вену на шее под щетиной.

— Народ… *Ребята*… Как это понимать, что права человека самоочевидны? Ну давайте! Вы же знаете!

Я заметила, как его взгляд остановился на Лили Холберн: у нее были блестящие черные волосы, и, несмотря на холодрыгу, надет на ней был только тоненький розовый свитерок. Всем своим видом новый учитель словно бы говорил: надеюсь, твоя

---

[5] Примечания: 5
К бою! (*франц.*)

красота спасет меня, и, потому что ты самая красивая среди всех учениц, ты будешь добра ко мне! У Лили были большие карие глаза, дислексия, бойфренд и не было карандаша. Под взглядом мистера Грирсона ее лицо медленно запунцовело.

Лили заморгала. Мистер Грирсон кивнул ободряюще, как бы намекая на то, что его обрадует любой ответ. Она, словно олененок, шумно облизала губы.

Не знаю, зачем я подняла руку. Не то чтобы я уж так сильно за нее переживала. Или за него. Просто напряжение стало вдруг совсем невыносимым, совершенно не соответствующим ситуации.

— Это значит, что на свете есть вещи, которые не требуют доказательств, — предположила я. — Есть просто самоочевидные вещи. И их не изменить.

— Правильно! — воскликнул он с благодарностью, но не лично мне, а словно счастливому случаю. Это я умела. Давать людям то, что им нужно, причем сами они даже не подозревали о моем участии. А Лили, не говоря ни слова, могла вселить в людей надежду, заставить их почувствовать себя обласканными судьбой. У нее на щеках были веснушки, а соски сияли сквозь тонкий свитерок, как знамение Божье. А я была

плоскогрудая — просто как обструганная доска. Я могла заставить людей ощутить себя заслуживающими порицания.

В тот год зима нагрянула внезапно. Она свалилась, точно выбившись из сил — да так и осталась. В середине декабря выпало так много снега, что крыша спортзала прогнулась, и занятия в школе отменили на неделю. Делать нечего — хоккеисты занялись подледным ловом. А бойскауты играли в хоккей на прудах. Потом наступило Рождество, с его гирляндами разноцветных огней, развешанными по всей Мейн-стрит, и рождественскими вертепами в лютеранской и католической церквях, которые каждый год старались переплюнуть друг друга в красоте: в одном разукрашенные мешки с песком изображали овец, а в другом младенец Иисус был вырезан из ледяной глыбы. Под Новый год разразилась очередная снежная буря. Когда в январе возобновились занятия в школе, белоснежные накрахмаленные рубашки на мистере Грирсоне сменились неописуемыми вязаными свитерами, а в его ухе вместо золотого кольца появился стад. Кто-то, должно быть, научил его пользоваться сканером, потому что после недельного курса лекций о Льюисе и Клар-

ке[6] он устроил нам первую контрольную по истории. Пока мы, склонившись за партами, заполняли крестиками крошечные кружочки, он расхаживал взад-вперед между рядами и щелкал кнопкой шариковой ручки.

На следующий день мистер Грирсон попросил меня остаться в классе после уроков. Он сидел за своим столом и теребил губы, которые под его пальцами трескались и шелушились.

— Ты неважно написала контрольную, — сообщил он.

Он ждал моих объяснений, и я подняла плечи, заняв оборонительную позицию. Но прежде чем я успела что-то сказать, он меня опередил:

— Послушай, мне правда жаль. — Он покрутил стад в ухе — осторожно, с усилием. — Я все еще отшлифовываю планы своих уроков. Что вы изучали перед моим переводом сюда?

— Россию.

— А! — Его скорбный взгляд тут же сменился довольной гримасой: — Канонада «холодной войны» все еще слышна в далекой провинции!

Я стала защищать мистера Эдлера:

---

[6] Примечания: 6

Уильям Льюис (1774–1809) и Мериуэзер Кларк (1770–1838) — американские путешественники, прославившиеся первой экспедицией к тихоокеанскому побережью в 1804–1806 гг.

— Мы обсуждали не Советский Союз, а царей.

— Ох, Мэтти…

Никто еще меня так не называл! Было такое ощущение, словно кто-то схватил меня сзади за плечо. Вообще мое имя Мэделин, но в школе все меня называли Линда, или Коммуняка, или Чудачка. Я спрятала пальцы в рукавах и сжала кулаки. А мистер Грирсон продолжал:

— Никому не было дела до русских царей, пока не появился Сталин и атомная бомба. Они были марионетками на далекой сцене, ничем не примечательные, ничего не значащие… А потом такие вот мистеры Эдлеры наводнили в шестьдесят первом году колледжи, и все начали ностальгировать по старым русским игрушкам, всем этим княжнам из далекого прошлого, рожденным в кровосмесительных союзах. Их никчемность и беспомощность стали вызывать интерес. Понимаешь? — Потом он улыбнулся и чуть прищурил глаза. Передние зубы у него были белоснежные, а клыки — желтые. — Но тебе всего тринадцать…

— Четырнадцать!

— Я просто хотел извиниться, если у нас сначала все как-то не заладилось. Скоро у наших отношений появится надежная опора.

На следующей неделе он попросил меня заглянуть к нему в кабинет после школы. На этот раз он вынул стад из уха и положил на стол. Он нежно поглаживал мочку двумя пальцами.

— Мэтти, — проговорил он, выпрямившись на стуле.

Он усадил меня на синий пластиковый стул рядом со своим столом. Потом водрузил стопку глянцевых брошюрок мне на колени и сложил пальцы домиком.

— Окажи мне одну услугу. Но не осуждай меня за то, что я обращаюсь к тебе с такой просьбой. Это моя работа. — Мистер Грирсон смущенно заерзал.

Вот тогда-то он и попросил меня представлять школу на олимпиаде по истории.

— Это будет просто чудесно! — с неубедительным воодушевлением воскликнул он. — Тебе надо сделать плакат. Подготовить речь про призывников во время Вьетнамской войны, про бегство дезертиров через границу в Канаду и тэ дэ и тэ пэ. А может, ты хочешь сделать доклад про осквернение святынь индейцев оджибве? Или про новые сельские поселения в этих краях? Про что-то местное, этически неоднозначное, затрагивающее конституционные основы?

— Я хочу изучать волков, — сообщила я.

— Что именно — историю волков? — Он был озадачен. Потом помотал головой и усмехнулся: — Ну, ясно. Ты же четырнадцатилетняя девочка. — Кожа вокруг его глаз собралась в морщинки. — У вас у всех пунктик по поводу лошадей и волков. Мне это нравится. Нравится! Это так необычно! Но с *чем* это связано?

Машины у моих родителей не было, и вот как я обычно добиралась домой, когда опаздывала на свой автобус. Я топала три мили по изъезженной обочине шоссе номер десять, а потом сворачивала вправо на Стилл-Лейк-роуд. Еще через милю дорога раздваивалась: левая грунтовка бежала вдоль озера на север, а правая тянулась по целине вверх по склону холма. Тут я останавливалась, засовывала джинсы в носки и расправляла отвороты своих вязаных рукавиц. Зимой деревья на фоне оранжевого неба казались набухшими венами. А небо между ветвями выглядело как обожженная солнцем кожа. Двадцать минут ходьбы по снегу и зарослям сумаха — и вот уже меня заслышали псы и начали брехать и рваться с привязи.

В тот вечер домой я вернулась затемно. Отво-

рив дверь хижины, увидела мать: она склонилась над раковиной, погрузив руки по локоть в чернильно-мутную воду. Длинные прямые волосы скрывали ее лицо и шею, отчего казалось, будто она чего-то стыдится. Но голос у нее был обычный — с характерными для среднезападного говора протяжными гласными, под стать канзасским бескрайним степям.

— А есть молитва против засора раковин? — спросила она, не оборачиваясь.

Я положила мокрые рукавицы на дровяную плиту — к утру они там так скукожатся и задеревенеют, что на руку не налезут. Куртку я, правда, не стала снимать. В доме было холодно.

Мама тяжело опустилась на стул. Ее полотняная куртка вся вымокла в воде из раковины. Она подняла жирные от грязной воды руки вверх — точно они представляли собой нечто ценное, что-то извивающееся, еще живое, что она вытащила из пруда. Что-то, чем она могла бы нас накормить — ну, скажем, вроде пары окуньков.

— Нужно прочистить трубы! Дерьмо какое… — Она взглянула на потолок, потом медленно обтерла ладони о карманы куртки. — Спаси и помилуй! О Боже, даруй свою бесконечную печаль за этот жалкий фарс, называемый жизнью

человеческой…

Она шутила, но в ее шутке была только доля шутки. Я это знала. Знала по рассказам о том, как в начале восьмидесятых мои родители приехали в угнанном фургоне в Лус-Ривер, как мой отец насобирал целый арсенал оружия и травы и как, когда их коммуна распалась, моя мать променяла остатки своей фанатичной веры в идеи хиппи на веру в Христа. Сколько я себя помню, она трижды в неделю ходила в церковь — по средам, субботам и воскресеньям, — потому что лелеяла надежду на действенность раскаяния и на то, что прошлое — хотя бы отчасти — можно изменить, медленно, с годами.

Моя мать верила в Бога, но как-то обиженно, точно дочь, наказанная за плохое поведение.

— Может, возьмешь собаку с собой и вернешься?

— Вернуться в город? — Я все еще дрожала от холода. Слова мамы меня на секунду разъярили, заставили обо всем забыть. Я не ощущала онемевших пальцев.

— О нет! — Она откинула длинные пряди волос назад и потерла запястьем кончик носа. — Нет, не надо! Там, наверное, мороз. Извини. Схожу принесу еще ведро. — Но мама как сидела на стуле, так

и не двинулась с места. Чего-то ждала. — *Извини*, что спросила. Ты же не можешь на меня злиться только оттого, что я спросила. — Она сомкнула жирные ладони. — Извини! Извини! Извини!

С каждым «извини» ее голос поднимался на полтона выше.

Я выждала секунду и наконец произнесла:

— Да ничего.

Вот что нужно знать о мистере Грирсоне. Я видела, как он склонился над партой Лили. Слышала, как он сказал ей: «У тебя неплохо получается». И положил руку — осторожно, точно пресс-папье, — ей на спину. И как он приподнял кончики пальцев и слегка похлопал. Я видела, какие любопытство и ужас вызывали у него сестры Карен, наши чирлидерши, которые иногда стягивали шерстяные гетры, обнажая голени — побелевшие и покрытые гусиной кожей от мороза. От этих гетр у них зудела кожа, они чесались до крови, и ранки приходилось смазывать влажными тампонами из туалетной бумаги. Я видела, как он задавал каждый вопрос как бы всем в классе, а сам поглядывал то на сестер Карен, то на Лили Холберн и приговаривал: «Есть кто дома?» Потом, растопырив два пальца, подносил их, как телефонную трубку, к уху и, понизив голос, урчал:

«Алло, это дом Холбернов? Лили дома?» Вспыхнув, Лили улыбалась плотно сжатыми губами и прятала улыбку в рукав.

Когда мы встретились после уроков, мистер Грирсон покачал головой:

— Глупо получилось с этим телефоном, да? — Он был смущен. Ему требовалось подтверждение, что все нормально, что он — хороший учитель. Ему хотелось получить прощение за все допущенные им ляпы, и, похоже, он думал — ведь я имела привычку стоять, скрестив руки на груди, и писала контрольные так себе, — что моя посредственная успеваемость наигранная и в ней проявляется моя личная неприязнь к нему.

— Возьми! — неуверенно произнес он, пододвигая ко мне узкую синюю баночку с энергетическим напитком. Я отпила несколько глотков — напиток был сладкий и до того насыщенный кофеином, что мое сердце почти сразу бешено забилось. После нескольких глотков меня уже буквально трясло. Мне пришлось крепко сжать зубы, чтобы они не застучали.

— А мистер Эдлер показывал вам на уроках фильмы? — поинтересовался он.

Сама не знаю, чего я ввязалась в эту игру. И не понимаю, зачем я ему решила потрафить.

— Вы показываете куда больше фильмов, чем он!

Он довольно улыбнулся.

— А как продвигается твой проект?

Я не ответила. Вместо этого я еще глотнула его энергетика — без спросу. Мне хотелось дать ему понять, что я вижу, как он глазеет на Лили Холберн, и что я понимаю его взгляд куда лучше, чем она, и что хотя он мне совсем не нравится, — и хотя, по-моему, его шуточка с телефоном глупая, а его серьга в ухе дурацкая, — я его прекрасно понимаю. Но банка уже опустела. Мне пришлось приложить губы к металлическому ободку и притвориться, будто я пью. За окном снежная глазурь покрывала каждый сугроб, превратив весь пейзаж в заледеневшую декорацию. Меньше чем через час стемнеет. Псы будут лениво ходить по краю своих владений, позвякивая цепями, и ждать меня. Мистер Грирсон надел куртку.

— Пойдем?

Он ни разу — вот совсем — не поинтересовался, как я добираюсь до дому.

Мистер Грирсон — и мы оба это знали — считал олимпиаду по истории повинностью. Втайне я мечтала победить. И еще я была решительно настроена увидеть волка. Ночами я выскальзывала

из дома, надев унты, лыжную маску, отцовский пуховик, который все еще хранил его запахи — табак, плесень и горький кофе. Это было все равно что влезть в его тело, пока он спит, — как воспользоваться правом на его присутствие, молчаливость и внушительные габариты. Я садилась на старом ведре около дальнего рыбохранилища и потягивала горячую воду из термоса. Но это большая редкость — в самый разгар зимы увидеть в здешних местах волка — все, что я отсюда могла увидеть, так это штабеля бревен вдалеке да кружащих над ними ворон. В конце концов пришлось мне смириться с мертвым волком. По субботам я надевала снегоступы и отправлялась в Природоохранный центр лесничества, где в вестибюле изучала чучело волчицы — у нее были стеклянные глаза и кораллового цвета когти, а впалые черные щеки разъехались в подобии улыбки. Пег, тамошняя сотрудница, очень осерчала, заметив, как я собралась потрогать волчий хвост.

— Ай-яй-яй! — укоризненно произнесла она. Пег дала мне горсть мармеладных мишек и рассказала о технике таксидермии, объяснив, как из глины вылепить глазницы, а из полиуретановой пены — мышцы животного. — А кожу надо

разглаживать утюгом, разглаживать утюгом! — строго заметила она.

Утром того дня, когда должна была пройти олимпиада по истории, я спилила ветку старой сосны за нашим домом. Сосновые иголки, вертясь в воздухе крошечными пропеллерчиками, падали на снег. После школы я села на автобус до казино в Уайтвуде и пронесла свой волчий плакат и сосновую ветку мимо стариков из дома престарелых, которые при виде меня и моей ноши нахмурились, но ни слова не проронили. В актовом зале Уайтвудской средней школы я укрепила сосновую ветку на кафедре для создания нужной атмосферы. Потом проиграла пленку с многократной записью волчьего воя. Когда я начала свой доклад, в горле у меня пересохло, но я все равно не стала пользоваться своими записями и, стоя на кафедре, не раскачивалась взад-вперед, как парень, который выступал до меня. Я была сосредоточена и спокойна. Я демонстрировала изображения волчат в разных позах покорности и, процитировав выдержку из книги, сказала:

— Но термин «альфа-самец» — его придумали, чтобы описывать поведение животных в неволе, — может ввести в заблуждение. Альфа-самец ведет себя как альфа только в определенные

моменты и в силу определенных причин.

Эти слова всегда порождали во мне ощущение, что я пью что-то холодное и сладкое, что-то запретное. Я подумала о черной волчице из Природоохранного центра, замершей в позе собачьего добродушия. И снова повторила последнюю фразу, но теперь медленно и четко, словно цитировала поправку к Конституции.

Когда я завершила доклад и замолчала, один из членов жюри взмахнул карандашом:

— Я должен сделать одно замечание. Кое-что ты не прояснила. Какая связь между волками и *человеком*?

Вот тогда-то я и заметила мистера Грирсона у двери. Он держал в руках куртку, словно только что пришел с улицы, и я видела, как он поймал взгляд этого самого члена жюри и пожал плечами. Это было такое едва заметное движение плечами, как будто он оправдывался: «Ну, что я могу поделать с этими детьми! Вы же знаете этих девочек-подростков!» Я глубоко вздохнула и злобно поглядела на обоих:

— Волки вообще-то ничего общего не имеют с людьми. Волки по возможности стараются избегать контактов с людьми.

Мне дали приз за оригинальность — букет гвоз-

дик, выкрашенных в зеленый цвет в честь Дня святого Патрика. После церемонии награждения мистер Грирсон спросил, не надо ли загрузить сосновую ветку вместе с плакатом в его машину и отвезти все это в школу. Я была ужасно расстроена и помотала головой. Победительницей олимпиады стала семиклассница в брючном костюме — ее сфотографировали вместе с ее акварельной картиной, изображающей крушение сухогруза «Эдмунд Фицджеральд»[7]. Я застегнула пальто на все пуговицы и поплелась за мистером Грирсоном, который вынес поникшую сосновую ветку через служебный выход. Он воткнул ее в сугроб.

— Прямо как в «Рождестве Чарли Брауна»[8], — рассмеялся он. — Надо бы ее украсить ленточками из алюминиевой фольги. Будет симпатично.

Он нагнулся смахнуть сосновые иголки со своих штанов, и я инстинктивно тоже протянула руку и принялась ему помогать, поглаживая его

---

[7] Примечания: 7

Крупнотоннажный сухогруз «Эдмунд Фицджеральд» затонул во время шторма 10 ноября 1975 года на озере Верхнее.

[8] Примечания: 8

«Рождество Чарли Брауна» — популярный мультипликационный сериал середины 1960-х годов про мальчика Чарли Брауна, который грустит при виде алюминиевой елки, купленной в канун Рождества вместо настоящей.

по бедру. Он отступил на шаг, передернул ногами и натужно расхохотался. Мужчины становятся такими жалкими, когда дело доходит до секса. Это я узнала позже. Но в тот момент то, что я сделала, не выглядело таким уж сексуальным. Говорю это вполне определенно. Мне тогда казалось, что я просто привожу в порядок его одежду. Так же задабривают собаку: сначала шерсть у нее на загривке встает дыбом, потом животное успокаивается — и в итоге вы получаете верного пса.

Я облизала губы — в точности как Лили Холберн, по-оленьи, так невинно! — и попросила:

— Мистер Грирсон, вы не отвезете меня домой?

Прежде чем мы уехали из Уайтвудской школы, мистер Грирсон вернулся в здание и вынес смоченное в воде бумажное полотенце, которым обернул стебли гвоздик. После чего вложил букет мне в руки, очень осторожно, точно это был птенец белоголового орлана. Пока мы ехали двадцать шесть миль от Уайтвудской школы до дома моих родителей, я наблюдала, как ураганный ветер срывает кусочки льда с веток деревьев — и это зрелище усиливало ощущение медленно надвигающейся катастрофы. Обогреватель в машине мистера Грирсона работал кое-как, и мне

пришлось протирать запотевшее лобовое стекло грязным рукавом куртки.

— Это тот поворот? — спросил он, свернув на Стилл-Лейк-роуд. Он откусывал передними зубами крошечные чешуйки сухой кожи с губ. Даже в сумерках я могла разглядеть на его губе трещину, с коркой запекшейся крови, но не кровоточащую. Вид его губы почему-то меня обрадовал: у меня возникло чувство, что это я нанесла ему рану — своим докладом про волков, своими сосновыми иголками.

Дорога к родительской хижине была, как всегда, не расчищена. Мистер Грирсон притормозил на перекрестке, и мы оба подались вперед, вглядываясь сквозь заиндевевшее лобовое стекло в темнеющий вдалеке крутой холм. Я поглядела на него: его горло казалось широким и мягким, точно оголившийся живот, и я потянулась к нему и поцеловала его туда. Быстро так, очень быстро.

Он вздрогнул.

— Значит, туда? — Он потянул замок молнии вверх и спрятал горло в воротнике пальто. На вершине холма притулилась хибара моих родителей с освещенными окнами, и могу сказать, что он буквально впился в нее взглядом, потому что это первое, что виднелось в темноте. — Ага,

это тут обитают хиппи из бывшей коммуны? Я слышал про них странные истории. Твои соседи?

Он, конечно, просто так спросил, чтобы не сидеть молча, — а я судорожно вцепилась в свой букет гвоздик. Я чувствовала себя расколотой, словно щепка для розжига печки.

— Они ни с кем не общаются.

— Да? — Мысленно уже он был где-то далеко.

Мокрые снежинки налеплялись на лобовое стекло, но я этого не видела: изнутри стекло снова запотело.

— Давай я довезу тебя прямо до дома, — предложил он, передернув рычаг коробки передач и повернув руль, и я кожей почуяла, как ему надоело нести за меня ответственность.

— Отсюда я могу дойти пешком, — ответила я.

И подумала, что, если я громко хлопну дверцей, мистер Грирсон, наверное, выскочит за мной. Вот что значит быть четырнадцатилетней девчонкой. Я подумала, если прыгну с дороги в снег, может, он побежит следом — чтобы загладить передо мной вину, или убедиться, что я благополучно добралась до дома, или сунуть свои перемазанные мелом учительские пальцы мне под куртку… Ну, не знаю. И вместо того чтобы направиться вверх по склону холма, я свернула

к озеру. Прорезав вихрь колючих снежинок, я выскользнула на лед, но, обернувшись, увидела, как его машина с включенными фарами уже разворачивается — он развернулся очень аккуратно, чтобы не ткнуться бампером в придорожные деревья.

Скандал с мистером Грирсоном разразился спустя несколько месяцев после того, как я следующей осенью пошла в старший класс[9]. Эту сплетню я подслушала, наливая кофе посетителю городской закусочной, куда я устроилась на почасовую работу. Учителя обвинили в педофилии и в сексуальных преступлениях в школе, где он работал раньше, и из нашей его тут же уволили — в его прежней калифорнийской квартире нашли и конфисковали пачку непристойных фоток. В тот день после работы я отнесла свои чаевые в бар по соседству и купила там свою первую в жизни пачку сигарет в автомате вестибюля. По опыту курения нескольких сигарет, которые я стянула дома, когда зажигаешь сигарету, нельзя сразу затягиваться дымом. Но все равно, когда я нырнула в мокрые кусты позади парковки, глаза

[9] Примечания: 9

Среднее образование в США состоит из трех ступеней: начальная школа, средняя школа и старшая средняя школа (где учатся подростки 15–18 лет).

заслезились, я закашлялась, потому что меня захлестнула волна злобного негодования. Больше всего меня покоробило то, что я почувствовала себя обманутой. Мне казалось, что я сумела угадать скрытую суть мистера Грирсона, а он лгал мне, по большому счету, игнорируя то, что я сделала в машине, то есть сделал вид, будто он лучше, чем на самом деле. Я вспомнила, как на меня пахнуло чем-то затхлым, когда я придвинулась к нему ближе, словно пот пропитал всю его одежду и потом высох на морозном воздухе. Я думала обо всем этом, и в конце концов мои чувства о нем свелись к неприятному чувству жалости, которое буквально хлестнуло мне по сердцу. Мне казалось ужасно несправедливым, что люди не в силах измениться, даже упорно работая над собой и повторяя снова и снова: «Я хочу стать другим».

Когда мне было лет шесть или семь, мама посадила меня в ванну прямо в нижнем белье. Дело было ранним утром, в середине лета. На ее лицо упал сноп света. Она стала поливать мне голову водой из мерного стаканчика.

— Хотелось бы поверить в эту хрень! — проговорила мама.

— А что должно произойти? — спросила я, ежась.

— Хороший вопрос, — усмехнулась она. — Ты новый горшочек риса, малышка. Я начинаю варить тебя заново.

В тот вечер, когда мистер Грирсон подвез меня, мне не хотелось идти домой. Я думала — с радостью, ощущая цепкие объятия крючков в горле, когда сглатывала слюну, — что могу внезапно провалиться сквозь тонкий лед и просто утонуть. Мои родители долго меня не хватятся, может быть, до самого утра. Мама проводила каждый вечер, сшивая лоскутные одеяла для заключенных. А отец вечерами тайком вывозил лес с вырубки за озером — там расчистили участок земли на продажу. Я вообще-то точно не знала, настоящие они мне родители или нет или это была просто пара, оставшаяся тут жить после того, как все члены коммуны разъехались кто куда — кто-то вернулся в свой колледж, кто-то в старый офис в «городах-близнецах»[10]. Они мне были, скорее, как сводные брат и сестра, а не родители, хотя обращались со мной всегда хорошо, — и в каком-то смысле хуже этого ощущения ничего не могло быть. Гораздо хуже, чем покупать пачку

[10] Примечания: 10

Так называют Миннеаполис, крупнейший город штата Миннесота, и столицу штата Сент-Пол, расположенные напротив друг друга на разных берегах Миссисипи.

хлопьев, наскребая нужную сумму из десятицентовиков и четвертаков, куда хуже, чем получать в дар от соседей обноски, и намного хуже, чем когда меня называли Коммунякой или Чудачкой. Помню: мне было лет десять, и отец повесил на огромном тополе качели, а мама вытаскивала застрявшие у меня в волосах репьи. И все же в тот вечер, когда мистер Грирсон бросил меня на дороге, я все злобно думала, все ждала, что мое тело провалится под лед. Вот он твой рис, мама! Целый горшок риса!

Потом я поступила в муниципальный колледж и бросила его, потом какое-то время поработала в «городах-близнецах» и нашла в интернете национальную базу сексуальных преступников: можно было ввести чье-то имя и отслеживать перемещения этих людей по всей стране. Можно наблюдать, как тонкий красный шлейф ползет из штата в штат по мере переезда из города в город, как они движутся из Арканзаса в Монтану, как они ищут себе дешевенькие квартирки, как снова попадают за решетку и выходят на волю. Вы следите, как они меняют свои имена, но их все равно вылавливают, и всякий раз, как это происходит, их жертвы взрывают Сеть, размещая негодующие посты. Вы можете наблюдать, как

их подвергают моральному поношению по всей стране. Вы видите, как они пытаются взяться за старое. Вы следуете за ними по пятам в Южную Флориду, на болота, где они открывают в мангровых зарослях антикварную лавчонку и торгуют всяким хламом. Ржавыми лампами, чучелами уток, фальшивыми акульими зубами и дешевыми золотыми сережками. Вы можете видеть буквально весь ассортимент их товара, потому что люди обновляют свои посты и добавляют все новые и новые детали. За ними наблюдает масса зрителей. И все каждый день пишут про них что-то новенькое. «А стоит купить у осужденного секс-преступника старую географическую карту?» — спрашивают люди. И этот вопрос кому-то представляется очень спорным с этической точки зрения. «Разве у меня нет конституционного права заявить ему, что я не желаю, чтобы он жил тут и торговал по дешевке старыми почтовыми открытками?» Люди пишут: «У меня разве нет права заявить ему это в его поганую рожу?» И еще: «Да кем он себя возомнил?»

2

Стопки бумаги передаются из рук в руки по рядам. Вот как оно происходило у нас в старшей школе. Бумажная стопка двигалась вдоль ряда между партами, возвращалась вдоль следующего ряда и медленно поворачивала к задним партам. Талантливые и одаренные — теперь они объединились в Латинский клуб, в Бригаду судмедэкспертов — облизывали кончики пальцев и выуживали из стопки свой листок. Они всегда приступали к работе так, как команда пловцов, которым предстоит наворачивать круги в бассейне: шумно вдыхали воздух краешком рта и кусали кончики карандашей. Хоккеистов, когда стопка бумаги добиралась до их ряда, приходилось расталкивать от вечной дремоты, но с ними приходилось обращаться с величайшим почтением — иначе они могли продуть чемпионат округа. В очередной раз. Они не спеша просыпались, брали листки и отправляли стопку дальше по ряду, не спеша раздирали обертку с пакета чипсов и отправляли хрустящие кружочки в рот, потом вытирали соль с губ и возвращались к своим сладким грезам о Чемпионстве. А о чем же

еще грезить хоккеистам? Мы жили в их мире. Я поняла это, когда мне исполнилось пятнадцать. Они добились того, что их грезы стали нашей явью. Они получили учителей, готовых прощать их за сданные после контрольных чистые листки бумаги. Они получили чирлидерш, которые вопили их имена на предматчевых разогревах. У них были машины для заливки льда, готовые затопить своими струями всю округу и превратить ее в бескрайний каток. В тот год мы переехали в новое здание, нас усадили в просторный класс со стенами из светлого кирпича, но снаружи все оставалось таким же, как и во времена нашего детства. Зима бумерангом прилетела обратно.

Снаружи: полутораметровые сугробы, покрытые блестящей коркой наледи.

Внутри: европейская история, основы государства и права США, тригонометрия, английский язык и литература.

И еще науки о жизни, которые преподавала наша старая училка — она в восьмом классе вела уроки физкультуры — Лиз Лундгрен. В конце дня она приплеталась из здания средней школы в камуфляжных лыжных штанах и в пуховике с капюшоном. У миз Лундгрен был нервный тик. Когда она раздражалась или воодушевлялась,

она вдруг переходила на шепот. Ей казалось, что так ее будут слушать внимательнее. Она была уверена, что так мы лучше усвоим ее рассказ про амеб или грибы и лучше поймем принципы деления клеток, если не сумеем расслышать все произносимые ею слова. «Споры… в отсутствие воды или тепла… перемещаются огромными колониями», — шептала миз Лундгрен, и складывалось впечатление, будто она нам рассказывала какую-то постыдную сплетню, которая, будучи рассказана уже не в первый раз, полностью утрачивала всякую актуальность.

В этом классе я всегда слышала, как тикают часы. Из каждого окна было видно, как порывы ветра взметают вихрями снег, а на следующий день по всей округе возникали огромные, высотой с дом, сугробы. Как-то к концу урока об эволюции поздняя буря занесла к зданию школы гигантскую тополиную ветку, покрытую ледяной коркой. Я смотрела в окно и видела, как ветка, подпрыгивая, неслась по двору и чудом не врезалась в голубой автомобильчик «хонда», отъезжавший от бакалейной лавки через дорогу от школы. А у доски миз Лундгрен, скрипя мелом, выписывала курсивом положительные и отрицательные последствия естественного отбора. Я

приблизила лицо к окну, и стекло тут же запотело. Я отодвинулась от окна. Какой-то мужчина в дутой куртке с капюшоном вылез из голубой машины, оттащил ветку с проезжей части, потом вернулся за руль. После чего «хонда» описала большую дугу и, раздавив колесами несколько отломившихся от ветки прутиков, уехала.

Через несколько минут выглянуло солнце, удивив всех своим сиянием. Но никто не удивился, когда нас отпустили из школы на полчаса раньше из-за обещанных заморозков с ураганным ветром. От автобусной остановки я добралась до дома резвой рысью. Заснеженная дорога хрустела под моими подошвами, ветер дул со стороны озера, под порывами ветра сосны над моей головой стонали и поскрипывали. На полпути к дому, на склоне холма, я совсем сбилась с дыхания, а лицо превратилось в нечто, мало похожее на лицо — мороз буквально стер его. Только когда я наконец оказалась на вершине холма, я смогла передохнуть и стереть льдинки с носа. Обернувшись, я заметила над озером дымок автомобильного выхлопа. Мне пришлось прищуриться, чтобы различить на сплошной белизне, что там такое.

Это была голубая «хонда» из города. Пара разгружала багажник.

С вершины холма озеро казалось очень узким: не более восьмисот футов в ширину. Я понаблюдала несколько минут, отогревая дыханием пальцы, плотно сжатые в кулаки.

Я уже как-то видела эту пару — в августе. Они приезжали посмотреть, как идет строительство их коттеджа на берегу озера: его строила бригада студентов колледжа из Дулута. Бригада все лето расчищала участок под стройплощадку, выкорчевывая мотыгами кусты, потом возводила фанерные стены, покрывала дранкой сводчатую крышу. Коттедж, когда они его достроили, не был похож ни на один дом в Лус-Ривере. Он был обшит не обычным сайдингом, а полубревнами, у него были огромные треугольные окна, а еще широченная веранда из светлой сосны, которая нависала над озером, точно нос корабля. Отец семейства выволок из багажника два деревянных складных стула и пару послушных котов — один был черный, упитанный, другой — белый, изящно возлежавший у него на руке. Я наблюдала за ними тем августовским вечером, когда они бродили по своей палубе-веранде, завернутые с ног до головы в купальные простыни. Отец, мать и малыш. У малыша простынка волочилась по сосновым доскам, и мать и отец одновременно

бросились расправлять складки. Оба напоминали свиту крохотной невесты — такие они были заботливые, суетливые… Мне показалось, что они говорят малышу какие-то приятные слова — у него был пронзительный перепуганный голосок, разносившийся над водной гладью. С тех пор я их больше не видела.

А в этот зимний день они вернулись. Вечером я видела, как отец смахивает розовой метлой снег с веранды. Из трубы валил дым. А на следующий день из коттеджа вышли мать и ребенок — оба были в комбинезонах и тяжело вышагивали в ботинках. Карапуз нетвердо топал по свежевыпавшему снегу: он с трудом сделал несколько шагов и завяз. Мать подхватила сына под мышки, выдернув его ножки из ботинок. Я заметила, что, подняв беспомощного малыша над головой, она никак не могла сообразить, что же делать дальше: то ли снова поставить его, сунув ножки в ботинки, то ли тащить его, в одних носках, на руках через снежное поле.

Я еще злобно подумала: а какого же хрена они ожидали? Но их мне тоже было жалко. На морозе озеро застыло — ни движения, ни дуновения. Настала худшая пора зимы: куда ни брось взгляд, повсюду белая пустыня, где нет места для ма-

леньких детей и городских жителей. Внизу подо мной, под сорокасантиметровой толщей льда, таились судаки. Они не пытались плыть или что-то делать, что требовало физических усилий. Они просто зависли на глубоководье, с едва бьющимися сердцами, и ждали, спрятавшись в вымороженных корягах, когда отступит зима.

Мы-то по крайней мере были готовы пережить еще один месяц зимы. Каждую ночь я протапливала печь, прежде чем забраться по стремянке к себе в «лофт», и каждое утро затемно я ворошила пальцами угольки и заново разжигала пламя с помощью кедровых щепочек. У нас было припасено около пяти кубометров дров, сложенных поленницей у стены хижины, и я их очень медленно расходовала. Мы забили тряпьем щели в окнах, чтобы не выдувалось тепло, а на плите стояли большие кастрюли, в которых мы растапливали лед и снег. Отец пробуравил новую лунку для подледного лова — а лед был толщиной не меньше полуметра.

А потом, в середине марта, столбик термометра скакнул вверх — к отметке 50[11] — и чудесным образом так и остался там. За пару недель снежные

[11] Примечания: 11
По Фаренгейту: +10 °C.

дюны на южном склоне холма подтаяли, превратившись в сталагмитовую рощу. На поверхности льда на озере засверкала мокрая пленка, и поздними вечерами можно было слышать, как в разных местах озеро пощелкивает и позвякивает. Ледяной покров пошел трещинами. Было достаточно тепло, и я могла выходить к поленнице за дровами без рукавиц, а защелки на собачьих ошейниках можно было размораживать теплом пальцев. На веранде-палубе коттеджа на другом берегу озера появился телескоп на треноге — длинный и похожий на копье, нацеленное в небо. Под треногой поставили скамеечку, на которую вечерами иногда взгромождался карапуз и двумя ручонками в толстых рукавичках прижимал окуляр к лицу. На нем был шарф в белую и красную полоску и красная шапка с помпоном. Всякий раз, когда поднимался ветер, помпон трепыхался, как поплавок на воде.

Иногда появлялась мать в лыжной шапочке и налаживала телескоп себе по росту, поднимала трубу и глядела в окуляр на ночное небо. При этом она клала руку в перчатке на голову сыну. Потом, когда становилось совсем темно, они уходили обратно в дом. Я видела, как они разматывают свои шарфы. Я смотрела, как они берут котов на

руки и моют им лапки в теплой кипяченой воде из чайника. У них вроде не было даже жалюзи на гигантских треугольных окнах. И я могла наблюдать, как они ужинают, — как будто ужин был приготовлен для меня лично. Я сидела на крыше нашей хижины с отцовским бушнеловским биноклем и, наводя на резкость, поворачивала липкие цилиндры и время от времени согревала ладони о шею. Мальчуган, встав коленками на подушку кресла-качалки, раскачивался. Мать суетилась рядом. Она курсировала между столом, кухонной стойкой и плитой и все время что-то вырезала в тарелке у ребенка: то зеленые клинышки, то желтые треугольнички, то кружочки чего-то коричневого. Она дула на его суп. Она улыбалась, когда улыбался он. Я даже сумела разглядеть их зубы. А отец вроде как исчез. Куда же он подевался?

Ранней весной появились сосульки. Много. Они выдавливали грязно-голубые струйки со школьной крыши. После обеда с сосулек начинало капать, и бульканье капели поначалу звучало в унисон с тиканьем настенных часов в классе, потом убыстрялось и колотилось, как мое сердце: я его чувствовала, когда прижимала пальцы к левой ключице. В школе дела у меня

были так себе — как всегда, и пока хоккеисты грезили, чтобы мы все вернулись в декабрь, а наши звезды ораторского искусства зазубривали тригонометрические тождества, я наблюдала, как Лили Холберн теряет одну за другой своих подруг. В компании четырех девчонок она всегда считалась второй, но с начала зимы стала номером пять. Я не могла понять, почему так случилось, что изменилось. Трудно сказать, когда начали циркулировать слухи про нее и мистера Грирсона. Но к марту вокруг нее образовалась пустота — как пепелище после лесного пожара, — и теперь ее молчание уже не казалось таким откровенно тупым. Оно было тревожным. «Шалава» — так раньше обзывали Лили бывшие подруги, перешептываясь у нее за спиной. Это же они обычно говорили и ей в лицо, когда после занятий подшучивали над ней. Из-за ее драных джинсов, из-за ее дешевеньких свитерков в обтяжку. Теперь же они были с ней подчеркнуто милы, если приходилось ее замечать. Они уже не смеялись, когда Лили приходила в класс без карандашей, и не жалели ее, если она забывала дома обед. Ей давали взаймы, когда она просила. С ней делились туалетной бумагой, подсовывая оторванные листки под перегородку кабинки,

где она сидела, и еще шептали: «Этого хватит? Может, еще надо?»

А в коридоре демонстративно проходили мимо.

У меня было для нее сообщение. Я написала ей записку и передала вместе со стопкой листков для контрольной работы, которая однажды днем, как обычно, перемещалась вдоль рядов в классе. «Мне плевать, что болтают про тебя и мистера Г.». Не то что мне хотелось ее защитить: мы же никогда не дружили, никогда не оставались вдвоем, просто Лили каким-то образом стала ассоциироваться с мистером Грирсоном, и мне хотелось узнать почему. Но Лили не ответила на записку. Она даже не обернулась, а просто сидела, согнувшись за партой, и притворялась, как будто что-то понимает в квадратных корнях.

Вот почему я так удивилась, когда столкнулась с ней после занятий. Она ждала меня у задней двери. На ней был красный шарф, плотно намотанный на шею, и странного покроя джинсовая куртка, которая застегивалась как матросский бушлат-зюйдвестка — от колен до горловины. Я была застигнута врасплох. Постаравшись напустить на себя равнодушный вид, я достала сигарету и закурила — но, когда протянула ей,

она отрицательно помотала головой и молча вытаращилась на тлеющий кончик.

— Ну, дела… — произнесла я — надо же было что-то сказать.

Она пожала плечами — миленько так, непосредственно, вполне в своем духе. И я ощутила укол раздражения.

Я видела ее длинную белую шею, выглядывающую из-под слоев красной шерсти. И вдруг обрадовалась, увидев, что вблизи ее куртка оказалась сильно поношенной, а нижняя кайма оторвалась и свисала сзади в лужу талой воды. При всей своей многоопытности Лили всегда представлялась мне необъяснимо невинным созданием. Но теперь от нее исходило и еще какое-то необъяснимое превосходство: она словно дрейфовала, никого вокруг не замечая. Скажи при ней «мистер Грирсон» — и она воспарит вверх. Как воздушный шарик.

Я решила рискнуть. И прошептала:

— Что он с тобой сделал?

Она опять пожала плечами, и ее глаза расширились.

— Где?

– *Где*? — Она выглядела сконфуженной.

Я шагнула к ней:

— Я же поняла, что у вас что-то было. Я могла бы тебя предупредить.

Она не смотрела на меня, и я заметила, что ее волосы заплетены в тугую косичку сбоку, так что одно ухо торчало. Оно покраснело на холоде и поблескивало — словно губа. И тут меня осенило:

– *Ты* все выдумала!

И хотя Лили промолчала, инстинктивно я поняла: в точку!

— Про него и про себя! — Я сглотнула.

— Угу.

Мы могли бы вот так стоять на тротуаре, дожидаясь, когда проедут машины и можно будет перейти улицу, а потом разойтись в разные стороны. Мы могли бы нарочито игнорировать друг друга — я со своей сигареткой, Лили с открытой банкой колы, которую она изящно выудила из кармана куртки. И все же на какое-то мгновение я почувствовала искреннюю симпатию к ней, и отпала всякая необходимость что-либо говорить. Наше молчание переполняли десятки возможностей для новых откровений. Мы слышали журчание невидимых струй: ручейки талой воды бежали по мостовой и по тротуару. Мы слышали хруст кристаллов соли под шинами проезжающих автомобилей. Потом Лили отшвырнула

пустую банку в снег, и я поняла, что она призналась мне без всякой на то причины. Я поняла, что она призналась только потому, что мне некому было об этом рассказать. С таким же успехом она могла поведать свой секрет придорожному сугробу.

Сигарета чуть не вывалилась из моих губ.

— Да ты не бойся, все забудется. Ну… эти сплетни.

Она в третий раз пожала плечами:

— Думаешь? Сомневаюсь.

Лили сбила с ботинка кусок грязи, покрепче намотала шарф на шею — и показалась мне еще более симпатичной, когда ее длинная, согнутая в локте рука выписала в воздухе неопределенную геометрическую фигуру. Она произнесла последние слова с каким-то скрытым удовольствием, даже самодовольством.

На другой день я следила за ней. Съев сэндвич с ореховым маслом в последней кабинке в женском туалете, я вышла и заметила, как Лили заходит в кабинет школьного методиста. Заметила мельком — только ее затылок и синий рюкзак за спиной. В тот день на урок английского она не пришла, но потом я увидела ее у питьевого фонтанчика: наклонившись к струйке, она

зажала в кулак прядь темных волос. И я пошла за ней следом вверх по лестнице. На площадке второго этажа она выглянула в окно — и я тоже посмотрела туда: несколько фиолетовых ворон копошились в мусорном баке, выуживая что-то съестное. Лили лишь на секунду остановилась, чтобы поглядеть на птиц, и, когда она повернула голову, я увидела белки ее глаз. Потом прозвенел последний звонок, и я видела, как она шла по освещенному флуоресцентными лампами коридору, и все буквально шарахались от нее.

Внешне Лили ничуть не изменилась. Она одевалась так же ярко и кричаще: обтягивающие свитерки с расползающимися швами и застиранные, заношенные до дыр джинсы. Она так же охотно демонстрировала грудь. Она по-прежнему ходила на цыпочках, чем напоминала птицу в поисках корма. Лили всегда была всеобщей любимицей. Единственной ее пламенной страстью было нравиться всем. А теперь, когда она проходила мимо, все отворачивались, пряча глаза. Даже у Ларса Солвина, с которым она крутила любовь с шестого класса, запунцовела кожа под светлой бороденкой, стоило ему заметить ее в дальнем конце коридора. Росту в нем было шесть футов, и он был форвардом в дублирующем со-

ставе нашей хоккейной команды. Но он нашел остроумный способ маскировки: привалился к шкафчику и начал пристально изучать циферблат своих спортивных часов. При приближении Лили приятели окружили его плотным кольцом, приложили пальцы к козырькам бейсболок и поддернули джинсы. Все устремили глаза в пол — только бы не пялиться на торчащие груди Лили, а самый незадачливый, кто оказался рядом с классной комнатой, почувствовал себя обязанным галантно открыть перед ней дверь.

— Спасибо! — проговорила она без улыбки, но в то же время и *как бы* улыбнувшись.

Я проследовала за ней в класс естествознания и сама открыла себе дверь.

Я много лет подряд сидела с ней рядом: ведь в журнале фамилия Ферстон не так далеко от Холберн. И много лет я смутно ощущала свою обязанность защищать Лили, которую смутно презирала, потому что она жила в трейлере на берегу одного из соседних озер, потому что ее все любили и потому что каждую субботу ее пьяный отец спотыкался и падал где-нибудь на Гузнек-хайвее, и перед церковной службой кто-нибудь подбирал его там и отвозил домой. А теперь я незаметно придвинула ближе к ее парте свою.

Я смотрела, как шевелятся зеленые нитки на рукавах ее свитера, когда она открыла тетрадку. Я заметила, что она туда ничего не записывала: не делала заметок о коротком жизненном цикле одноклеточных, не чертила диаграммы, на которых бактерии располагались бы внизу пищевой цепочки как микроорганизмы, разлагающие органические останки. Она просто рисовала ручкой змеевидные спирали, а потом медленно зарисовывала образующиеся кольца десятками, сотнями улыбающихся рожиц.

3

И кто за кем подглядывает? Так я подумала, когда вышла однажды утром к псам и заметила, что телескоп на другом берегу развернут в нашу сторону. Он был нацелен как стрела прямо в сердце нашей хижины, прямо на то окно, где щели были заткнуты старым тряпьем. Над нашей входной дверью трепыхалось заплесневелое полотнище брезента. Я почувствовала, как волосы у меня на голове ощетинились.

Я взглянула вверх. Надо мной порхал бледно-желтый листок: вверх-вниз — порывы ветра теребили его, не давая упасть на землю. Подпрыгнув, я поймала листок. А другой рукой стала гладить собак по голове, дыханием согревая защелки на их ошейниках. При этом я выдыхала: «Фух!», отчего звери закружились на месте, и одного за другим стала спускать их с цепи. Я скомандовала: «Пошли!» — и Эйб, Доктор, Тихоня и Джаспер помчались в лес. Некоторое время я вслушивалась в их шумное дыхание, пока они прыжками перемахивали через слежавшиеся сугробы. Потом, когда восходящее солнце осветило верхушки деревьев, я услышала, как застывшее

озеро застонало под их лапами. Было ясно, что ледяному покрову лежать осталось недолго.

Так и вышло. Когда к берегу прибило последнее крошево льдин, а остатки снежных дюн еще лепились к северным склонам нашего холма, я снова его увидела — мальчугана из коттеджа. Он сидел на корточках посреди дороги недалеко от нашей хижины. В тот день солнце уже пригревало так, что впору было ходить в расстегнутой куртке. Я шагала к дому от автобусной остановки и читала на ходу книгу. Не помню какую. В тот период я увлекалась географическими картами и техническими схемами. «Знаменитые спасательные экспедиции на старом Северо-Западе. Смастери байдарку сам». Я уже почти дошла до зарослей сумаха, как вдруг заметила его. На усыпанной гравием обочине стоял велик вверх колесами, балансируя на руле. Я не сразу заметила молодую женщину, присевшую около велика — она пыталась надеть слетевшую с шестеренки цепь. Когда я подошла поближе, и девушка, и мальчуган молча посмотрели на меня. У них, я заметила, были одинаковые карие глаза и одинаковые оранжевато-светлые волосы.

Они одновременно подняли головы, напомнив мне оленей. Я даже подумала, что они сейчас

вскочат и грациозно убегут в лес. Но они остались на месте.

— Привет! — с воодушевлением произнес мальчуган и снова вернулся к своим заботам. — Это она, — пробормотал он, обращаясь к женщине.

– *Кто* «она»? — проговорила женщина. И обратилась ко мне: — По-моему, мы не знакомы.

Как и мальчуган, она держалась приветливо, но думала о чем-то своем.

— Похоже, мы тут застряли надолго. — Она беззаботно рассмеялась и положила перемазанную машинным маслом ладонь мальчугану на голову. — Сама видишь, какой из меня специалист по транспортным средствам. А если серьезно, мой муж не доверяет мне даже водить машину. Хотя он не патриарх какой-нибудь. Вот что я хочу сказать.

— Пат-риах, — повторил мальчик, не поднимая глаз.

— Человек, который командует всеми, но не всегда справедливо. — Она взглянула на меня, ища подтверждения своим словам: — Ведь так?

— Так, — произнес мальчик, занятый своим делом. Похоже, он набивал жухлыми листьями черный мешок.

— В первый же день, как мы сюда приехали, я

протаранила машиной сугроб! *Бам!* И дала себе слово иметь дело только с велосипедом. Так ведь безопаснее? — Она как будто хотела услышать, что я с ней согласна. Она была ниже ростом, чем мне казалось издалека, когда я из окна наблюдала за ней зимними вечерами, — да еще и худющая: кожа да кости. По сравнению со мной она выглядела просто пигалицей. На ней была темно-бордовая фуфайка с логотипом Чикагского университета, рукава подвернуты до локтей.

— А ты ведь наша соседка из дома на противоположном берегу озера, да? — продолжала она. — Я поздоровалась? — Она повернулась к малышу: — Я с ней поздоровалась? А то я совсем забыла правила хорошего тона.

Мальчик встал.

— Надо так говорить. Здравствуйте! — Он бросился ко мне, протянув большую черную руку для пожатия. Это была распухшая и как-то чудно вывернутая кисть — все пальцы торчали в разные стороны, изгибаясь толстыми червяками.

Я невольно отпрянула назад.

— Это мой Помощник Третья Рука, — объяснил мальчик. — Он меня охраняет.

Только теперь я поняла, что он набил листьями мужскую кожаную перчатку, которой принялся

колотить по сосновому стволу. После нескольких ударов он запыхался и снова присел на корточки. Утомился.

— Он обожает эту игру, — объяснила пигалица. — Да, я — Патра, его мама. А это — Пол, мой сын. А вы… Безымянная соседка.

— Безымянная! — засмеялся мальчуган.

Вблизи она выглядела совсем юной, чтобы быть чьей-то матерью. Бровей у нее не было вовсе, она была худая, как я, фигура совсем без выпуклостей, одета в теннисные туфли, легинсы и длинные шерстяные носки, натянутые до колен. Волосы у нее были такие же оранжеватые и редкие, как у мальчика, но кудрявые, собранные под голубым пластиковым обручем.

Когда она улыбалась, обруч немного сдвигался назад.

— Да я шучу. Тебя зовут…

«Мэтти», — подумала я нехотя — так ветер вытягивает смолу из коры деревьев. Но вслух произнесла:

— Линда!

Мальчуган, оставаясь на корточках, потянул мать за рукав:

— Мне надо ей кое-что сказать!

— Ну так скажи!

— Это *секрет*! — капризно протянул он.

— Тогда подойди и скажи! — Она подтолкнула его ко мне. Я стояла напротив них на обочине. — Только посмотри по сторонам, когда будешь переходить дорогу. Хотя… — Она обратилась ко мне: — Пока мы тут были, я не видела ни одной машины. Это так чудесно! Местные жители могут без опаски читать прямо по середине проезжей части!

Она мне при этом подмигнула? Она насмехалась надо мной? А мне тоже надо было посмеяться?

Она сказала сыну:

— Сначала направо, потом налево. И — вперед!

На суде меня все спрашивали: когда я поняла, что с мальчиком что-то не то. И правильным ответом, наверное, было бы: сразу же! Но это ощущение улетучилось, когда я получше его узнала. Как Пол начинал задыхаться, когда долго говорил, и как ему надо было сесть отдохнуть, когда он перевозбуждался, — эти странности в его поведении постепенно начали мне казаться просто его особенностями. Пол был шебутным, обидчивым, а иногда его охватывало какое-то маниакальное возбуждение. Я постепенно привыкла к его перепадам настроения. Хотя внешне

он многим казался старше своих лет, весной, когда я с ним познакомилась, ему исполнилось четыре. У него были набрякшие веки и крупные красные руки. Он строил типичные для ребенка четырех лет планы на жизнь: слетать на Марс, заиметь ботинки со шнурками. На веранде-палубе он сооружал город из камешков и пучков травы. Почти любую одежду, которую он носил, украшало изображение поезда: паровозик Томас[12], или старинные вагоны-скотовозки, или просто паровозы. Но он ни разу в жизни не видел настоящий поезд. Всю весну он ездил привязанный ремнями к пластиковому велосипедному сиденью позади матери — в продуктовую лавку или на почту. И повсюду таскал с собой эту старую кожаную перчатку, у которой кончики пальцев были стерты почти насквозь и стали фиолетовыми, а ладони сгнили и позеленели от сырости.

Перейдя дорогу, он сразу отдал мне перчатку, а сам сжал пальцы в кулачки и прижал их к промежности. Он заставил меня нагнуться и шепнул на ухо:

— Я хочу в туалет!

Я помню, как подумала тогда: «Этого мне только

---

[12] Примечания: 12
Главный персонаж серии мультфильмов.

не хватало!» Яркое солнце, недавно еще висевшее над дорогой, укатилось за деревья и теперь освещало другую часть леса. Ну и что с ним делать? Я поглядела на его мать: она вытерла ладони о свитер, поставила велосипед на колеса и позвала сына. Потом, держа велосипед за руль, покатила его через дорогу к нам. У нее на запястье болтался мальчиковый шлем на ремешке, а велик издавал металлический стук.

— По-моему, он хочет… — начала я. Но это было и так ясно. Мальчуган обеими руками сжимал промежность. И мне не было необходимости повторять сказанное им, громко озвучивать его желание. Но она уже подхватила его на руки, уместила на пластиковом сиденье и пристегнула ремнем безопасности.

У него был такой вид, что он вот-вот расплачется, и мама поцеловала его в лоб, смахнув челку с глаз.

— Велик так и не удалось починить, малыш, но я буду толкать его и тебя руками, а мы будем топать и петь. Как тебе такое предложение? — Она бросила взгляд на кожаную перчатку в моей руке, и я отдала перчатку, которую она вложила ему в ладошки. — Ну вот. И что мы будем петь, солнышко?

— Добрый король Вацлав[13], — проговорил он, надув губы.

— Ты не хочешь с нами, Линда? Пошли, проводи нас до дому! — Она улыбнулась, и я отметила про себя, как быстро она меняла маски: то заботливая мамочка, то взрослая женщина, предлагающая вступить с ней в тайный сговор. Уж не знаю почему, но меня порадовала перспектива второго варианта. И я, к своему удивлению, кивнула в знак согласия.

Когда мы пришли к их коттеджу, дверь оказалась не заперта. Пол дернул за ручку. Войдя в дом, мать и сын потопали ногами на половике.

— Фи-фай-фо-фам! — прорычал мальчик.

— Чую кровь англичанина! — отозвалась Патра. Потом оба плюхнулись на пол — мальчик оказался в объятиях у матери. Она сняла с него ботинки, а сама начала притворно кусать его за шею.

«Вот дают!» — подумала я, глядя на их ритуал. Оба кота лениво наблюдали за ними с подоконников. Я сошла с половика и направилась в комнату — так входишь в теплую воду: вентиль отопле-

[13] Примечания: 13

Популярная рождественская песенка про щедрого короля Богемии Вацлава Первого.

ния у них был на максимуме. И я сразу ощутила на себе все свои одежки, всю эту ношу, которую я таскала целый день, а потом ощутила каждую одежку по отдельности, от верхней до нательной: отцовскую охотничью куртку, свитер, фланелевую рубашку, футболку, отсутствующий лифчик, пот на коже. Пот струился из левой подмышки. Я поежилась.

— Ну, входи! — пригласила Патра. Она осталась в одних носках, а Пол, уже без ботинок, помчался писать.

Их коттедж состоял из одной большой комнаты, которую я видела в окно по вечерам. Кухонный отсек со всякими блестящими прибамбасами располагался у внутреннего простенка. Озеро, поблескивающее мириадами крошечных рыболовных крючков, виднелось в дальних окнах. Вся мебель у них была новая, я сразу заметила, вся в бордовых и кремовых, коричневых и желтых тонах. В углу стояли обитые вельветом кушетки, а в самом центре — стол коньячного цвета, пахнущий свежей древесиной, точно недавно разрубленные сосновые поленья. Из глубины темного коридора донесся шум спускаемой воды. По коридору в комнату вбежал вприпрыжку мальчик, в одних носках, он перескакивал с од-

ного овального коврика на другой, и эта сложная забава требовала от него полной концентрации внимания.

Он подбежал ко мне и потребовал:

— Снимай ботинки!

Ботинки, свалявшиеся шерстяные носки, а под ними желтые грязные пальцы. Я покачала головой.

— Ну, тогда снимай куртку!

Но я осталась в куртке. Большая комната купалась в солнечном свете — смахивающем на мочу, бледном, но при этом знойном. На секунду я забеспокоилась, что мама может заметить меня здесь, глядя через озеро к ним в окна. Потом вспомнила, какими непроницаемо черными были эти гигантские стеклянные треугольники в дневное время. Ничего бы она не разглядела.

— Снимай ботинки, — повторил он.

— Не будь деспотом, Пол! — сделала ему замечание мама.

— Депсотом! — механически повторил он.

— Это как патриарх — только еще хуже! Всем указывает, что делать. Хотя никто его не выбирал и не наделял такой властью! — Патра стояла у кухонной стойки и наполняла водой чайник. Я вспомнила, что много раз видела эту сцену,

наблюдая за ней из хижины. Потом на столе появятся чистые кружки, тарелки, и она начнет нарезать нам еду.

— Давай приготовим что-нибудь вкусненькое, — предложила она. — Иди помогать, Линда!

Пол вцепился в мою руку.

— Ну сними ботинки! — умолял он. — Сними ботинки! Сними ботинки!

Я не наклонилась к нему. Я не стала использовать интонации, специально предназначенные для разговоров с детьми.

— Нет, спасибо, — произнесла я так тихо, чтобы Патра не смогла услышать. Почти прошипела. — И отпусти мою руку, ага?

Мальчик недоуменно смотрел на меня снизу вверх. Словно я его попросила снять с себя лицо.

Минут через двадцать мы ели лапшу со сливочным маслом и зеленый салат из волнистых листьев, которых я раньше никогда в жизни не видела. Листья закручивались вокруг моей вилки. Толстая куртка стесняла движения, и, хотя в ней я чувствовала себя жутко неловко, моя рука двигалась медленно и аккуратно, когда поднимала ко рту кружку с чаем. Ботинки оттягивали ноги словно железные гири. Я намазала маслом клинообразный тост и учуяла, что пот пропитал

все нижние слои одежды, просочившись сквозь футболку и фланелевую рубашку. Но мне было плевать. На дне кружки плавал чайный пакетик, точно утопленник, а чай имел яркий вкус весны: мяты и сельдерея. От пара у меня в носу скопилась влага, и перед глазами все поплыло. Патра нарезала помидоры красивыми красными монетами.

— Я расскажу про тебя Лео, — сообщила Патра. — Он был уверен, что в такой глуши вдали от города обитают одни старые хиппи да отшельники. И еще он велел опасаться местных медведей и мошенников.

— Они без ошейников! — кивнул Пол.

— А кто такой Лео? — спросила я. Мои глаза слезились.

— Папа! — пояснил Пол.

— Он сейчас на Гавайях, — добавила Патра. — У него мартовский период активности в поисках протогалактик. Он вычерчивает карты неба.

— А, *Гавайи*, — кивнула я. Это я произнесла таким тоном, словно хотела сообщить, что и сама побывала там недавно, что тамошняя еда ужасна, а местные крайне неприветливы. И пожала плечами. Словно я за свою жизнь и так уже много времени потратила впустую в поисках протога-

лактик на тропических островах.

— Да, кстати! — обратилась ко мне Патра. Она разматывала вилкой и ножом спутавшуюся лапшу в тарелке Пола и раскладывала ее длинными параллельными канатиками. Она остановилась. — Нам надо позвонить твоей маме, правильно? Надо сказать, где ты, на тот случай, если она готовит тебе ужин. Вот! — Она сунула руку в карман и вытащила что-то продолговатое. — В лесничестве есть вышка, — она махнула рукой куда-то назад. — И еще Лео установил мощный усилитель на крыше. Надо выйти на веранду — там прием лучше, если встать рядом с телескопом! — Помолчав, она добавила: — Иногда.

Осторожно я взяла протянутый сотовый телефон. Он оказался тяжелее, чем я подумала, оценив его на вид. Много лет спустя я нарочно зашвырну свой сотовый в реку: я задолжала провайдеру такую сумму, что мою симку просто отключили, и телефон стал бесполезен. Но в те времена я еще никогда в жизни не держала в руках сотовый. Я на минутку присела на стул и взвесила его на ладони, потом стала рассматривать округлое пластиковое тело и шершавую веточку антенны. Потом, осторожно, опасаясь сшибить что-нибудь со стола большими рукавами своей куртки, я ото-

двинула стул и вышла из комнаты на веранду.

Уже почти совсем стемнело. На прохладном вечернем воздухе моя куртка невероятным образом стала легче, почти растворилась. Я стояла не шелохнувшись и ждала, когда глаза приспособятся к шуршащей темноте. Удивительное дело: среди вечерних теней телескоп казался живым существом. Огромная продолговатая птица — вроде цапли-мутанта — примостилась на деревянной планке, вперив в меня один глаз. Но я проигнорировала телескоп и устремила взгляд на озеро. Последние островки льда исчезли, и бледные лучи зашедшего солнца отбрасывали темные всполохи на покрытую рябью водную гладь. Суетливая гагара нырнула под воду.

Наконец, потянув так время, я перевела взгляд на родительскую хижину.

Никто не зажег там свет, но в этом ничего особенно и не было. Отец, это уж точно, попивал пивко в компании Тихони в мастерской. Обычно почти все вечера напролет мама сшивала лоскутные одеяла за столом у печки, пока не становилось так темно, что она то и дело всаживала иголку себе в пальцы. А потом, словно удивившись, словно шокированная тем, что вот и еще один день прошел — очередной день иссяк, — она

зажигала фонарь или запускала генератор в чулане, от которого работала потолочная лампа на кухне. Причем делала это так, словно ее обидели.

— И почему ты мне не сказала, что уже стемнело? — возмущалась она, если я оказывалась рядом и доделывала последние крохи домашнего задания. Не знаю, почему мне доставляло такое удовольствие видеть, как ночь вот так незаметно вползает в дом. Как не знаю, какое это вообще имело ко мне отношение, — но правда в том, что я почти всегда знала, что уже темно, и у меня было такое ощущение, что я раз за разом заманиваю маму в одну и ту же ловушку.

«Попалась!» — думала я.

Хотя в этом месте озеро сужалось, но все равно если топать вдоль берега, то до хижины родителей было мили две, а если прямиком через лес — то идти пришлось бы час. Наша хижина, с крышей, наполовину обложенной кровельной плиткой, со стенами, подпертыми поленницами дров, темнела за соснами. Черная, чавкающая под ногами тропка вилась от нужника к мастерской, а оттуда к входной двери. Размеры нашей хибары — шестнадцать на двадцать футов, включая комнату родителей и мой «лофт», включая все жилые помещения вместе с железной печкой

и сколоченным из старых досок столом. Сама измеряла. Вечер был темный, и я могла различить только вьющийся дымок над трубой. Я едва видела черные силуэты псов, скользящие в тенях под соснами.

А за спиной четко слышались голоса. Звяканье вилок о тарелки. Мой ужин остывал.

Я нажала наугад несколько кнопок и прижала телефон к уху. Я вообразила, что Патра стоит позади меня, и набрала побольше воздуху.

— Нет, мам, я в порядке! Буду дома через пару часиков. Нет, они милые! Патра и Пол. Они хотят, чтобы я осталась у них после ужина. Они хотят сыграть со мной в «Рыбака и рыбку». Они хотят, чтобы я почитала ребенку и посмотрела с ним «Волшебника из страны Оз» на DVD. Они хотят угостить меня попкорном. Нет, я не знаю, чем они тут занимаются. Она вроде астроном — или это ее муж астроном. Нет, ничего таинственного в этом нет, это же наука, это научная работа. Изучение звезд. Нет, меня не похитят — их же двое: мать и сынишка, они не члены секты, они не хиппи, ничего опасного! Они милые безобидные люди. Им требуется помощник и наставник. Им нужен кто-то, кто научит их жить в лесу!

4

Чем я и занялась. В апреле я начала брать Пола на прогулки в лес, пока Патра вычитывала рукопись мужа. Распечатанные страницы лежали стопками по всему коттеджу, на кухонной стойке и под стульями. А еще повсюду валялись стопки книг и брошюр. Я подсмотрела названия: «Предсказания и обещания: внеземные тела», «Наука и здоровье. Ключ к Писанию», «Необходимости космоса».

«Просто несколько часов побудьте вне дома», — такое наставление дала Патра. Она вручила мне чипсы и брецели — соленые коричневые крендельки. А еще — синий рюкзак. И воду в бутылочках, книги о поездах, влажные салфетки, книжки-раскраски и цветные карандаши, солнцезащитный лосьон. Это все я засунула в рюкзак. А Пола взяла за руку. Его пальчики были влажные и все время шевелились, точно червячки. Но ко мне он отнесся спокойно, вроде как не испытал шока от прикосновения к моей коже.

Он вел себя не как лесной зверек. И мне не пришлось завоевывать его доверие.

Патра предложила десять долларов в день,

поэтому я уволилась с временной работы в закусочной, где мне приходилось ходить в бумажном переднике, приколотом, словно кукольная одежда, к свитеру. По правде сказать, мне всегда было влом убирать со столов оставленные посетителями кружки, тарелки да недоеденные сэндвичи. Еще они оставляли липкие десятицентовики — чаевые. А Патра всегда платила хрустящими новенькими купюрами.

После школы я вела Пола в свое любимое местечко на озере, где гранитные плиты были испещрены крупными блестящими прожилками кварца. На берегу все еще поблескивали остатки ледяных глыб. Огромные чайки парили над нашими головами. Мы располагались на оленьем мху и молча ели брецели. Обычно Пол рылся в своем рюкзачке и потом, вывернув его наизнанку, слизывал крупинки соли с подкладки. Иногда я тайком от него выкуривала сигаретку и швыряла окурок в воду. Минут через десять наши задницы становились влажными, я прятала рюкзак за деревом, и мы отправлялись в обратный путь.

К пяти часам дня, вдали от прогретых солнцем прибрежных скал, становилось прохладно. Но это же был апрель. Хотя почки на деревьях еще оставались твердыми, как наконечники стрел,

мы ощущали исходящий от сосен аромат густой смолы. Мы вдыхали гнилостный запах жухлых листьев под слоем снега в оврагах. Я уже не держала Пола за ручку. В это время года леса пусты и безопасны и приветливо встречают маленьких мальчиков, которые хотят прыгать с поваленных деревьев и валунов. Я шла чуть впереди, исследуя вьющуюся тропу среди слякоти и ягодных кустарников. Пол обычно брал с собой свою кожаную перчатку и набивал ее то камешками, то сосновыми иголками. Или блестящими черными гранулами.

— Ты что, совсем? — воскликнула я, оглянувшись.

— Это для моего города! — объяснил он.

— Для города нужны кроличьи какашки? — удивилась я.

— Пушечные ядра! — поправил он.

С ним вовсе не было скучно, чего я опасалась. Он говорил белкам: «Берегитесь!», возмущался мусором, тщательно мыл свои пушечные ядра, пока они не растворялись в воде, заполнившей брошенное на берегу каноэ. Я научила его заламывать веточки вдоль тропы, чтобы легче было найти обратную дорогу, наступать на замшелые части валунов, которые были менее скользкими,

чем голая поверхность. Чтобы нарушить молчание, чтобы хоть чем-то заняться, я называла предметы, мимо которых мы шли, углубляясь в лес. Ползучие земляничные деревья. Синицы. Когда мы наткнулись на разбросанные пивные банки под утесом, Пол вопросительно ткнул в них пальчиком, и я сказала: «Мусор».

Иногда Пол рассказывал про исследования своего папы («он считает маленькие звезды»), и про работу мамы («она исправляет его слова»), и про город, который он строил на веранде. Там были дороги, вымощенные корой, стены из палочек и камешков, железнодорожные пути из сухих листочков.

— А кто живет в твоем городе? — однажды спросила я. И вспомнила детей, которых когда-то было полным-полно в нашем бараке. У них тоже были любимые занятия: они строили города для фей. Они делали маленьких человечков, которые приходили по ночам.

— Там никто не живет… — Похоже, мой вопрос его расстроил.

— Тогда зачем ты его строишь?

Он пожал плечами:

— Ну, это просто город.

— Просто город, — повторила я. И вдруг про-

никлась к нему уважением.

Он верил мне беспрекословно. И принимал меня безоговорочно, как будто знал с рождения. Когда мы вскарабкивались на скалу и не могли спуститься, он, ни слова не говоря, расставлял ручонки, и я, подхватив его под мышки, спускала вниз. Когда ему хотелось писать, а это случалось часто, он просто говорил: «Мне надо отойти», и я поддерживала его за плечи, когда он спускал штанишки. Когда я впервые увидела его пипку, меня охватила волна симпатии и отвращения, примерно ту же смесь чувств я испытала, когда однажды наткнулась на трупики мышат в дупле дерева. У этих мышат были голубые бугорки вместо глаз и розовые хвостики, сплетенные в большой узел.

— Фу! — произнес Пол, когда я помогла ему натянуть намоченные трусики и вытереть ладошки о листок.

— Фу! — согласилась я.

В другой раз я указала пальцем на бревно:

— Попробуй попасть туда!

Каждый вечер над нашими головами слышались птичьи переклички — это канадские гуси возвращались домой из теплых краев. Вожаки, лавируя в воздушных потоках, указывали стае

направление полета. На заходе солнца мы поворачивали домой. Пол нарочно тормозил, отставая от меня все больше и больше, и когда в воздухе холодало и возвращалась зима в миниатюре, как оно обычно и бывает апрельскими вечерами, я надевала рюкзачок на Пола, а потом сажала его на закорки, и мы топали к коттеджу на озере. Его пальчики клещами вцеплялись мне в волосы, а его дыхание грело мне ухо.

Как-то раз, когда я помогала Полу слезть с валуна, мы наткнулись на гнездовье диких уток так далеко от берега, что утятам ничего не осталось, кроме как с перепуганным кряканьем разбежаться врассыпную желтыми пятнами. Пол потянулся за одним из них. Коричневая мамаша-утка отскочила на несколько футов в сторону и стала с отсутствующим видом ждать, не случится ли с ее детенышем трагедия. Ее перья, ровные и гладкие, точно рыбья чешуя, поблескивали пурпурным оттенком. Она, как и я, даже не думала вмешаться, когда Пол ухватил-таки одного утенка за крыло. У него были самые добрые намерения: ведь он был добрым ребенком. В последний момент, правда, он отдернул руку, словно от испуга, словно ощутил нечто ужасное, таящееся под пухом, нечто колючее, твердое, неожиданное.

— Ой! — воскликнул он.

— Что? — спросила я, впервые раздражаясь на него.

Его капризная привередливость меня немного коробила, немного злила. Мне хотелось, чтобы он схватил утенка и сделал с ним что-то бессердечное, хулиганское, чтобы мне пришлось напомнить ему, как важно быть добрым. Не знаю. Мне хотелось остановить его, когда он обнаружит под ореолом пуха хрупкую конструкцию из косточек. Мне просто захотелось заступиться за диких животных. Меня раздражало, что он такой нерешительный и пугливый. Мы стояли и смотрели, как утята, переваливаясь, заспешили под крыло матери и все семейство воссоединилось под сосной.

На мгновение меня обуяло странное желание поднять камень и швырнуть в утиную толпу. Наверное, мне хотелось продемонстрировать Полу что-то, заставить его испытать испуг от правильного поведения.

Или вот другой случай. Вечером мы с Полом взобрались на вершину последнего холма, и когда я вгляделась в темнеющий лес, чтобы найти нашу тропинку, вдруг заметила пару оленей: они одновременно подняли головы и вышли из-за

деревьев.

Мы вытаращились на них, а они на нас, и потом минут тридцать мы стояли, не шелохнувшись. Пока мы так стояли и смотрели, их стало больше: сначала три, потом четыре, потом пять. Их шкуры были точно такого же серо-коричневого цвета, что кора и листва деревьев, а кожа вокруг глаз — красноватая. Я вживую ощутила, как от их спин на нас подул бриз, как он приподнял прядь волос с моей груди и разметал по плечам.

— Они на нас нападут, — прошептал Пол, схватив меня за руку.

— Это стадо, — успокоила его я, — и они нас боятся.

Из леса вышли еще два оленя. Пол шевельнулся.

— Да все нормально! Они же добыча! — заметила я.

Спины оленей серебрились под ветерком. Розовые глаза моргали. Я знала, что они мгновенно сорвутся с места: я видела, как напряглись их задние ноги. Но даже у меня возникло иррациональное опасение, что вот сейчас они бросятся на нас. Олени, казалось, изготовились к нападению.

А потом вдруг они всем скопом, задрав белые хвостики, помчались за дальний хребет. Они

передвигались вприпрыжку с той механической грацией, какая свойственна живым существам — кузнечикам или птицам, словно ничто, кроме смерти, не может прервать повторяющийся ритм их слаженных движений. С веток нас окатили капли прошедшего дождя. Мы остались одни.

Фи-фай-фо-фам. Суп из банки, салат из пакета. Кошачья шерсть на моем свитере. Коты ползли с подоконника на ковер, где они начинали самозабвенно тереться спинами о ворс и выпускать друг на дружку когти. Видео с говорящей собакой, книга за книгой.

— Пей спокойно, Пол! — Мальчишка пил яблочный сок так жадно, что половина лилась мимо рта по подбородку. Моя охотничья куртка висела на крючке, все еще сохраняя форму моих скрюченных плеч. По крыше носились белки. А на земле проросшие кленовые семена и кусты толокнянки пускали вглубь новые волосистые корни. На том берегу озера — на дальнем берегу, под соснами, — стояли мои псы. Они нетерпеливо дергали цепи, — проголодались и ждали моего возвращения. Там, на дальнем берегу озера, моя мама, снова забыв включить свет вечером, все видела — а может, и нет.

Уложив Пола спать, появилась Патра. Она пришла из задней комнаты, волосы прилипли к ее лицу, словно она сама только что проснулась. Перед тем как пойти укладывать Пола, она дала мне пазл «Конь аппалуза»[14] из ста фрагментов — чтобы я не скучала, пока она купает сына в ванне. И когда она вышла, сонно щурясь, я все еще пыхтела над головоломкой.

— Ох, Линда! — воскликнула она, увидев меня за столом, заваленным фрагментами пазла. Я опустила руки под стол, нащупала на обшлаге своего свитера нитку и стала ее теребить.

— Привет! — сказала я.

По-моему, ей стало стыдно за то, что она позабыла обо мне, потому что она вдруг засуетилась: достала из микроволновки миску с попкорном и выставила на стол тарелку с крутыми яйцами. Она все это положила в два пластиковых пакета, чтобы я перекусила по дороге домой: все было белым и теплым — один пакет был легкий, как воздух, а из другого шел пар. Я разложила пакеты по разным карманам куртки.

— Не слишком темно идти по лесу одной? — выглянув в окно, спросила она — но как-то

---

[14] Примечания: 14
Выведенная в США порода лошадей необычной пятнистой масти.

безучастно. Ветка шуршала о стекло снаружи. Она выудила из кошелька десятку и протянула мне.

— Не-а. — Я скрутила десятку трубочкой и, приложив к глазу, притворилась, что изучаю ее как в миниатюрный телескоп.

— А вот и вы! — воскликнула я.

— Ха-ха! — отозвалась Патра. Но вообще-то она не засмеялась.

Я сложила трубочку пополам. А потом вдруг ни с того ни с сего меня накрыла волна униженного стыда, словно я — мистер Грирсон, шутливо изображающий телефон двумя растопыренными пальцами, а Патра — Лили, задабривающая меня, чтобы добиться своего. Ха-ха. Даже ее притворный смех говорил мне: пока-пока!

И почему я тогда просто не ушла? Мне всего-то и надо было моргнуть и забыть про нее, и через пять минут я бы уже шагала вдоль озера, глядела бы на старые деревья с шумящими над моей головой кронами и на старую луну, которая прорезывалась сквозь облака и расстилала передо мной дорожку света. О, я любила ночь! Мне в ней было уютно. Но по какой-то причине мне было трудно толкнуть дверь коттеджа. Я сунула сложенную купюру в карман куртки рядом с

крутым яйцом и целую вечность провозилась с молнией куртки.

— А о чем пишет ваш муж? — спросила я напоследок.

— Э-э-э… — Вопрос ее явно озадачил.

Я сунул руки в карманы и мысленно взвесила попкорн и яйцо.

— Мне кажется, это интересно. О космическом пространстве.

— Да ладно… — сказала я.

Она улыбнулась и, нагнувшись, протянула руку черному коту. Кот прошел по ковру и оказался прямо в ее руках — словно она подтянула его к себе на леске. Пойман по собственному желанию. Кот покосился на меня из-под ее ладоней, тускло сверкнув глазами, точно тыква-фонарь на День благодарения.

— Извини. — Она погладила кота, и тот заурчал. — Эти вещи не всякому дано понять. Помнишь Ньютона?

— Которого казнили?

— Нет, это Галилею чуть не отрубили голову. А Ньютона посвятили в рыцари.

— Точно, — вспомнила я.

— Сэр Исаак Ньютон говорит, что космос — это просто пустое пространство. И что там нет ничего

интересного. А Эйнштейн возразил: нет, на пространство воздействуют космические объекты, и пространство реагирует. — Она поглаживала кота, и под ее ладонью щелкали разряды статического электричества. — Так что на самом деле ничто — это нечто. Это, конечно, подтверждают математические расчеты, но наблюдения тоже. Я понимаю: математика и наблюдения кажутся противоположностями. Иногда люди так и считают, и мой муж участвует в таких вот спорах. Но в космическом порядке вещей эти противоположности прекрасно взаимодополняют друг друга, как две половинки круга.

— Об этом его книга? — с сомнением спросила я.

— Это только *предисловие* к книге! — рассмеялась Патра. — Там говорится о том, почему нам следует доверять… — тут она запнулась, — логике, если мы хотим понять истинную природу мироздания. Вся его книга посвящена истории теорий о жизни. С космологической точки зрения. Для широкой публики. В ней не доказывается ничего нового, там просто показано, что наши доказательные стандарты довольно сомнительны, поэтому…

Она все это говорила таким тоном, словно пыта-

лась убедить меня в чем-то, во что сама не верила или чего не понимала. Она то и дело смотрела поверх моей головы. Словно размышляла, как бы сказать все это иначе, заново, и вообще, надо ли ей меня убеждать. Она открыла рот, потом закрыла.

— У вас, наверное, диплом по английскому языку, — предположила я.

Она театрально нахмурилась:

— Да ты рылась в моем прошлом!

Но я указала на рукопись, разложенную на кухонной стойке.

— Просто заметила, как вы правите текст. Прям как учительница.

— Это мой самый страшный кошмар! — простонала она. — Преподавать Мильтона в старших классах. — Она положила руку мне на плечо: — Не обижайся!

— Да ничего.

После чего она снова принялась гладить кота, и я неуверенно протянула руку, чтобы тронуть его за спину. Когда я нагнулась к коту, мой карман оттопырился, и из него на пол со стуком высыпалось несколько жареных зерен попкорна.

— Черт, — буркнула я и нагнулась за попкорном.

И тут же рядом со мной оказалась Патра — она встала на колени и стала мне помогать. Кот молнией нырнул под кушетку.

Я заметила, как Патра схватила два зерна и рассеянно сунула их себе в рот. Она поймала мой взгляд и покраснела:

— Ужасно. Да? Это просто ужасно.

На самом деле она была симпатичная, и ее улыбка очень мне нравилась.

— Да нет…

Я нарочно рассыпала несколько зерен по полу, подобрала их и съела. Когда Патра улыбалась, ее губы белели и как бы исчезали. Вблизи я заметила пушок над ее верхней губой и коричневатые веснушки, на веках сливавшиеся в пятнышки. На лбу у нее были три параллельные морщинки, которые разглаживались, но не полностью, когда она улыбалась. Она подобрала и съела еще одно взорванное зерно из тех, что я бросила на пол, а потом еще и еще, не переставая улыбаться. И вот тогда в первый раз, впервые с тех пор как мы познакомились, мне пришло в голову, что ей, наверное, очень одиноко.

5

Вот кто мне теперь чаще всего снится. Псы. Как я занемевшими пальцами пытаюсь разомкнуть защелки на их цепях. Как я разбиваю корку льда в их мисках, чтобы они могли напиться. Во сне я это делаю палкой, или обухом топора, или каблуком ботинка. Это непросто, и мне нужно действовать быстро. Во сне я всегда возвращаюсь очень поздно. Я всегда обхожу озеро уже затемно, отгибая мешающие мне ветки, и вижу, как псы жмутся друг к другу, лежа перед домом. Они кажутся какими-то слишком маленькими для взрослых собак. Скорее, забравшись в вырытые ими в снегу ямки, они похожи на крыс, или ворон, или стоящих на четвереньках детишек. Они слизали с когтей лед, но их слюна заледенела, и им приходится сгрызать ее, кусая себя до крови. Они воют от боли, им мешают цепи, обмотавшиеся вокруг их лап — ну, знаете, как это бывает во сне. А наяву, если я не прихожу домой вовремя, отец, естественно, отводит их в мастерскую и там кормит. Но в моих снах я вижу льдинки, свисающие по бокам их морд, словно клыки. Я вижу, как они, завидев меня, мчатся ко мне через лес

и их любовь ненасытна. Они прыгают на меня и нежно рычат. Они счастливы видеть меня.

* * *

Именно собака нашла в калифорнийской квартире мистера Грирсона ту пачку фоток. Я прочитала об этом в «Норт-стар газетт» вскоре после того, как мистера Грирсона уволили из школы. Он сдал свою квартиру в субаренду какому-то студенту, любителю кокаина, и, как было написано в той статье, местная наркополиция незадолго до того создала подразделение служебных собак — его спонсировал богатый заводчик английских бульдогов. Все страшно гордились новой программой, которая опровергала скептически настроенных противников использования бульдогов для поисков наркотиков. Наверное, редактор отдела криминальной хроники в «Газетт» сделал не один звонок в питомник «Фертайл-холлоу» в Калифорнии, потому что в статье приводилось много цитат о бульдогах. «Мы превратно понимаем истинную природу этих собак, — утверждал богатый заводчик, — когда надеваем на их лапы ботиночки и кладем их рядом с собой в постели. Дайте им дело! Не превращайте вашего бульдога в бабушку Красной Шапочки!»

Английский бульдог по кличке Нестле-Кранч менее чем за двадцать минут нашел кило кокаина в ящике с носками того студента, а в придачу выудил из-под раковины в ванной обувную коробку, полную непристойных фотографий. Эта коробка была найдена по чистой случайности и не заинтересовала наркополицейских. В то же время ни у кого не возникло ни малейших сомнений в том, чья это коробка и что изображают эти фотки. «Дети», — говорилось в статье. Фотографии детей в толстом конверте, адресованном мистеру Адаму Грирсону, проживающему на бульваре Вест-Палм. И кто ж его знает, почему после переезда в Миннесоту он их там оставил и почему использовал свое настоящее имя. В статье как-то обтекаемо говорилось о неприличной находке и об аресте мистера Грирсона, но зато очень подробно, с сочными деталями и в восторженных выражениях, описывался триумф английского бульдога, который его разоблачил. В конце концов Нестле-Кранч из питомника «Фертайл-холлоу» был удостоен звания сержанта, золотого именного значка, недельного отпуска и целого мешка собачьих вкусняшек.

* * *

Но в той первой статье — как и в первых полицейских отчетах — ничего не говорилось ни о мистере Грирсоне, ни об ученице. Как ничего не говорилось ни о происшествии на озере Гон-Лейк, ни о поцелуе. Но слухи продолжали циркулировать.

Той весной я не сводила с Лили глаз. Однажды апрельским утром по пути в школу я заметила, как Лили вылезла из отцовского пикапа, остановившегося позади бейсбольного поля. Накануне ночью подморозило, и слой свежевыпавшего весеннего снега на время вернул на дороги слякоть и техническую соль. Когда пикап отъехал, я увидела, как Лили лизнула свою ладонь, потом нагнулась и смочила слюной испачканные дорожной солью штанины джинсов. Ее пальтишко было расстегнуто, руки без перчаток, голова без шапки, а волосы мокрые. Я пошла за ней через поле к зданию старшей школы, и мне показалось, что ее длинные темные волосы прямо на моих глазах покрываются пленкой льда. Сначала они упруго качались в такт ее шагов, а потом просто застыли. Они стали похожи на глазурь, которую

можно отломить пальцами.

Войдя в здание, она не сразу пошла в класс. Уже прозвенели все звонки, и я двинулась за ней по пустым коридорам, вниз по неосвещенной лестнице, мимо запертого спортзала, мимо выставки спортивных кубков со всеми этими бронзовыми футболистами, оттянувшими носок для удара по мячу. Она шагала тихо, а я еще тише, стараясь ступать ботинками без шума, попеременно правой и левой ногой, как я обычно иду через лес. Линолеум словно впитывал звук моих шагов. А вот теннисные туфли Лили скрипели.

Она купила в автомате банку колы, постояла несколько секунд, попила и, сжав недопитую банку, засунула ее за радиатор отопления. Она зевнула так широко, что у нее появилась лишняя складка под подбородком. Для меня ее второй подбородок стал откровением: о, да Лили Холберн суждено стать толстухой! А мне-то тогда казалось, что я все про нее знаю. Я знала, что мать Лили погибла в автокатастрофе, Лили тогда было двенадцать; что каждое утро отец подвозит ее до школы на пикапе и высаживает у бейсбольного поля; что она после уроков посещает специальные занятия из-за своей дислексии. Я знала, что Ларс Солвин порвал с ней недавно, буквально

за несколько дней до выпускного, и я уже знала, что она рассказывала про то, что у нее было с мистером Грирсоном. Прошлой осенью он отвез ее на Гон-Лейк, по ее словам, они поехали туда на его машине после занятий, и там он ее *поцеловал*. Именно это слово «поцеловал» я много раз слышала в школьных коридорах, и в этом слове было что-то особенно похабное, как будто она не могла придумать что-то более откровенное.

Сама не знаю, зачем я преследовала Лили в тот день, просто это было легко. Она шла по коридору и ерошила свои волосы, отогревая пальцами застывшие на морозце косички. Ее теннисные туфли оставляли мокрые следы на коричневом линолеуме. Я решила, что она направляется к разгрузочной платформе в задней части здания, чтобы улизнуть с уроков, но нет. Она направилась прямехонько в женскую раздевалку, зашла в кабинку туалета, пописала, вымыла руки, пальцем почистила передние зубы и потом подошла к столу забытых вещей в углу.

Я спряталась за распахнутыми дверцами пустых шкафчиков и наблюдала за ней. Про Лили поговаривали, что она глуховата. Поговаривали, что она малость тронутая, что в младенчестве ее как-то надолго оставили на холоде и ее тело

застыло в развитии, не расцвело полностью. Потому что она редко когда произносила несколько слов подряд, потому что трейлер ее отца стоял на границе с индейской резервацией около дальних северных озер, и в детстве у нее было прозвище Лили-индеанка. Бедная Лили-индеанка — так называли ее одноклассницы в начальной школе и с сердобольным видом жертвовали ей принесенные из дома шоколадные пудинги — и это при том, что, как все знали, настоящие дети из племени оджибве ходили в свою школу на озере Винесага. И все же до самой гибели ее матери ходили упорные слухи, что бабушка или прабабушка Лили жила в индейском племени, и только теперь я поняла, что Лили никогда этого и не отрицала.

В тот день в раздевалке я думала об этом, глядя, как Лили нагнулась над коробкой с забытыми вещами и рылась в куче жакетов и бюстгальтеров. Она внимательно перебирала вещи, пока не выудила из коробки пару черных сапог на каблуках, в которых, надев их, сразу стала выглядеть сильно старше. Элегантная, высокая, такая вся из себя видная. Она тогда могла взглянуть в зеркало — и сразу бы заметила меня прямо за своей спиной. Но она не взглянула. Она собрала влажные

волосы в кулак и отжала из прядей последние капельки воды. Потом со вздохом скинула красивые черные сапоги и выбрала то, о чем у нее никто бы никогда не стал спрашивать, — пару больших пушистых голубых варежек, которые она зажала под мышкой. Я смотрела, как она убрала волосы под чужой берет и обернула шею чужим розовым шарфом. Прежде чем зашнуровать теннисные туфли, она сунула в карман чужой флакончик с фиолетовым лаком для ногтей.

Май! Кому теперь нужны сапоги? Сирень расцвела рано. Цветки дикой яблони усыпали ветки, как совсем еще недавно зимний снег: ветки были такие же белые, но гораздо пушистее. Когда мы проходили под яблонями, белые лепестки цеплялись за капюшон Пола. Синицы наворачивали круги в небе.

Май, а Полу, видите ли, наскучил лес. Хотя именно в это время в лесу так интересно! Лесные утки с их лоснящимися зелеными головками вернулись с зимовья. Как и бобры. Было видно, как, впившись зубами в бревнышки, они деловито плывут с ними через озеро.

— Здорово, правда? — закинула я удочку.

Пол молча дубасил палочкой по валуну. Ему хотелось покататься на качелях или с горки. Ему

хотелось оказаться на детской площадке, где есть песочница и бесплатные лопаты и ведра, которые сотрудники управления парков и водоемов содержат в чистоте и порядке. Он знал, чем заняться в парках. Почти всю недолгую жизнь он провел в пригороде Чикаго, где были чистенькие тротуары и аккуратные дворики. Золотистые ретриверы ловили в прыжке фрисби. Ему хотелось кататься на подвешенной к дереву автопокрышке, он скучал по бейсбольному полю, подстриженным лужайкам.

— Ух ты! Еще бобёр! — сказал он.

– *Ух ты*! — передразнила я его. И мне сразу стало неловко.

Короче говоря, однажды дождливым днем в середине мая я надела на него зеленый дождевик, усадила в креслице на велике и повезла за шесть миль в город. Когда мы ехали в горку, мне пришлось приподняться с сиденья и крутить педали стоя, а когда перевалили через хребет, велик сам помчался вниз по маслянистым лужам, разлившимся по всему асфальту. В считаные минуты мы оба вымокли до нитки. Подъехав к начальной школе, мы, ловко балансируя на камешках, дошли до игровой площадки, и я усадила Пола на пластиковое сиденье цепочных качелей.

— Ты этого хотел? — спросила я.

— Наверное, — ответил он. Мне было абсолютно непонятно, чего же ему надо. Он раскачивался взад-вперед, я стояла сзади и смотрела, как хлопает капюшон его дождевика. Мне стало грустно — грусть колола мне грудь, словно палка мокрый песок, так время и прошло…

Позднее, всякий раз, когда я видела ребенка на качелях, меня охватывало горькое чувство. Я ощущала всю безнадежность этой забавы: летишь вверх с чувством восторга, но в середине взлета останавливаешься и летишь обратно. И напрасную надежду на то, что уж в следующий раз, когда снова взлетишь вперед и вверх, никакая сила не вернет тебя обратно. И не придется начинать этот взлет снова и снова.

— Может, тебя посильнее раскачать? — спросила я.

После паузы он ответил:

— Наверное.

Уроки в школе давно закончились, и поначалу мы были на площадке одни. У меня устали руки, а дождь ослабел. Потом показалась молодая мамочка под зонтиком, с малышом в пластиковой прогулочной коляске и маленькой девочкой. Девочка на вид была старше Пола, на ней были

желтые резиновые сапожки и розовый дождевичок. Увидев ее, Пол буквально просиял. Он высыпал из своей кожаной перчатки все камушки и надел ее себе на руку. Перчатка налезла по самый локоть. Ему захотелось, чтобы девочка пораскачивала его, и когда она сменила меня и обеими руками начала сильно толкать пластиковое сиденье, на лице у него возникло какое-то дурацкое выражение, сосредоточенное и мечтательное одновременно, словно он старался разглядывать девочку, не поворачивая головы. Я отправилась к скамейке — не то чтобы сгорая от ревности, но и не испытывая особой радости. Попросив девочку поиграть с ним, Пол не проронил больше ни слова. Он сидел на качелях смирно и, казалось, не замечал девочку, обхватившую его сзади за спину.

Вот когда я увидела, каким он будет в пятнадцать. Я вдруг поняла, каким Пол станет, когда вырастет. Он будет позволять какой-нибудь влюбленной в него девочке усаживать себя на детские качельки, и эта девочка будет писать ручкой на своей ладошке его имя и ждать его после школы. Он станет, не прилагая к этому никаких усилий, яркой звездой школьной постановки «Нашего городка» или вице-президентом школьного со-

вета — ироничным, но добродушным. Он будет невыдающимся, но старательным капитаном школьной команды по бегу. На запястье у него появится загадочная татуировка в виде китайских иероглифов, которые кроме него никто не сможет прочитать, и эта татуировка будет бледной, потому что он сделает ее в дешевом тату-салоне в Беарфине. А еще, возможно, все будут звать его просто Гарднер. Ребят вроде него обычно зовут по фамилии.

— Выше! — сказал он девочке беззлобно и безразлично, словно сделал ей одолжение, позволив себя покачать. Вверху планер медленно парил над верхушками деревьев. На парковке старшеклассники в нескольких пикапах объезжали лужи, и шины визжали на поворотах. У всех пикапов были опущены стекла. Они орали:

— Марко!

— Зубки, — сказала мне молодая мамашка, когда я присела рядом с ней на мокрую скамейку.

— Угу! — кивнула я в знак согласия, выплюнув это словосочетание, словно отмытое ископаемое из древней эпохи значений. Меня успокаивала мысль, что некоторые слова вроде «Марко» или «зубки» не требуют дополнительных пояснений.

Потом молодая мамашка произнесла:

— Этот паршивец откусит мне сосок! — И теперь «зубки» получили нужный контекст и заняли свое место в списке прочих, ничего не значащих слов и банальных фраз, которыми обычно обмениваются незнакомые люди на скамейке в парке под дождем. Я вздохнула, а она продолжала: — Твой братик — просто покоритель сердец!

— Вашу дочку просто легко покорить!

Мы некоторое время молча наблюдали за детьми. Девочка в желтых сапожках стояла близко к качелям, и всякий раз, когда Пол летел назад, он врезался ей в грудь. Она, похоже, была готова упасть.

Женщина фыркнула, когда девочка пошатнулась.

— Это не моя, слава богу! В смысле, не то, что ты подумала. Она моя сестренка.

Я покосилась на нее и заметила прыщики у нее на подбородке и выщипанные брови. На плече ее кожаной куртки засохла клякса отрыжки, а в углу рта торчала палочка-леденец — и она смахивала на провинциалку из мультфильма, грызущую соломинку. Она была похожа на одну из повзрослевших сестер Карен из моего класса, и когда я поймала себя на этом сходстве, мне захотелось рассмеяться — но не потому, что это

было смешно. Девчонки, которые после окончания школы оставались в Лус-Ривере, всегда выскакивали замуж в восемнадцать лет и сразу рожали, после чего поселялись в подвале у родителей или в трейлере на заднем дворе. Так случалось со всеми девчонками, которые были достаточно симпатичными, чтобы в школе стать чирлидершами, но недостаточно мозговитыми, чтобы поступить в колледж. А уж если ты *не была* достаточно симпатичной, то могла рассчитывать на работу в казино или в доме для престарелых в Уайтвуде.

— Сколько вашему малышу? — спросила я, стараясь казаться дружелюбной.

— Пятнадцать недель. Половина срока. После тридцатой недели я перестану его кормить. Мой парень боится моих сисек! Говорит, они его шокируют!

Я опять покосилась на нее с любопытством. Мне казалось, это же очень хорошо, что ее парень не сбежал, хотя мог бы. Если честно, это меня даже удивило. Такое редко случается в жизни — обычно симпатичные девчонки выскакивают замуж за ребят, которые потом уходят в армию или играют в юниорской хоккейной лиге. Так что, может быть, у этой псевдо-Карен был какой-то

скрытый талант? Краем глаза я увидела торчащую из-под блузки грудь. Грудь была какой-то очень *длинной*, с похожим на прыщ соском.

— А почему бы вам не прекратить кормить уже сейчас? — рискнула спросить я.

— Я же не плохая мать! В исследованиях говорится, что материнское молоко для младенцев — самая *охрененная* вещь. Кроме того, — она вздернула выщипанную бровь, — мой парень рад сосредоточиться на *другом месте*. Он его называет «моя лучшая половина».

Я задумалась, не понимая, что это значит. И как к этому отнестись.

— Марко! — завопили старшеклассники в одном из пикапов.

— Поло! — отозвались из другого.

— И что он с ней делает? — задумчиво спросила псевдо-Карен.

Я посмотрела на игровую площадку: девочка лежала на спине, кожаная перчатка Пола рядом с ней. Она что, упала? Или ее ударили качели? Мы наблюдали, как Пол вскарабкался на нее, оседлав ее живот и уперев ладони в гравий. Похоже, что он с ней тихо разговаривал, и, хотя у меня не было причин подозревать, что он делает нечто непотребное, в его позе, в том, как он, словно хищник,

навис над ней, расставив колени, ощущалось нечто угрожающее. Девочка лежала неподвижно, отвернув от нас лицо. А у Пола был такой вид, словно он собрался поцеловать ее в губы.

Но он просто говорил. Оба вроде как играли в некую странную игру.

— Есть… материя… все есть… разум, — говорил он нараспев. На секунду показалось, что он цитирует слова из книги, из сказки, протяжные слова слипались, и их было трудно расслышать. Потом он стал произносить их четче. — Нет в мире *точки*, где *нет* Бога!

— Что он говорит? — забеспокоилась псевдо-Карен. — Что там происходит?

Я не понимала. Мы встали со скамейки одновременно. Но почему-то мы обе опасались к ним приближаться. Мы видели, что дети поглощены чем-то очень личным, интимным. Чем-то тайным и важным, что исключало наше присутствие. Девочка едва слышно захныкала, но Пол навис над ней и не двигался. Светлая челка упала ему на глаза.

— Нет в мире точки, где нет Бога!

— Какого хрена! — Псевдо-Карен взглянула на меня с отвращением. — Какого хрена он несет! — Она рванулась вперед. — Я сижу себе в парке, и

тут откуда ни возьмись является парочка шизанутых на Иисусе!

— Нет! — вздрогнула я.

— Трёхнутые слетаются в этот город стаями, просто как чертовы гуси!

— Погодите… — Я пошла за ней.

Я инстинктивно подобралась, заняв оборонительную позицию, а потом — так подхваченный порывом ветра лист летит над землей — меня захлестнула волна облегчения. Я уперла руки в боки. Такое было ощущение, что я все это время что-то утаивала от нее, но она все-таки в конце концов подловила меня на *лжи*, которую я, к собственному удивлению, умудрилась так долго скрывать. Я понятия не имела, что удумал Пол, и в тот момент мне было на это наплевать. Просто мы с Полом были такими вот шизанутыми. Просто мы с ним не собирались каждый вечер сидеть где-то в подвале перед теликом и смотреть «Улицу Сезам» и не собирались получить сотрясение мозга от удара камнем по голове, как не собирались жить такой же уныло-посредственной жизнью, о какой мечтала эта псевдо-Карен со своим бойфрендом и с их лысым младенцем. Ну и *что*?

Псевдо-Карен, зажав младенца под мышкой,

нагнулась над девочкой, схватила ее за руку и выдернула из-под Пола. На секунду девочка оцепенела, словно не могла вздохнуть, а потом издала пронзительный тонкий вопль, как маленький ребенок, и из обеих ее ноздрей запузырились сопли. Ее лицо исказила гримаска, и она бросила на Пола взгляд, полный обожания и тоски, словно за эти десять минут знакомства она отдала ему все, что было у нее в жизни, а он взял, да-да, взял без колебаний, хотя и знал, как она этим дорожит…

Я не собиралась выяснять у Пола, что он сделал той девочке, но он сам поднял эту тему. Мы ехали на велосипеде домой, и он долгое время хранил молчание. Потому начал повторять:

— Та девочка… та девочка…

Обернувшись к нему, я спросила:

— Что?

— Та девочка…

— Пол, ты сделал ей *больно*! — Я сочла, что должна ему это сказать.

— Она упала!

— Ты ей не давал встать!

— Я ее исцелил!

— Перестань болтать глупости!

И тут меня осенило, что от природы дети чок-

нутые. Они верят в невозможные вещи, потому что им так удобно, они считают, что их фантазии — центр мироздания. Они лучшие в мире шарлатаны, если хотите знать, притворщики, которые даже не отдают себе отчета в том, что они притворяются. Вот о чем я думала, крутя педали. Из-за дождя большая зубчатка скрипела под нами, и шины монотонно шуршали.

— Перестань *болтать гупости*! — проговорил Пол.

От природы дети еще и попугаи.

6

По правде сказать, мы с Полом не всегда ладили. По большей части мы относились друг к другу тактично и, в общем, умели находить компромиссы. Я дарила ему полдень, когда мы заходили в закусочную и я покупала ему пирог, за что он мне любезно дарил час времени, который мы проводили на озере в каноэ. Мы садились за столик в дальнем конце закусочной, и, когда он расправлялся с едой, я оплачивала наш заказ из своих медленно растущих сбережений, выкладывая на столик одну из десятидолларовых купюр, полученных от Патры. Никаких липких четвертаков и десятицентовиков, никаких долгих посиделок в ожидании сдачи, никакой пустой болтовни с Санта-Анной, официанткой с чуть заметной бородкой.

— Почему пирог такой вкусный? — спрашивал Пол, когда мы выходили из закусочной. Сладкое его взбадривало. Он начинал приплясывать, прищелкивая пальцами и подскакивая то на одной ноге, то на другой.

— Все дело в названии, — отвечала я.

— Шоколад?

— Мусс! — удивленно возражала я.

Пол поднимал голову и разглядывал голову лося[15] над входной дверью и широко раскинутые, словно мужские объятия, рога и ноздри размером с миски.

Уговорить его на поездку на каноэ было куда сложнее. С самого утра малыш пребывал в суетливом и шумном возбуждении. Он боялся замочить ноги, залезая в лодку, поэтому я шлепала по мелководью в сапогах, держа Пола на руках, и усаживала его на дно лодки ближе к корме. Там он чувствовал себя куда увереннее, чем на сиденье. Потом я давала ему брецели и подкладывала под попку старый спасательный жилет, на котором он восседал точно турецкий султан. Я просила его сидеть не шевелясь, пока я гребу: не раскачиваться взад-вперед, а просто смотреть вперед. В тот день озеро было спокойным, и черная вода гулко заглатывала каждое погружение весла. Пол так заскучал, что уснул под убаюкивающий плеск воды, свесив голову и скрестив руки над сиденьем. Домой я несла его на закорках — он висел у меня за спиной, обхватив мои бока ногами, как младенец. Мне пришлось вытащить

---

[15] Примечания: 15

Игра слов: mousse (*англ.*) — мусс, moose (*англ.*) — лось.

каноэ на каменистый берег да так там и бросить, хотя его вполне могло унести в открытую воду, если бы поднялся ветер и начался прибой. Но у меня не было лишних рук волочь каноэ с собой.

Но даже сидя у меня на спине, он не переставал канючить — спорил со мной, отказывался идти сам.

— Хватит, Линда, хватит! — и так тысячу раз.

Словно удовольствие от прогулки на каноэ для него было пыткой. Как и подаренный мной ему чудесный день.

Я не хочу сказать, что с ним было трудно управляться. Но в нем была вот эта червоточина упрямства. Он привык четко различать порядок и хаос. Он, например, совершенно не выносил никаких нарушений привычного распорядка. Если я иногда задерживалась, приведя его обратно домой, если Патра выставляла лишнюю тарелку на стол и показывала, как из масла и лимонного сока приготовить заправку для салата, Пол становился ужасно требовательным. На протяжении ужина он настойчиво просился к Патре на колени, и к концу трапезы ему это удавалось, и он забирался к ней на колени и начинал тереться головой о ее шею. И она одной рукой отправляла вилку с салатом в рот, а другой не переставая

гладила его по светловолосой головке.

Вспоминаю один такой вечер. Пол капризничал, и Патра пыталась придумать тему для разговора, не связанную с поездами и традиционным купанием в ванне. Помню, она резко отодвинула от себя плошку с салатом, уперлась подбородком в ладонь и обратила все свое внимание на меня.

— Вот что, Линда… — В тот вечер Патра была особенно беспокойная, и, когда она чуть прищурилась, в уголках ее глаз собрались нервные морщинки. — Расскажи мне. Ты ведь хочешь заниматься лошадьми или чем-то в таком роде. Стать ветеринаром, когда окончишь школу. Ведь так? Я права? Ты этим собираешься заниматься в будущем.

Вообще-то я не собиралась. Я вообще редко думала о своем будущем, но, когда задумывалась, все, что мне приходило в голову, так это пикап, белый, мчащийся по шоссе. Конечно, я не могла ей этого сказать. Не могла сказать, что мечтала стать водителем большегруза, поэтому, чтобы потянуть с ответом, я поглядела на Пола, который пытался сползти со своего высокого стула на пол. Он при этом напевал:

— Хочу быть фи-зи-ком. Хочу быть фи-зи-ком…

Но Патра просто меня поддразнивала, это я понимала. Ей было все равно, что я скажу, пока я ей подыгрывала. Ей просто хотелось чем-то заняться перед тем, как убрать со стола, перед тем, как пойти укладывать Пола в кровать. Так она себя развлекала, дожидаясь звонка мужа.

— Я могла бы стать ветеринаром, — сдалась я ей на милость. — Конечно!

— Ну уж нет! — Патра подогнула под себя ногу. — У меня для тебя есть предложение получше. Я это умею. Понимаешь, Линда, ты заслуживаешь большего — той жизни, которой ты раньше не видела, тебе надо жить в большом городе. Чтобы тебе проходу не давали. Тебе нужно стать… — Она щелкнула пальцами и улыбнулась: — Отельером! Ресторатором! — Ей самой понравилась эта идея.

– *Ресто-рантором*? — переспросил Пол.

Я хмыкнула, чтобы подавить смешок.

— Типа, стать официанткой? Я уже пробовала! — С этими словами я обвела рукой вокруг, как бы желая спросить: а это что тогда? — Но я бросила работу и пришла к вам.

Она вытаращила глаза, притворившись, будто шокирована.

— Ты бросила ресторанный бизнес ради того, чтобы стать няней? Нам очень трудно свыкнуть-

ся с этой мыслью, правда, Пол? Тогда придется придумать для тебя должность получше. А откуда вообще произошло слово «няня»?

Я пожала плечами.

— Жуткое слово, правда? Может, нам звать тебя сиделкой? Хотя нет, так называют старушек. Ну, тогда мы назовем тебя гувернанткой! — Она рассмеялась. — Это звучит гораздо лучше. Няню никогда не наймут для Флоры и Майлза[16]. Ты же читала «Поворот винта»? Да-да, няня не могла бы влюбиться в мистера Рочестера, правда? И стать главной героиней повести. Ты — гувернантка!

— Гувенантка! — выкрикнул Пол из-под стола. Он все ждал, когда Патра объяснит ему значение нового слова. Не дождавшись, вытащил из своей перчатки пригоршню камешков и швырнул их на пол.

— Аккуратнее! — сказала я ему. И Патре: — Не знаю. Не уверена. Мне это слово кажется каким-то слащавым. Кроме того, люди могут подумать, что вы… богачи-миллионеры. — Я с усилием подавила смех.

— Ты права, — насупилась Патра.

— Пора купаньки! — Пол тоже надулся. Он вы-

---

[16] Примечания: 16

Дети — персонажи повести американского писателя Генри Джеймса (1843–1916) «Поворот винта» (1898).

полз из-под стола и забрался к ней на колени.

Патра позволила ему свернуться калачиком, прижавшись к ее груди, и стала ерошить его волосы. Потом потрепала его по щеке, но не сводя с меня глаз.

— Ты права, Линда. Конечно, права. Здешние люди *уже* считают меня снобкой. Белой вороной. — Она нахмурилась: было видно, что в голову ей пришла новая мысль. — Я все еще не чувствую себя здесь комфортно. Не могу понять, что тут и как. Странно. Я уже раз пять бывала с Полом в здешней закусочной. Мы обедали. И каждый раз я вижу там одних и тех же людей. Все смотрят на меня, улыбаются, здороваются. Но никто ни разу не поинтересовался моей жизнью. Не спросил, как меня зовут. Вообще о чем-нибудь. Они по-своему приветливые, и все же…

— Не слишком, — закончила я.

Она отвела руку Пола от пуговок на своей блузке, и тогда он взялся за ее волосы, наворачивая светлые пряди на свои пальчики.

— Не зря ли мы тут поселились? — Она вопросительно посмотрела на меня. — Мы думали, что, пока Лео будет этой весной на Гавайях, мы с Полом поживем в новом летнем доме. Что здесь будет тихо и приятно. Что для нас с Полом это

будет своего рода убежище…

— Убежище от чего?

Она неопределенно взмахнула рукой.

— Вы в бегах? — решила я ее поддразнить. — Вы ограбили банк в Иллинойсе?

— Ха-ха-ха, — невесело произнесла она. Пол тем временем принялся дергать ее за волосы — не сильно, медленно и сосредоточенно.

— Если это так, то всем все равно, почему вы тут оказались — пока вы никому не докучаете, — пошутила я. — И не занимаете, типа, лучшие места для рыбалки.

— Хм…

Я сразу пожалела, что сморозила эту глупость. Но не решилась пошутить снова.

— И если на вас не висит какой-нибудь действительно непростительный грех. Типа развода. Или атеизма. Или чего-то в этом роде.

— Мне *больно*, милый! — Патра разжала пальчики Пола, сильно сжавшие прядь ее волос.

— Или… или…

— Пол, *прекрати*! — Она наконец смахнула его со своих коленей, звонко шлепнув по попе, чтобы скрыть нотку раздражения в голосе. — Иди сложи головоломку, малыш. Попробуй-ка пазл с совой, сможешь? — И когда Пол вышел, она нача-

ла торопливо собирать посуду со стола, громко, словно нарочно, гремя чашками и тарелками. Потом вдруг снова села за стол. — Я правда не знаю, нужна ли нам такая жизнь — в тишине и спокойствии. И почему я решила, что нам тут будет хорошо? Может быть, для Пола будет лучше, если он опять начнет ходить в садик, общаться с детьми? Может, с самого начала это была ошибка — перебраться сюда?

Она поглядела на меня, и я увидела в ее взгляде то, чего никак не ожидала.

— Это было правильное решение, — уверенно произнесла я, чувствуя себя очень неуютно под ее виноватым взглядом.

Идя в тот вечер домой, я все думала про мистера Грирсона. Он приходил в закусочную один — я его там частенько видела, когда осенью стала подрабатывать официанткой. Как и Патра, он усаживался за стойку, чтобы избавить себя от необходимости вступать в пустую болтовню с посетителями. В те несколько раз, что я его обслуживала, он заказывал большую яичницу-болтушку и за едой читал толстые романы в бумажной обложке с изображением космических кораблей. Он называл меня мисс Оригинальность — памятуя о призе за оригинальность, который я

получила на олимпиаде годом ранее.

— Спасибо, мисс Оригинальность! — обычно говорил он, протягивая мне белую кофейную кружку за добавкой. Я не знала, что ему на это ответить. Иногда он задавал вопросы о моих новых учителях в старшей школе, после чего опять углублялся в чтение. Обычно он просил сливок к кофе, задерживая палец на строке, к которой сразу же возвращался.

В последний раз я видела его в начале ноября, не в свою смену. Я забежала в закусочную за зарплатой, и значит, это было в пятницу около пяти вечера. По прогнозу в конце той недели обещали первую в сезоне снежную бурю, и я зашла в закусочную из продуктовой лавки мистера Коронена. Мой рюкзак был набит всякой всячиной: бутылка керосина, соль, туалетная бумага — обычные зимние припасы. За окнами порхали снежинки, огромные и влажные, как изящно сложенные оригами. Покуда Санта-Анна регистрировала мой чек на кассе, я стряхивала снег с волос и делала вид, что не замечаю мистера Грирсона за столиком в углу. Я так и не поняла: «мисс Оригинальность» — это он говорил насмешливо или дружелюбно. Я понятия не имела, о чем говорить с ним после того, как прошла олимпиада по ис-

тории и мы перестали видеться после уроков. Помню, в закусочной в тот день не было никого — что необычно, ведь все разошлись по домам готовиться к буре. Диванчики, обтянутые потертой виниловой обивкой, зияли холодной пустотой, на фоне сплошной пелены снега за окнами под серым вечерним небом. Интересно, заметил ли мистер Грирсон, что я стою перед кассой? Вряд ли. Он располовинил свою порцию ножом и вилкой и отложил часть яичницы на пустую тарелку, и только после того, как я со своим чеком вышла из закусочной, мне пришло в голову, что, может быть, кто-то сидел напротив него за столиком, спиной ко мне, а я не заметила. И уже потом, шагая через лес домой от Патры тем теплым майским вечером, когда она впервые назвала меня «гувернанткой», я подумала, уж не Лили ли была с ним в закусочной.

Иногда Лео — муж — звонил после ужина. Мы все вздрагивали, когда сотовый Патры заливался рингтоном с мелодией из «Звездных войн». В такие моменты она торопливо отъезжала на стуле назад, одними губами произносила мне: «Спасибо!» — и направлялась с телефоном на веранду-палубу. «Спасибо!» означало, что она просит меня уложить Пола в постель. Что я и

делала, без особой охоты — сначала отводила его в ванную, где умоляла почистить зубы перед сном и угрожала страшными карами, если он не будет лежать смирно под одеялом.

— Ты должна досчитать до ста! — вопил он, когда я на цыпочках направлялась к двери.

— А ты должен спать без задних ног! — парировала я и, вернувшись, прижимала его голову к подушке.

— Ты должна быть со мной ласковой! — И он извивался под моими руками.

— А ты должен быть хорошим мальчиком, — шептала я. — Ты должен быть милым и послушным. Ты должен быть таким, каким ты никогда не бываешь!

* * *

Однажды, когда дисплей телефона Патры вспыхнул и зазвучала мелодия из «Звездных войн», она как раз заканчивала купать Пола. Патра выскочила из ванной, чтобы ответить на звонок: с ее плеча свисала простыня, а за спиной маячил голенький Пол. Он начал носиться по дому, повсюду оставляя мокрые следы и распугивая котов, потом забрался на кушетку, потом полез под стол. Должно быть, я схватила его за руку

сильнее, чем надо, потому что он заплакал от боли так, словно я пырнула его ножом. И когда я притянула его к себе, он развернулся и со всего размаха царапнул меня ногтями по лицу. Я ощутила, что саднящая красная царапина рассекла мне кожу от уха до глаза. Я поискала взглядом Патру, но она уже уединилась с телефоном на веранде. И в этот момент мое отношение к этому мальчику разом изменилось, так сказать, сменило курс: я рывком подняла Пола — извивающегося, голенького, размахивающего ручонками — и потащила в постель. Я шмякнула его на кровать, точно вязанку дров. Он смотрел на меня жалким, испуганным взглядом, и я увидела, как из его голой промежности побежала струйка прямо на простыню. Он не мог вздохнуть: из глотки у него вырывалось сдавленное клокотание, а в широко раскрытых глазах застыло изумление.

— Это тебе наука! — Я вообразила себя своим отцом. Так он мне говорил, когда я три мили волокла каноэ по прибрежной грязи. Я вообразила себя одновременно отцом и ребенком, которого заставили волочь каноэ, а он плакал от отчаяния, боли и усталости.

— Молчи! — крикнул Пол.

— Хочешь, чтобы *я* замолчала? — Я все еще

чувствовала, как горит длинная царапина, оставленная на моей щеке его ногтями, и как на моей фланелевой рубашке отпечатался мокрым пятном абрис его тельца. — Ты хочешь, чтобы я замолчала?

Его личико покрылось белыми и красными пятнами.

— Я идеальное дитя Бога! — пропел он.

— Что ты сказал? — Я схватила Пола за руку. В произнесенной нараспев короткой фразе было что-то такое — как тогда на детской площадке, когда он говорил с лежащей на спине девочкой, — что вдруг заставило ощетиниться мои волосы на загривке. — *Кто* ты? — И я услышала, что последний вопрос прошипела.

Наверное, я не на шутку испугала Пола, потому что, когда отпустила его, он сунул ладошки под попку, втянул щеки и скрючил плечи. Он был голый, настолько, что его кожа казалась мне одеждой: его словно запечатали в облегающий розовый комбинезончик, на котором не было видно ни складок, ни швов. Мокрый и совершенно непрозрачный. Пахнущий детским шампунем. И мочой.

Я слышала, как Патра не переставая хохотала на веранде, потом что-то сказала и снова захо-

хотала. Я подошла к двери спальни и плотно ее закрыла.

— Ты порезала лицо, — заметил Пол.

— А ты обмочил постель, — сказала я.

Он заплакал — так сильно, как никогда раньше при мне не плакал. Его лицо сморщилось, он не издавал ни звука, только между всхлипами шумно втягивал губами воздух.

— Успокойся, — сказала я. — Давай одеваться.

— Хочу к маме, — захныкал он.

— Не сейчас!

– *К маме*! — не унимался он.

— Ты хочешь, чтобы она это увидела? — спросила я, указывая на темные пятна на простыне.

Он опустил заплаканные глаза, уставившись на свои коленки.

— Ну давай, давай, а? Давай наденем пижамку.

Он оторвал взгляд от коленок.

— Пижамку с чух-чух-чухами?

— Да, с поездами.

Он лег на спину, и я вдела его ножки во флисовые штанины.

Постепенно мне удалось его одеть. После чего я сняла простыни, набросила одеяло на голый матрас, спрятала мокрые простыни в кладовке — временно — и включила его ночник в виде

служебного вагона, из окон которого струился тусклый красный свет. Вместе мы выстроили его плюшевых зверушек, естественно, как он хотел: в две шеренги у стены. Мы открыли книжку с картинками «Баю-баюшки, Луна»[17], и все время Пол не переставая накручивал прядку мокрых волос на пальчик и делал из нее рог посреди лба. А я все время беспокойно думала, где моя охотничья куртка, на какой крючок я ее повесила, чтобы снять ее, надеть и побыстрее свалить отсюда. Мы оба чувствовали себя виноватыми, и нам обоим было стыдно. И мы оба нуждались в утешении, какого никто из нас не мог дать другому. Я размышляла, что сказать Патре, которая могла войти сюда в любую минуту со своим, как я боялась, извечным смущенным выражением лица. Я могла бы ей пожаловаться на Пола, могла сказать, что он меня тиранил, а это именно так и было: что он расцарапал мне щеку, и царапина все еще саднила. Но, естественно, я была старше него на одиннадцать лет и превосходила его во всем: в возрасте, весе, образовании (как сказал бы мой отец), а он всего-то и хотел провести с мамой полчаса перед сном. Но все, что было в его распо-

[17] Примечания: 17

Популярная иллюстрированная повесть (1947) американской детской писательницы Маргарет Уайз Браун (1910–1952).

ряжении, — это возможность закатить истерику.

Мы молча сидели в разных концах распотрошенной кровати. Пол притворился, что целиком поглощен сказкой, я притворилась, что мне забавно читать про маленького мышонка в огромной зеленой комнате. Я переворачивала страницу, потом Пол переворачивал страницу. Мы ждали Патру.

Но, вернувшись к нам, она выглядела какой-то растерянной. Как только она открыла дверь, я увидела, что ее лицо раскраснелось, а губы увлажнились. Она нагнулась к Полу и, отбросив со лба его мокрые волосы, крепко поцеловала. Потом она поцеловала и меня — вернее, торопливо чмокнула в макушку, словно провела перышком. И мое сердце подпрыгнуло, так что кожа у меня на шее невольно съежилась, и я понадеялась, что Патра этого не заметила.

— Можешь себе представить? — Она ликовала.

Мы оба молчали.

— Папа приедет провести с нами длинные выходные!

Я взглянула на нее. Она собрала обеими руками пряди волос и подняла их над макушкой, подержала и выпустила. В темноте было слышно, как волосы, шурша, упали ей на шею.

Потом она прыгнула в кровать и улеглась между нами.

У нас троих была одинаковая разница в возрасте: одиннадцать лет. Нам было четыре, пятнадцать и двадцать шесть. Я вообще-то не шибко суеверная. Никогда не увлекалась гороскопами или чем-то в таком духе. Но тогда это число имело для меня особую важность. И потом я искала его везде. Когда у нас проводили весенний сбор болельщиков школьной команды, на стадионе висело одиннадцать табличек с красным словом ВЫХОД между трибунами. Еще я заметила, что в игре в блек-джек туз мог считаться то как одно очко, то как одиннадцать очков в зависимости от того, какого достоинства у вас другие карты на руке. Отец напомнил мне об этом правиле, когда мы однажды вечером играли в карты, генератор был выключен и фонарь отбрасывал на стол огромные тени. В тот вечер я выиграла одну из его драгоценных сигар ручной скрутки, которую обещала не курить, пока мне не исполнится восемнадцать. Или вот еще что. После того как Иуда Искариот предал Христа, остальных апостолов стали называть Одиннадцать избранных. Мама, повторяя какую-то проповедь, напоминала мне об этом.

И мне даже стало немного не по себе, когда я вспомнила, что этому самому мужу-астроному, которого вечно не было дома, — тридцать семь. Хотя в школе я не слишком преуспела в алгебре, мне казалось, что такая четкая числовая матрица должна иметь какое-то особое значение, и дело тут не в простом совпадении. Должен же быть какой-то высший смысл или нет? В то время я много об этом думала. Я пыталась переставлять переменные, не трогая константу. Я пыталась представить себе Патру в пятнадцатилетнем возрасте. Я представляла ее в старшей школе: какой она была? Ниже меня ростом, худее, ее любили больше, чем меня. У нее, наверное, была одна близкая подруга, которая переехала в другой город, когда Патре исполнилось двенадцать, и поначалу она была безутешна, а потом трагически, горько переживала разлуку. У нее были красивые ручки и невероятно аккуратный четкий почерк. А себя я представляла в возрасте ее мужа, в тридцать семь (мне самой сейчас тридцать семь, у меня кредит на машину и личный почтовый ящик), а мужа я представила ребенком. Воинственным четырехлетним мальчуганом в кроссовках на липучках, с вечными молочными усами и капризным характером. Пола я пред-

ставила двадцатишестилетним: у него диплом о высшем образовании, может быть, магистерская степень, он оказался один на один с большим миром, где ему не на кого надеяться, кроме как на самого себя, со своими золотистыми волосами, с дипломом архитектора, а еще у него проявился музыкальный талант или талант к иностранным языкам. Я представила Пола настоящим покорителем женских сердец, сожалеющим, что он сделал китайскую татуировку, и вообще сожалеющим о многом другом. Ну знаете, как оно бывает. В двадцать-то шесть лет.

7

Муж должен был приехать накануне Дня памяти павших[18]. Его приезд совпал с неофициальным открытием сезона рыбалки. Еще за несколько недель до этого любители судака начали съезжаться на наши озера небольшими группами, а накануне длинных выходных прибывали уже целыми караванами. Рыболовы приезжали из «городов-близнецов» с жилыми трейлерами и лодками на прицепах, и в кузовах рыбачьих пикапов лежали горы снастей, прикрытых брезентом. Они располагались в кемпингах и снимали хижины, десятками разбросанные по берегам самых больших озер — в те времена большинство приезжих арендовали в наших краях временное жилье и в основном на выходные. Некоторые проводили тут все лето, многие читали про Лус-Ривер в иллюстрированных путеводителях для рыбаков и буквально атаковали продавцов местных лавчонок «Все для рыбалки» с надеждой выведать у них секретные места, где судак лучше всего клюет. Все они щеголяли в

[18] Примечания: 18
День поминовения павших на войнах, отмечается в США 30 мая.

задорных — и предсказуемых — футболках под флисовыми жилетами и в рыбацких штанах со множеством карманов. Все они щурились, когда, приехав в город, вылезали из своих пикапов и разбредались: кто за бензином, кто пополнить запасы пива и инсектицидов. Делая вид, что они давным-давно знакомы друг с другом, потому что однажды им, возможно, довелось вместе жарить щук. На Четвертое июля. Делая вид, что и нас они прекрасно знают.

— Ну что, в этом году будет клевать так же клево? — спрашивали они у Джея-Ди в скобяной лавке или у Катерины-Коммунистки на бензоколонке.

Катерина просто пожимала плечами и сухо улыбалась.

— Я что, похожа на рыбачку? — спрашивала она, прищуривая тяжелые веки.

А она и впрямь была похожа — в своем сером комбинезоне и камуфляжной шапке, правда, никто ей никогда этого не говорил. Джей-Ди отпускал им вяленую оленину и пожелтевшие от времени карты местности, на которых шариковой ручкой очерчивал неопределенные круги — помечал якобы места хорошего клева. При этом он подносил ладонь к козырьку бейсболки,

а потом важно скрещивал руки на груди.

— Вот спасибо! Спасибо… Джей, да?

Приезжие обожали обращаться ко всем по именам, вероятно, в них еще жила вера в ритуалы провинциального гостеприимства. Мистера Коронена, владельца продуктовой лавки, который всю жизнь носил, не снимая, отутюженную клетчатую рубаху, они называли не иначе как Эд. А Санта-Анну из закусочной — Энни, Энн и «дорогуша».

— Да ты же дочка Джима, — говорили они мне. — Ишь как выросла!

Кто-то подошел ко мне в банке, когда я клала деньги на открытый недавно банковский счет, кто-то махал мне рукой из машины, когда я шла вдоль шоссе с рюкзаком. Со мной заговаривали совершенно незнакомые мужчины, с кем я сталкивалась раза два или три в жизни — много лет назад, когда я была еще ребенком, когда мой отец случайно нанялся летом работать гидом-проводником для приезжих рыбаков. Они вели себя так, будто не были для меня все на одно лицо вроде диких гусей или перелетных птиц с бирками на лапках. Меня удивляло, что для них я была незабываемой местной достопримечательностью, которую ни с кем не спутаешь.

Последние экзамены у нас состоялись на неделе перед Днем памяти. Все окна в школе были открыты нараспашку и подперты линейками. Случайно залетевшая стрекоза умерла, прилипнув к оконному стеклу. Май — пора всеобщего разобщения. У всех уже был такой отсутствующий взгляд — особенно у учителей. Трудно было сосредоточиться — если кто-то когда-то вообще намеревался сосредотачиваться — на определении косинуса. Или на повторенном в двадцатый раз правиле о сумме квадратов катетов и сумме гипотенузы. Даже ботаны пребывали в игривом настроении, предпочтя скучные косинусы поэзии, микстейпам и спорам о тайном значении стихов группы «Оазис». Парта Лили к тому моменту — к концу экзаменационной недели — была необитаемой. В последний раз я видела ее днем в понедельник, когда она передавала миз Лундгрен розовую записку от директора школы. Прочитав записку, миз Лундгрен нахмурилась, а Лили удалилась, так и не дождавшись ее реакции, достав длинные черные волосы из-под воротника куртки и уронив их на капюшон за спиной. Всю оставшуюся неделю в школе она не появлялась.

В пятницу днем я меньше чем за двадцать минут написала сочинение на тему экзамена по

наукам о жизни: три абзаца о клеточной основе размножения. Потом нацарапала на лицевой странице свою фамилию, положила синюю тетрадку в стопку на столе у миз Лундгрен и вышла на улицу. Приятная полуденная погодка была сплошное наслаждение. Зашла в лавку и купила лакричных леденцов и сигарет, выкурила две подряд, шагая через заросли растущего на обочине шоссе молочая и наблюдая за пчелами и бабочками-монархами, а потом, сама не знаю почему, зашвырнула пачку с сигаретами в кузов проезжавшего мимо красного пикапа. И тут же прямо над моей головой появились три пеликана — словно в награду за мое хорошее поведение. Летите, летите, подумала я обрадованно. Они захлопали огромными крыльями в унисон и быстро скрылись за деревьями.

С четырех до шести в тот день я просидела с Полом на теплых досках веранды, глядя, как на озеро слетаются стайками утки и дикие гуси, спланировав на водную гладь, опускают под воду головы на длинных черных шеях. Я обратила внимание Пола на них, хотя сама в глубине души надеялась увидеть пеликанов. Или какую-то еще более редкую в наших краях птицу — например, сокола. Я грызла лакричный леденец, а Пол был

занят возведением домов из камешков. Он передвигался по веранде на коленках и выкладывал улицы из кусочков коры. Теперь он полностью перестраивал, превращая его из средневекового поселка в современную столицу Европы — шестого спутника Юпитера.

— Не считая Марса, это место, где может быть жизнь, — объяснил он.

— Откуда ты знаешь?

— Она находится в зоне Златовласки[19].

— В какой-какой зоне?

— Там не слишком жарко, не слишком холодно.

— А, ясно. — Я обгрызала края лакричного леденца. Потом вспомнила: — Но ведь в твоем городе никто не живет, так? Ты же сам говорил.

Он кивнул, не поднимая головы:

— Его еще не обнаружили.

Он разрушил выстроенный им сложный геометрический узор из стен и дорог, развалил все башни и рвы и оставил случайный, на первый взгляд, набор листьев и камней — их сюда могло

---

[19] Примечания: 19

Понятие современной астрономии, заимствованное из английской сказки «Златовласка и три медведя», — обитаемая зона Вселенной, где на планетах с умеренными температурами сложились условия для возникновения жизни.

бы занести ветром или ливнем. Он сосредоточенно выудил из кармана припрятанный там кленовый лист и стал пристраивать его то в одно место, то в другое, совершенствуя городскую планировку, которая существовала только в его воображении.

А когда Патра через час вернулась домой из города, она наступила прямо на столицу Европы. Пол взвыл: «Ма-а-ам!» — после чего повалился на спину посреди руин своего города, закрыл глаза и затих.

— Что такое? — спросила Патра, поначалу весело, потом раздраженно. Она опустилась на корточки и поцеловала его в подбородок. — Малыш, что случилось? Что я сделала не так? — Но Пол отказывался открывать глаза. Она взглянула на меня. Я сидела на полу, прижав колени к груди. И хотя проще было объяснить, что она наделала, я предпочла сидеть молча. Я не знала, как рассказать ей про столицу Европы, чтобы при этом мои слова не прозвучали снисходительно, чтобы не говорить таким тоном, словно Пола тут нет. Я пожала плечами.

— Ладно, — сказала Патра. — Пол берет таймаут. Малыш отдыхает, он перевозбужден оттого, что завтра приезжает папа. Верно?

Но было видно, что перевозбуждена как раз Патра. В тот день, вместо того чтобы вычитывать рукопись, она укатила на велосипеде в город купить еды и постричься. Она записалась в салон Нелли Бэнкс — та окончила школу стилистов, — и теперь мне было странно видеть волосы Патры, которые короткими перьями торчали в разные стороны и лежали завитками за ушами. Ее волосы теперь даже подчинялись иной силе гравитации — возможно, так на них воздействовало гравитационное поле Европы, — пружинисто поднимаясь и опускаясь и отражая блики предзакатного солнца.

Медленно, демонстративно, я натянула на руку кожаную перчатку Пола и двумя пальцами изобразила, как она идет к нему и, точно крошечный зверек, обнюхивает его коленки.

— Хи-и-и, — протянул он и сел.

Теперь я заметила, что его лицо покрыто густой испариной. Капельки пота собрались лужицей у него на подбородке. А зрачки сильно расширились и напоминали крохотные летающие тарелки. Он покачнулся.

— Так, ладно, — произнесла Патра. Словно Пол высказал какое-то соображение, с которым она вынужденно согласилась. Она сгребла его

в охапку и добавила высоким голосом: «Фи-и-фай-фо-фам!» — и еще, уже тише: — Я… чую… кровь… — Она стала притворно грызть его шею. И когда он слабо улыбнулся, произнесла: — Привет, малыш, привет, малютка. О чем нам говорит место преступления?

— Чую кровь!

— Нет места, где Бога…

— Ты же англичанин! — напомнил он ей.

Патра коленом открыла раздвижную дверь веранды и вошла в комнату, держа Пола на руках, как большую куклу с болтающимися руками и ногами. Белый кот метнулся наружу, успев прошмыгнуть перед закрывающейся дверью. Но Патра не заметила. Кот добежал до дальнего края веранды, там резко затормозил, словно наткнулся на невидимую преграду. Конец планеты Европы. Начало леса.

— Ну что? — спросила я у него. — Хочешь выйти в большой мир?

Кот обернулся и посмотрел на меня. Уши прижаты к голове, усы ощупывают воздух.

Я решила его напугать:

— И что я сейчас сделаю, как думаешь?

Уже близился вечер, часы показывали шесть. До моего слуха доносился шум льющейся из крана

воды за дверью ванной и отрывки песенки. День, казалось, обнажил свои клыки и изготовился броситься на меня. Раз Патра с Полом скрылись в доме, делать мне было нечего. Солнце над моей головой стояло еще высоко и вроде как замерло в небе. Белый кот медленно совершил большой круг по веранде, потом сел неподвижно у раздвижной двери в ожидании, когда его впустят обратно. И жалобно замяукал, монотонно и не переставая, как будильник. Мне бы давно надо было уйти домой. Сбежать по ступенькам, выйти на лесную тропинку, тянущуюся к красным соснам на склоне холма, за которыми высилась стена старых берез. А дальше — гнездовье бакланов, бобровая запруда на озере, тропа среди зарослей сумаха, псы на привязи. Мне давно было пора вернуться домой, к заждавшимся меня псам, которые от радости обслюнявят мне лицо и руки.

Вместо этого я встала, обошла коттедж кругом и вскарабкалась по толстым веткам старой ели, росшей у Пола под окном. Заглянула в окно. Патра лежала на кровати рядом с Полом и читала ему книжку. Я видела их тесно прижатые тела: Патра обвила его тельце одной рукой и прижалась лицом к его потным волосам на затылке. В руках он держал чашку с носиком для питья,

чуть наклонив к губам. Читая вслух, Патра время от времени целовала его в торчащее из-под волос ухо, которое одиноким розовым цветком виднелось на подушке. «Ну, успокойся, успокойся». Ее нежность поразила меня до глубины души. Я ощущала — даже находясь не в комнате, а снаружи, умостившись на еловой ветке, — что эта нежность затмила все вокруг. Мир исчез. И коттедж исчез. Все растворилось как дым — пуфф! И кровать исчезла, и тело вместе с ней. И все мысли исчезли. Его глаза, несколько раз моргнув, закрылись. Ветер перестал шуметь в листве деревьев. Небо подернулось тучами. Когда Пол уснул и его рот чуть приоткрылся, Патра осторожно поднялась с кровати, извлекла чашку из его пальчиков и выскользнула из комнаты.

Потом она вернулась и, не будя его, раздела. Я видела, как она аккуратно стаскивает с его ножек штанины и надевает на него подгузник.

Под пластиковым пояском кожа его мягкого животика чуть сморщилась. Я никогда раньше не видела его в подгузнике. Не знаю почему, но на меня эта картина так подействовала, что глотку заполнила слюна — так неожиданно, словно жидкая лапа царапнула, и в этот момент черный кот вскочил на подоконник. И, не глядя на меня,

как ни в чем не бывало принялся облизывать лапу. Спокойно так. Но он меня напугал, и я слезла с ели.

Я сочла, что до вторника буду свободна, потому что после выходных был День памяти. На следующее утро я сидела на крыше отцовской мастерской и листала журнал «Пипл», который стащила из мусорной корзинки в учительской. И вот я вижу: голубая «Хонда» Патры едет по направлению к хижине моих родителей. А в те дни весь лес сотрясался от рева моторов — это приезжие рыбаки проверяли на озере лодочные моторы, — поэтому я не услышала, как подъехала ее машина, и заметила ее только, когда она уже продиралась сквозь заросли сумаха. По гравию и по низкорослым кустам.

Я спрыгнула с крыши, потому что псы, глядя на дорогу, занервничали, заворчали, стали звенеть своими цепями. «Ш-ш-ш», — успокоила я их. И побежала ей навстречу по узкому коридору в густых зарослях сумаха и, осторожно постучав ладонью по капоту машины, привлекла внимание Патры.

— Линда! Осторожно! — Она опустила окно и высунула голову.

Патра была сама на себя не похожа. Губы розовели, как земляные червяки под камнями, так

же, по-червячьи, извиваясь под губной помадой. На щеки были густо наложены румяна, что придавало ей сходство с сестрами Карен, которые ненавидели свое отражение в зеркале и яростно выдавливали прыщи, а потом замазывали ранки толстым слоем пудры. Она выглядела одновременно моложе и старше. Как девчонка, слишком расфуфыренная, или как дама средних лет, напялившая молодежный прикид.

— Послушай, — продолжала она, — я не нашла телефон твоей мамы. Я перерыла весь дом, но так и не вспомнила, куда я его записала. Дело в том, что сегодня прилетает Лео. Мы с Полом хотели встретить его рейс в Дулуте. И собирались поехать в аэропорт вместе. Но Пол…

— Что с Полом? — Я поняла, что надо прийти к ней на выручку. Чтобы облегчить ей задачу, сделать за нее неприятную работу. И я инстинктивно хотела закончить фразу, которую ей, видно, было непросто выговорить. — Но Пол…

— С Полом все хорошо. Он спит. Он сейчас дома…

— Один?

Мой вопрос застиг ее врасплох, ее глаза расширились и заблестели.

— Поедем со мной! — Она умоляюще глядела

на меня. — Пока меня нет, посиди с ним! Только сегодня!

У меня было домашнее задание — тест по тригонометрии и гигантская ветка, которую я пообещала разрубить. Отец на озере ловил судаков — их мне предстояло почистить и разделать до наступления ночи. Я правда знала, что выполню просьбу Патры. Ведь она сама приехала сюда и теперь сидела, сжимая руль так крепко, что вены у нее на руках набухли. Краешком глаза я заметила, как мама идет по тропинке с холма, где она развешивала выстиранное белье.

— Погодите, — сказала я Патре.

— Я могу сама поговорить с твоей мамой, — предложила она, выключила мотор и открыла дверцу. Я слышала, как звенят волочащиеся по земле собачьи цепи, как хлопает на ветру брезентовый навес над нашей входной дверью.

– *Погодите*, — повторила я. Наверное, я выкрикнула это слово, потому что она испуганно подняла обе руки вверх, точно защищаясь. Или в знак капитуляции.

— Хорошо!

Я видела, как, взглянув на машину, недовольно прищурилась мама и вошла в дом.

Я за ней.

* * *

Комната купалась в солнечном свете, а в воздухе порхали пылинки золы. Мама складывала выстиранное белье — на кухонном столе росла огромная куча высохшей на майском солнце одежды.

— Это та женщина из дома на озере? Та, с которой ты проводишь так много времени? — Она сопроводила свой вопрос выразительным взглядом, в котором одновременно угадывались надежда и подозрение. Ее длинные темные волосы липли к наэлектризованным простыням, когда она поднимала их, складывала пополам, а потом еще раз пополам.

— Ага.

Она кивнула, не глядя мне в глаза. Долгие годы она все повторяла, что не хочет, чтобы я чем-то отличалась от других самых обычных детей моего возраста. Она всегда любила повторять отцу, что предпочла бы, чтобы я проводила меньше времени на крыше мастерской и больше внимания уделяла обычных девчачьим занятиям. Ну вот я и пыталась ее порадовать.

— Значит, она хорошая?

Но на самом деле мама вот что имела в виду:

она ведь не здешняя, так? Потому что при всем при том, думаю, моя мама всегда хотела, чтобы у меня были более высокие устремления, чем у местных девчонок, чтобы я была хоть на капельку лучше них.

— Ага.

— Хорошо. Тогда желаю хорошо провести время!

С этими словами она подошла к полке над раковиной, отвинтила крышку у старой банки из-под варенья и выудила оттуда четыре смятых банкноты из своей заначки. Она поморщилась, когда я замахала руками, отказываясь от ее предложения.

— Да я серьезно!

— Мам… — Банкноты мягко, как тканевые салфетки, легли мне на ладонь. На ощупь они не были похожи на деньги.

— Это важно! — Теперь на ее губах заиграла понимающая улыбка.

Я почувствовала, как у меня защекотало в горле. Предупредительный сигнал.

— Что именно?

— Пуститься в небольшое приключение.

— Ну, мам! — Мне не понравилось, как она это сказала. Словно она знала, что я задумала,

хотя ничего она знать не могла и не стала бы спрашивать. Словно я собралась завалиться в казино, напиться там и оторваться по полной на ее несчастные четыре доллара. Словно только этого она и добивалась. — Я просто хочу сказать, что рыбу разделаю завтра. И прошу тебя передать это папе, ладно?

Она нашла в горе чистой одежды мою голубую фланелевую рубашку и бросила мне. Высохшая на солнце рубашка была еще теплая и пахла стиральным порошком и кедром.

— Иди! — А сама продолжала складывать одежду. — Я не буду приставать с расспросами. Не буду спрашивать у тебя, чем она там занимается одна с ребенком. У нее такой длинный отпуск? Иди и ни о чем не думай.

Патра поставила одну ногу на педаль газа, а другую — на тормоз. Когда она переключала скорости, машина чуть тряслась и потом рывком дергалась вперед. Сжимая руль, она одновременно пыталась стереть пятнышко с юбки и давала мне больше, чем обычно, инструкций: перед едой пусть Пол выпьет два стакана воды, в три часа — четыре крекера, бутерброд с тунцом — в пять. Я слушала, но не отвечала. Я думала о долларах в своем кармане и о старой банке из-под варенья

на полке над раковиной. Еще я думала о блеснах, которые мы с отцом делали для продажи, да так ни одной и не продали, о банках, которые мы наполняли домашним джемом, чтобы торговать им у закусочной по выходным, о выстиранной одежде, которую мама перешивала из старых обносков.

Видя, что я всю дорогу молчу, Патра мельком взглянула на меня и снова стала смотреть на дорогу.

— Твоя мама не сердится?

— А Патра это ваше настоящее имя? — Я спросила и вдруг почувствовала, будто в чем-то ее обвиняю. Не знаю почему. Меня вдруг разозлила ее подчеркнутая любезность. И разозлила ее юбка с пятном, которое она терла пальцем, а особенно меня злили крупные, как у павлина на хвосте, цветы на этой юбке.

Мой вопрос ее удивил.

— Вообще-то нет. Я — Клеопатра, и меня всю жизнь называли уменьшительно Клео. А что?

Я искоса посмотрела на нее. У нее на щеке лежала большая серьга с черным камушком.

— Да просто так.

— После того как я встретила Лео, я изменила имя. Странная была бы парочка — Лео и Клео!

Правда? — Она словно оправдывалась. — Кому бы это понравилось?

Никому. Она была права.

— Послушай, он тебе понравится, — пообещала она. — Он из тех людей, чьи мысли можно *слышать*. Ты сама увидишь: он говорит, а сам в это время делает в уме вычисления. Вот он какой умный.

Интересно… Я подумала: а вот бы услышать его мысли прямо сейчас, когда он в тысяче миль отсюда, в воздухе, в самолете, делает в уме вычисления, наблюдает за своими протозвездами и за их магнитными полями, вычерчивает галактики, такие древние, что мы узнаем об их существовании, когда им уже будет по миллиарду лет, и вычисляет траектории движений Патры, и Пола, и меня, и этой машины, которую, как я заметила, Патра отмыла от соли и грязи к его приезду.

— Конечно, — проговорила я.

Патра нервничала из-за того, что оставила Пола одного в кровати. Но когда мы приехали к их коттеджу, малыш уже встал и делал себе сэндвич с сахарным песком, который намеревался погрузить в свой пластмассовый грузовичок, после чего отправиться в лесную хижину. Его лесной хижиной был перевернутый вверх ножками

стул, и я предложила ему поставить настоящую палатку — она валялась у них в гараже, и ею никогда не пользовались — прямо на ковре в большой комнате. О том, что накануне он неважно себя чувствовал, я могла догадаться по серому цвету лица, и еще я вспомнила о его вспотевшем подбородке. Патру моя идея привела в восторг.

Прежде чем уехать, она несколько раз поцеловала его в голову, потерлась лицом о его макушку, вдыхая его запах, точно собака.

— Папа будет тобой гордиться! — воскликнула она. — Он будет очень рад тебя увидеть! Ты молодец, малыш!

Весь день мы обустраивали наш лагерь. Я пообещала Патре не выходить с Полом из коттеджа, поэтому, чтобы убить время, сидя в четырех стенах, я научила его всему, что сама знала об охоте на медведей, о том, как есть дикие ягоды и жевать кору, чтобы не умереть в лесу с голоду, как выжить с одним ножом, если так случится. Никогда не следуй по течению ручья в надежде, что он выведет тебя к цивилизации, уверяла я его. Это миф. Лучше найди источник чистой воды — и сделай это не позже чем через два дня. Если надо, завяжи рукава куртки вокруг лодыжек и ходи по высокой траве утром, чтобы на рукавах

осело немного росы. Слизни ее языком (ради тренировки Пол волок свою курточку по ковру). Не бойся есть кузнечиков. Избегай растений с молочным соком. Избегай белых ягод.

Я научила его ползать по тонкому льду, распределяя свой вес по хрупкой поверхности, научила ползать по-пластунски, как солдат.

— За тобой пришел медведь! — сообщила я ему.

Он с минуту пополз, потом остановился передохнуть.

— А теперь волк!

— Можно не волноваться! — Он тяжело дышал. Его щеки покраснели. — Они… милые!

— Хорошо! — И я легла рядом с ним на живот.

Ровно в пять я дала Полу бутерброд с тунцом. В точности по инструкции: тунец из банки, соус отжат, бежевое мясо размято вилкой по сухой поверхности хлебного ломтика. Пол жадно сжевал бутерброд, а потом накинулся на десерт — коробку крекеров в виде зверушек. Покончив с крекерами, он встал из-за стола. Крекерные крошки застряли у него в складках рубашки, а часть рассыпалась по полу.

В семь я наполнила для него ванну. Я налила в воду немного шампуня и взбила пену. Потом,

пока он снимал штанишки и потяжелевший подгузник, притворилась, что изучаю укус комара на своей лодыжке. Я случайно сковырнула засохшую шапочку крови, и из ранки от укуса потекла струйка крови, словно это была совершенно свежая рана. Я неторопливо вымыла кожу вокруг. Наконец обернулась на Пола. Он уже сидел в ванне и самозабвенно строил из пены две башни на своих коленках. Мы не разговаривали. Только после того, как я развернула его пижаму, выкинула мокрый вонючий подгузник и дала ему свежие трусики, он завел разговор:

— А ты много путешествовала?

Свою самую дальнюю в жизни поездку на автобусе я совершила в Бемиджи, куда мы от школы ездили к статуе Пола Баньяна[20]. А на каноэ я дальше всего плавала в шестидневном походе вверх по течению Биг-Форк-Ривер к канадскому берегу озера Рейни-Лейк.

— Нет вообще-то, — с сожалением призналась я.

— А ты замужем?

Я уткнулась подбородком в воротник. Я подумала, что теперь ясно, о чем он хочет спросить. Он

---

[20] Примечания: 20

Пол Баньян — герой американского фольклора, великан-лесоруб, живший вблизи Великих озер.

хотел понять, к какой категории меня отнести: я — взрослая или ребенок, была ли я похожа на его маму с папой или на него — или на кого-то еще, кого-то необычного. Мои пальцы онемели и с трудом справлялись с пуговками на его пижаме.

— Да нет.

При этих словах он взглянул на меня почему-то с нескрываемым испугом.

И тогда я подумала о Лили. Я подумала, как ей удалось превратиться в глазах одноклассников из безобидной дурочки в опасную заразу, причем на это у нее ушло всего каких-то два месяца. И раздумывая о ней, я мельком взглянула в темные глаза Пола, которые иногда казались серыми, иногда зелеными, а иногда черными. Я пожала плечами.

— Однажды жил-был парень. Его звали Адам.

— Он был путешественник?

— Он был из Калифорнии. — Я надеялась, что смогу его заинтересовать. — Он был актером. Хотя нет. Вообще-то он был учителем.

— Прямо как мой папа. Он был учителем у моей мамы в колледже.

Мне захотелось узнать об этом поподробнее, но Пол — теперь уже полностью одетый, с мокрыми волосами, с которых капли воды стекали на

шею, — помчался убить медведя, попить росы и разжечь костер.

В восемь Патра еще не вернулась, поэтому мы залезли в палатку, которую разбили на ковре, и застегнули молнию на входе.

— Обувь снял? — спросила я.

— Проверь!

— Томагавк для обороны под рукой?

Он дотронулся до деревянной рукоятки топорика:

— Ага!

Он свернулся калачиком в своем спальном мешке, подложил кожаную перчатку под голову, а потом, словно брошенный в воду камень, мгновенно провалился в глубокий сон. Я лежала у противоположной стенки палатки: внутри было тепло и тихо, создавалось полное ощущение, что мы лежим под землей. Я собиралась дождаться возвращения Патры с мужем, но палатка заглушала все обычные ночные звуки, и я не слышала ни стрекота сверчков, ни уханья сов в лесу — вообще ничего. Я слышала только дыхание Пола, уткнувшегося в нейлоновую ткань, и это был едва слышный звук. И еще я слышала, как черный кот спрыгнул с подоконника, и его шейный колокольчик звенел по всей комнате.

А чуть позже — сколько прошло: несколько минут или часов? — я услышала шепот Патры. Она стояла на коленях, забравшись в палатку с плечами и нависнув над нами. Она была темным силуэтом и парфюмерной волной, не более того, и полы ее расстегнутой куртки свисали по бокам.

— Все нормально? — поинтересовалась она.

— Он в порядке.

Она вползла на локтях и коленях внутрь, поцеловала спящего Пола в щеку, потом, вздохнув, легла между нами. Ее куртка пахла фастфудом и влажными деревьями. Наверное, выскочив из машины, она бежала сюда, потому что я слышала, как учащенно бьется ее сердце, а потом сердцебиение постепенно замедлилось, возвращаясь к нормальному ритму.

Хотя, может быть, это билось мое сердце. Может, я вдруг резко проснулась от безотчетного страха.

— Уютно тут, — сказала Патра. — Лучше, чем одной пять часов быть в машине. Или сидеть на аэропортовской парковке.

Я повернулась к ней:

— А где он?

Она шумно выдохнула:

— Задержка рейса. Сначала задержали, потом

и вовсе отменили.

Патра не застегнула молнию палатки, и я подползла к выходу и сама застегнула. Легла обратно. И почувствовала, как сухие волосы Патры трутся о мое ухо. Ее волосы пахли прохладным лесом, и этот запах перебивал тонкий аромат ее кокосового шампуня. Патра не сняла куртку, и всякий раз, когда она шевелилась, я слышала, как синтетическая ткань куртки похрустывает под тяжестью ее тела.

— Отнесу его в постель, — прошептала она.

— Ладно, — согласилась я.

Но она не шевельнулась. Она лежала так неподвижно, что даже ткань ее куртки не издавала звуков.

— Как же я вымоталась! — пожаловалась Патра, и, пока она произносила эту короткую фразу, интонация ее голоса изменилась: усталость превратилась в отчаяние, точно она спрыгнула с невидимого моста между нами.

Я не задумалась, чем вызвана такая внезапная смена интонации. Мне не хотелось гадать, что ее так расстроило.

— Мы вдвоем отлично провели время, — доложила я.

Патра заплакала. Сначала тяжело задышала,

а потом что-то произошло. Она прижала ладонь к губам, пытаясь безуспешно пресечь возглас. «Извини», — могла бы она сказать в промежутках между вздохами, или «Боже мой!», или «Останься!».

— Эй, — сказала я после тягостной паузы. — В палатке обувь надо снимать!

Я дотянулась до ее ступней и расстегнула пряжку на полусапожке. Сунула пальцы внутрь и наткнулась на твердую круглую пятку, горячую и влажную в носке. Потом стянула с ее крохотной ноги полусапожок и, расстегнув пряжку на другом, тоже сняла. Эти забавные маленькие ступни в носочках показались мне ужасно беззащитными. Я прижала ее пятки друг к дружке, и она перестала плакать. Я услышала, как ее дыхание вернулось к нормальному ритму.

Прежде чем забраться в спальный мешок, я по привычке проверила, на месте ли томагавк. Его деревянная рукоятка под моими пальцами казалась гарантией безопасности. Еще до того как дотронуться до томагавка, я обрела спокойствие. И испытала удовлетворение и радость.

Чуть позже я снова проснулась и заметила, что Патра лежит, свернувшись, как большая кошка, обхватив Пола. Спиной ко мне. Придвинувшись

к ней поближе, я почувствовала сквозь куртку ее изогнутый позвоночник, каждый позвонок, каждую косточку, выставленную напоказ словно тайна. Наконец сгустилась ночная тьма. Где-то вдалеке громыхал гром. Ветер поднял на озере волны, и я слышала, как они с шумом набегали на берег, перекатывая туда-сюда гальку. Я слышала, как сосновые иголки шуршали по крыше. Слышала, как в разнобой дышат Патра и Пол.

Счастлива. Я была счастлива.

Что я не сразу поняла: мне это чувство было в новинку.

И кто бы мог осудить меня за надежду на то, чтобы самолет ее мужа после задержки рейса попал в грозовой фронт и совершил вынужденную посадку? Чтобы он внезапно оказался в зоне турбулентности и пошел на снижение? Кто бы мог осудить меня за желание, чтобы их пилот оказался молодым и неопытным и от страха развернул бы лайнер над океаном и вернулся в пункт вылета? У мужа ведь были его протозвезды, за которыми он так любил наблюдать с вершины горы на Гавайях. И я мечтала, чтобы нас разделили штормовые фронты, чтобы между нами бушевали бури над калифорнийским побережьем. Ливень, молнии. Гром усилился. Я

чувствовала, что поставленная мной в комнате палатка объединила нас троих. Пола и Патру. Патру и меня.

Несколько раз я просыпалась во сне. Мне снились собаки. Мне снилось, что я катаю Патру и Пола в каноэ и потоки воды поглаживают борта лодки, точно невидимые руки, и, чтобы продвигаться вперед, мне приходилось прилагать немалые усилия. Я гребла по направлению к берегу. Или прочь от берега, а может быть, мы плыли на открытую воду. Я спала и просыпалась. И снова засыпала.

Перед самым рассветом я услышала снаружи шорох. Было такое впечатление, что там бродит какой-то лесной зверек, опоссум или енот, ступая по гравию подъездной дороги к коттеджу. Потом я услышала хлопок дверцы машины. Очень тихо, стараясь не шуметь, я села и вытащила из-под подушки Пола томагавк. Расстегнула молнию палатки, на цыпочках прошла по длинному ворсу ковра к окну и выглянула. На дорожке, освещаемый лучами восходящего солнца, стоял мужчина в синем дождевике возле взятой напрокат машины. Он держал саквояж и бумажный пакет с продуктами из бакалейной лавки. Он казался спокойным и безобидным. Поэтому, когда он

открыл дверь, я опустила томагавк так, чтобы он мог его видеть. И Патра была права: я услышала его мысли. Я услышала, как он про себя фиксирует и оценивает темную комнату, и палатку посреди нее, и высокую тощую девчонку, возникшую из тьмы с грозным оружием в руке.

Вот как развивалась история с Лили. Началось все просто, но со временем, когда сплетни о ней распространились, как круги по воде, история стала обрастать новыми подробностями. Прошлой осенью мистер Грирсон позвал Лили покататься на каноэ. Гон-Лейк было самым большим из четырех озер за чертой города. Оно было круглое, и с его середины береговая линия казалась черной полоской, а в октябрьских сумерках и вовсе стала неразличимой — это уж точно. И все могли себе такое представить. Он сделал правильный выбор, повезя ее на Гон-Лейк. Они гребли оба, потому что, как уверял мистер Грирсон, совместный физический труд укрепляет доверие между людьми. Он занял место на корме и махал веслом. Хотя Лили, конечно, могла бы доставить их в нужное ему место куда быстрее. Как и все местные, она гребла так же умело, как гоняла на велике. А мистер Грирсон, калифорниец, только воду взбаламучивал и еле

удерживал равновесие, чтобы не вывалиться за борт. Он и штаны промочил насквозь, и туфли. Когда они добрались до середины озера, солнце уже закатилось и вода стала черная, как нефть. На безоблачном небе искрились звезды. И хотя было довольно прохладно и почти все осины уже сбросили листву, ни перчаток, ни шапок у них с собой не было. И им пришлось положить мокрые весла поперек лодки и поочередно греть руки о крышку термоса с горячим кофе.

Лили вполне могла в любой момент накренить лодку и завалиться на мистера Грирсона. Для этого ей надо было просто сильно качнуться в сторону. Она знала это озеро как свои пять пальцев, как свое смазливое личико. А он совсем не знал. Он достал одноразовый фотик и, направив на нее объектив, признался ей в этом. Сказал, что Лили следует знать, какой он слабый и что его судьба в ее руках. Он сказал, что если ему повезет и он вернется целым и невредимым в свою машину, то это произойдет только по ее доброте сердечной, только по ее милости. Он хотел, чтобы Лили знала — заранее знала! — как он ей благодарен. И прежде чем расстегнуть молнию на брюках, прежде чем прошептать «Только поцелуй!» и притянуть Лили ближе, он предупредил,

что все зависит от ее решения.

8

Лео испек блинчики с изюмом и шоколадной крошкой. Апельсиновый сок был густой, сладкий, с мякотью. Он готовил завтрак и играл с Полом в слова — в «Лжеца, лжеца» и «Воображаемого палача». Пол, угадывая, всегда предлагал одни и те же буквы: Н-Е-Т и П-О-Л. Суетясь у плиты, Лео постоянно всех трогал: Патру, само собой, которая улыбалась как дурочка (она так и не переоделась со вчерашнего вечера), и Пола, которому он несколько раз во время готовки говорил: «Дай пять!», умудряясь одновременно переворачивать блины лопаткой. Ну и меня заодно.

— Ну вот, Линда! — сказал он, положив руку мне на плечо и подтолкнув к столу, где стояло блюдо с готовыми блинчиками. Когда в то утро Лео только зашел в дом, он на мгновение замер, а потом протянул мне руку для приветствия. Он скинул дождевик на спинку стула и остался в голубой футболке и таком же флисовом жилете. Ботинки у него были классные. Тяжелые ботинки «Ред уинг». И никто не попросил его снять их и оставить при входе.

— Садись, ешь! — сказал он, хотя я все время

грозилась уйти, повторяя, что мне пора домой, что мне надо почистить зубы и сделать домашку.

— Садись! Ешь! — выкрикнул Пол. И застучал по столу вилкой.

Патра уже давно сидела за столом, поджав под себя ноги, глядя на всех покрасневшими сияющими глазами. Ее подстриженные вчера волосы торчали желто-золотым нимбом над головой. Весь ее макияж стерся, осталась только тонкая полоска туши на одном веке. Вытерев пальцем сироп со своей тарелки, она его обсосала. Когда Лео сообщил, что апельсиновый сок весь выпит, она схватила липкими руками томагавк и занесла его над головой, притворившись, будто сейчас нападет с ним на мужа.

— Фи-и-фай-фо-фам! — проскрежетал Пол.

— Патти! — укоризненно проговорил Лео. Но она, казалось, была во власти силового поля радости и только ухмылялась. Отложила томагавк и обтерла ладони о юбку.

— Кому салфетки? — спросил Лео, передавая одну Патре.

Я собралась уходить, когда солнце поднялось над верхушками деревьев и его лучи и танцующие в них пылинки попали мне на макушку, и по всей комнате рассыпались тени. Пол что-то

кричал про столицу Европы, а Патра рассказывала про «демонстрацию» Пола накануне, так что никто не заметил, как я налила себе еще стакан молока, а потом выскользнула за дверь. После прошедшего ночью дождя залитый солнцем лес выглядел точно отмытый молодняк. Деревья стояли взбодрившиеся, напоенные жизненными соками, и листва на них задорно шуршала и бликовала. Коттедж уже скрылся из виду, а я почти дошла до сосняка, как вдруг за спиной послышался топот ног.

— Линда, подожди! — крикнула Патра.

Я обернулась и увидела, как она бежит ко мне, неловко перебирая ногами, спотыкаясь о торчащие из земли корни и разбросанные сосновые шишки. Она была в одних носках. От ее жалкого вида у меня даже дыхание перехватило. Длинная мятая юбка путалась между ног, озаренная солнцем стрижка смахивала на короткую львиную гриву.

— Спасибо! — выдохнула она, протягивая мне четыре десятидолларовых купюры.

У меня упало сердце. В моем кармане уже лежали мамины четыре бумажки. И за месяц работы у Патры я скопила достаточно денег, чтобы купить собственную байдарку, или билет на автобус до

Тандер-Бея, или чистокровного щенка лайки.

Проблема же была в том, что ни о чем я не мечтала слишком сильно.

— Не, спасибо, не надо, — сказала я, пряча руки за спину.

— Ты должна взять деньги, Линда! А то я обижусь. — И она с притворной обидой надула губы и притворно-негодующе топнула ногой.

— Ладно! — Это не моя проблема — вот что я имела в виду. И собралась уйти.

— Если ты их не возьмешь, я их положу вот здесь под камень. Я не шучу!

Я видела, что она еще не отошла от утренней болтовни в коттедже — от возбуждения, от дурашливого веселья, которым сопровождалась эта болтовня.

— Вот, я прячу твой заработок. Сама достанешь!

Она и правда так сделала. Встала на колени и на ладони прямо в грязь, в своей длинной юбке, и подняла осколок гранитного валуна, а под ним в мокрой грязи обнаружился клубок дождевых червей. Как будто лес обнажил свои внутренности.

— Я серьезно! — крикнула она.

Я пожала плечами.

— Вот твои деньги! Под камнем с червяками!

— Пока! — сказала я.

Наконец она поднялась и покачала головой, не в силах удержаться от улыбки. Встала руки в боки.

— А знаешь, ты очень смешной ребенок!

Ее носки и ладони были черными от грязи.

— А вы — взрослая чудачка!

Домой я заявилась вся чумазая после прогулки по лесу. Когда я топала к двери, псы приветствовали меня, вставая на задние лапы и натягивая цепи.

— Дворняги вы беспородные! — пожурила я их, наклоняясь и трепля каждого за бока — никого не пропустив, даже старика Эйба, моего любимого пса. Его бока я потрепала дважды, с обеих сторон. Потом я выпрямилась. Из прикрытого сеткой окна доносились громкие голоса родителей. Мне почудилось, что я расслышала свое имя — Мэделин, — но нет, они обсуждали появление крота в огороде. Я сразу развернулась и направилась в противоположную сторону.

В мастерской было темно и прохладно, с крыши, было слышно, взметнулась стая испуганных воробьев. Я замерла, вслушиваясь в шум их крыльев. Потом поглядела на бочку со свежей рыбой, но так и не смогла смириться с мыслью — ни

сейчас, ни вчера, — что нужно вспарывать судаков и вынимать их хребты. Пролежавшая сутки рыба быстро начинает гнить, а я не проверила, не растаял ли в бочке лед. Мне придется вынимать кучу мелких костей, если я возьмусь за разделку, ведь там целое ведро рыбин с блестящей кожей. Но делать тригонометрию ничуть не лучше — а может, и хуже, — поэтому я задумчиво простояла в затхлой мастерской еще с минуту, а потом насовала в рюкзак кое-какие вещи, повязала драный дождевик вокруг талии и поволокла старенькое каноэ к берегу.

Как только я спустила каноэ на воду, оно сразу поплыло. Мне даже не обязательно было грести. На озере был штиль — ни волны, ни ряби. Перегнувшись через борт, я могла разглядеть дно. И еще я видела, как поднимается к поверхности синежаберник и лепестки кувшинок опускаются ко дну. Воздушные пузырьки уносило водоворотом за кормой. Доплыв до дальнего конца озера, я выволокла каноэ на сушу, нагнулась и, перевернув каноэ вверх дном и сунув голову внутрь, взвалила его себе на плечи. Постояв секунду, я выровняла каноэ и отправилась по каменистой тропе.

Следующее озеро — Милл-Лейк — было куда больше нашего, и его берег облепили «дома на

колесах» и пикапы, расположившиеся в кемпинге национального парка. По озеру носились моторки, оставляя позади себя тридцатифутовые бурлящие водяные борозды. Они не сбавляли скорость, хотя видели меня в каноэ с веслом. Все спешили занять новые места клева, на полной скорости пролетая под зелеными навесами листвы. Я с удивлением заметила женщину в красном бикини, которая лежала на шине, привязанной тросом к моторке. Шина подпрыгивала на волнах. Вода в озере была еще довольно холодной. Но женщина весело прокричала мне «Привет!», перекрывая рокот мотора, а я не стала ничего кричать в ответ.

Я продолжала грести. Прошло еще полчаса, над верхушками деревьев появились тучки, легкий бриз взъерошил водную гладь, сделав ее похожей на старческую кожу. Теперь все отдыхающие попрятались по своим трейлерам, опасаясь, что возвращается ненастье. Они вечно принимали набежавшие тучки за предвестье ухудшения погоды, а любые облака — за грозовые тучи. В «домах на колесах» зажегся свет, и день стал похож на вечер.

Я продолжила путешествие на каноэ по узкой протоке, соединявшей Милл-Лейк с озером Вин-

несага.

И вот я увидела его впереди: озеро лежало передо мной точно стрела — длинное и узкое, нацеленное к северу. Индейская резервация располагалась у самого дальнего от меня берега. Когда я была тут в последний раз — несколько лет назад мы приезжали сюда с отцом ставить капканы на ондатр, — резервация состояла всего из нескольких домов. Там была одна мощеная дорога и с десяток жилых трейлеров да свора лабрадоров-метисов. Теперь же, по мере моего приближения к их берегу, я заметила, что все собаки сидят в вольерах из сетки-рабицы. Теперь на единственной улице поселка появились закусочная «Дэйри куин», парковка и светофор. Видно, новое казино на шоссе приносило хорошую прибыль[21]. Я увидела Центр индейского наследия, выстроенный из узких ровных бревен, и вывеску в форме рыбы с надписью «Добро пожаловать!» на местном наречии.

Я выволокла каноэ на берег, спрятала его под густыми нижними лапами канадской пихты и зашагала по асфальтовым дорожкам, которые то и дело заворачивали к лужайкам перед доми-

[21] Примечания: 21

По закону 1988 г., в индейских резервациях разрешено открывать казино, доход от которых идет в местный бюджет.

ками, сложенными из модульных конструкций. Все домики были словно близнецы: белые, обшитые алюминиевыми планками. У всех были одинаковые крылечки и гаражи на две машины. На крышах у всех торчали тарелки спутниковых антенн, перед каждым стоял пикапчик.

Резервацию можно было бы счесть обезлюдевшей, если бы не ватага выбежавших из леска мальчишек в ярких свитерках с эмблемами воскресной школы. В руках они сжимали сбитые из палочек эскимо небольшие кресты, притворяясь, что это их ружья.

— Пау! — крикнул один из них. Другой поднял крест над головой и крикнул:

— Назад, Левиафан!

— Эй, не скажете, где живут Холберны? — не смутилась я. — Пит и его дочка Лили.

Она уже четыре дня не появлялась в школе.

— А почему мы должны тебе это сказать? — поинтересовался один из них — тот, который возглавлял охоту на Левиафана.

— Я вам денег дам. Я каждому дам по доллару, если вы покажете мне их дом.

Они на мгновение замешкались. Но потом, слегка приподняв плечи, согласились, словно между ними существовала телепатическая связь.

— Вон туда! — один из них махнул рукой в сторону гравийной дорожки, убегавшей от мощеной улицы. И я раздала им мамины долларовые бумажки, расправившиеся и теплые после двухдневного лежания у меня в кармане. Получив вознаграждение, мальчишки обступили меня со всех сторон, взмахнули крестами и забросали вопросами:

— А что тебе надо от Лили-Полячишки? Она противная розовая гомо-лесба! Ты такая же гомо или как?

Я вздохнула. Мальчишки в школе вечно задавали мне этот вопрос. Это было худшее оскорбление, которое могло прийти в голову восьмилетнему мальчишке. Но я давно привыкла к этому оскорблению, которое не раз в детстве выслушивала на детских площадках.

— Гомо сапиенс? — переспросила я веско.

Они смущенно переглянулись.

— Тогда да, я гомо.

— Фу! Проваливай! Тьфу на тебя! — завопили мальчишки.

Но они явно были в восторге.

Я оставила их там размахивать своими крестами из деревяшек и направилась по дорожке, которую они мне показали. Некоторое время я

шла по зарослям проса, пока не увидела ржавый трейлер на опушке сосняка. Я не стала подходить к дому Лили с центрального входа. Я зашла с тыла, где траву никогда не косили и лесные заросли подступали вплотную к владениям Холбернов. Но там под голубым навесом оказалось выметенное бетонное патио, и когда я заглянула в заднее окно, то увидела батарею тарелок, аккуратно выстроившихся в сушилке для посуды. Еще я увидела круглый стол с пластиковой столешницей, и задвинутые под него стулья, и освещенный аквариум с включенной системой подачи воздуха. Трейлер был хоть и старый, но прибранный и демонстрирующий склонность к комфорту, с новым коротким ковриком на полу и вязаным покрывалом на небольшой банкетке у стены. Я заметила розовый шарф, который Лили стащила из коробки с забытыми вещами в школе, — он висел на крючке у двери, и его кисти трепались на сквозняке. Глядя, как они шевелятся под порывами ветерка, я вдруг поняла, что крючок, на котором висит шарф, — это рог прибитой к стене головы оленя.

Широкий рот оленя был закрыт, а белые ноздри расширены.

За моей спиной раздался мужской голос:

— Лили?

Я обернулась. Кто-то, оказывается, полулежал в шезлонге в углу патио, в тени пихты.

— Лил, ты вернулась?

Это был мистер Холберн. Он сделал глубокий вдох и рывком приподнялся в шезлонге, отчего потертый нейлон жалобно заскрипел. Я судорожно пыталась придумать что-нибудь в свое оправдание — мол, я собирала в здешнем лесу раннюю коринку и заблудилась, — но потом заметила у него в руке высокую банку пива, а на мху возле патио уже была россыпь пустых. Это было воскресенье накануне Дня памяти, так что, наверное, не имело никакого значения, что я скажу. Завтра он бы обо мне и не вспомнил.

В его седой бороде запуталась желтая сосновая иголка.

Он опустил ноги с шезлонга на бетон и попытался встать.

— Ты вернулась. А я тебя ждал-ждал…

Его горестное настроение улетучилось, как только он шагнул из тени на свет. Только теперь он осознал, что обознался, но столь же мгновенно забыл об этом, закрыв отяжелевшие веки. Когда же он опять открыл глаза, то поморщился так сильно, словно испытал невероятную боль.

— Ты? — проговорил он и тут же добавил вежливо: — Прошу прощения, я тебя знаю?

— Не-а, — ответила я, хотя это и не было чистой правдой. Я много раз обслуживала его в закусочной, а когда-то давно, мне тогда было двенадцать, соревновалась с двумя его племянниками в классических санных гонках «Два медведя» — и победила. А он на финише похлопал меня по спине.

Он положил руку на живот и медленно провел ею до шеи, чуть задрав фуфайку с надписью «Служба охраны лесов». Из-под фуфайки осклабился полумесяц живота.

— Такое чувство, точно у меня из груди растет дерево. Что-то мне нехорошо. Такое чувство, точно моему рту тесновато стало на лице. Понимаешь? — Он пошевелил челюстью. — Не обращай на меня внимания, — добавил он извиняющимся тоном.

Он отвернулся, нашел под шезлонгом новую банку пива и со щелчком ее открыл. Повернувшись ко мне, нахмурился:

— Ты еще здесь?

Я сдернула из-за спины рюкзак и расстегнула молнию. Достала из него пару черных замшевых ботинок.

— Это частная территория, — заметил он. Но как-то печально, словно сожалел об этом факте. — Охота и рыбалка запрещены.

Он решил, что я достала коробку с наживкой? Или ружье?

— Я не собираюсь *охотиться*!

— Не… — Он не мог вспомнить нужное слово. Ему пришлось перевести взгляд на прибитую к дереву оранжевую табличку с черной надписью и прочитать ее вслух:

— Не… санкционное… проникание… — Он хихикнул.

— Где Лили? — выпалила я.

— Лили? — Он медленно покачал головой, словно на его плечах лежало бремя всех тайн мира. — Ушла к этому сукину сыну адвокату. Перед уходом дала мне наказ: «Поддерживай в доме порядок!» И вот посмотри! Я получаю свои маленькие радости, сидя здесь, как она и сказала. Я вымыл посуду, так? Я поддерживаю в доме порядок! — И он, кряхтя, упал на шезлонг, точно перечисление своих заслуг вконец его вымотало.

Лежа на шезлонге, он опасливо указал рукой на ботинки, которые я сжимала в руках:

— Эт… чт… такое?

— Это… — Я задумалась, как ему объяснить. Но

прежде чем успела ответить, он прикрыл лицо ладонью, точно щитом.

Оказавшись опять перед входом в трейлер, я нерешительно остановилась под дверью. Потом поставила ботинки на крыльцо. Я стала думать, чем бы написать ей записку, и поняла, что нечем. Тогда, нагнувшись, задвинула ботинки под навес на крыльце: пятки вместе, носы врозь. Я погладила один ботинок по мягкому замшевому боку и побежала по дорожке к озеру.

Эти ботинки я нашла в коробке с забытыми вещами в прошлый четверг после уроков и, положив в свой рюкзак и проплыв в каноэ через три озера, принесла их для Лили. Наверное, мне хотелось сделать ей такой вот подарок. Наверное, я воспринимала их таким тайным знаком моего одобрения или солидарности с ней. На бегу к озеру Винесага я разок оглянулась и увидела их — черные замшевые ботинки, украденные мной для Лили. И эти черные ботинки на крыльце трейлера совершенно не были тем, что я ожидала увидеть. Они выглядели как непреклонный человек-невидимка, сурово несущий вахту у ее дверей. Словно блокируя вход и осуждая весь свет.

* * *

Добежав до озера, я увидела, что усилившийся ветер поднял большие волны. У меня засвербело в животе. В рюкзаке у меня ничего не было, кроме швейцарского армейского ножа и выношенного дождевика. Я не захватила никакой еды. Я сорвала несколько недозрелых ягод с куста дикой малины на берегу и, немного помусолив их под языком, выплюнула. Ягоды были твердые и мохнатые. Я подумала о Поле. Представила, как он вместе с Патрой разбирает нашу палатку, а Лео руководит процессом, размахивая лопаткой для блинов, и решила прямо там применить на практике курс выживания. Я вообразила себя умирающей с голоду, отчаянно борющейся с водной стихией, оказавшейся в сотне миль от цивилизации, от людей. Я стала яростно грести веслом и направилась к середине озера Винесага, где волны свирепо били в нос лодки и холодные брызги замочили мне лицо. Лодку мотало на волнах, и мне пришлось глубже погружать весло и налегать на него всем телом, чтобы не сбиться с курса. Справа и слева от лодки из воды то и дело появлялись узкие, как стрелы, черные головы гагар. А может, это была одна-единственная гагара,

увязавшаяся за моей лодкой и нырявшая у одного борта и выныривавшая у противоположного. Гагары это умеют.

На сей раз все три озера я преодолела в один присест. Все «дома на колесах» в кемпинге казались совершенно одинаковыми. Насквозь мокрые полотенца на бельевых веревках хлопали под порывами ветра, а рыбачьи катера болтались у берега на привязи. Мимо меня время от времени скользили пустые пивные бутылки или картонки из-под молока. Чтобы убить время и как-то отвлечься, я насчитала одиннадцать (и еще один) трейлеров и одиннадцать (и еще один) катеров. Потом насчитала одиннадцать (минус две) уток на берегу и одиннадцать взмахов веслом до берега. Если включить воображение, то найти числовую матрицу не так уж и сложно. Например, можно сделать одиннадцать вдохов и задержать дыхание. И можно найти на небе одиннадцать звезд и больше туда не всматриваться.

У меня есть одно реальное воспоминание о себе четырехлетней. В этом воспоминании фигурирует Тамека, которая была на год старше или даже больше. Когда коммуна еще не распалась, она спала рядом со мной на нижнем ярусе двухъярусной кровати в бараке. У Тамеки был сшитый из

портьеры оранжевый свитер с большими буквами спереди, и она всегда закатывала до локтей рукава, делая из них огромные пончики. А шрам на ее левом локте был пурпурного цвета. Кисти рук у нее были коричневые, а ладони белые. Естественно, вокруг нас было полно взрослых детей, они были смышленее и старше нас обеих, держались ватагой и вечно всех задирали. А Тамека была тихоня, славная. Моя. Она грызла ногти и складывала огрызки кучками, хранила их в пластиковом пакетике, который скатывала в шарик и прятала под мышкой. «Мой тайник», — так она его называла. «Никому не говори», — шепотом просила она. И, естественно, я никому не говорила. Конечно нет!

— Какие же вы везучие, что у вас такая жизнь! — повторяли нам все, а первым делом — общие родители[22], когда уходили с топорами рубить лес.

— Везучие утки? — переспрашивала Тамека.

Точно, утки, соглашалась я. И мы упархивали в лес.

Вот что я помню лучше всего с той поры. Мне тогда уже было около пяти, и мы с Тамекой обе

---

[22] Примечания: 22

Имеются в виду нравы коммуны хиппи, в которой все было «общее» — в том числе родители и дети.

болели несколько недель. Мы лежали целыми днями в нашей постели и все время спали, плавая в снах и время от времени пробуждаясь. Причем мы просыпались и начинали кашлять одновременно. Помню, как мне было жарко и тесно в плотном коконе из одеял. Еще помню, как сосала кончик косички Тамеки. Помню, как Тамека решила, что нам больше нельзя разговаривать друг с другом: ведь мы знали мысли друг друга просто потому, что жили вместе в одном мире. Как гагары или коварные щуки — ты же знаешь, как они всегда ныряют вместе одновременно? Они умеют читать чужие мысли, умеют заглядывать в будущее и избегать несчастий — таких, например, как болезни. Договорились?

Лежа рядом со мной в кровати, Тамека вынула кончик своей косички из моего рта и стала дожидаться моего утвердительного ответа.

Договорились, подумала я тогда.

После этого разговора я наблюдала за Тамекой так, словно я была гагарой с плоским глазом-пуговкой, который не двигался и видел все, что делается вокруг, и никогда не моргал. Она подносила ложку ко рту, и я тоже подносила ложку ко рту, и мы одновременно проглатывали рисовую кашу-размазню. Потом, когда Тамека хотела ско-

вырнуть свою оспинку, мне хотелось сковырнуть свою — и я расковыривала ранку до крови, и кровь струйкой стекала по ноге и падала на ногти, забивалась в лунки. А когда общие родители начали ссориться на общих собраниях, размахивать руками и хвататься за головы, мы с Тамекой решили незаметно выскользнуть из задней двери и спрятаться в зарослях кустов — в этой империи зеленых стеблей, — и когда мы выбежали из хижины, то невольно сощурились на ярком солнце. Мы помчались через Большие камни, сшибая с них клочки мха своими покрытыми волдырями ступнями. Мы выбрались с дальнего берега озера на Грунтовку и дошли до самого Шоссе, собирая по пути хорошие сосновые шишки и выбрасывая гнилые, набрали их полные пригоршни и, подивившись своей новообретенной силой и выносливостью, продолжали шагать прямехонько к Городу. И нам не страшны были проносящиеся мимо грузовики.

Оскаливая свои ужасные клыки, думала я.

Показывая свои ужасные когти, думала Тамека.

Один водитель грузовика, поравнявшись с нами, притормозил и махнул нам длинной белой рукой из открытого окна.

— Эй, поосторожней тут! — крикнул он, но мы дождались, когда он приблизился к нам, чтобы выстрелить ему в голову из ружья, что мы и сделали, направив на него кулачки и мысленно нажав согнутыми пальцами на спусковые крючки, и заорали: «Ни с места!» Но нам было наплевать и на него, и на его белую руку, которая махала и махала нам сверху. Мы ведь знали, куда идем. И знали как-то интуитивно, и никому не собирались ничего рассказывать, тем более объяснять, — ведь так поступали щуки или гагары, которые одновременно ныряли под воду и потом появлялись вместе на поверхности воды двумя маленькими точками у дальнего окоема озера. Одна и другая. Мы посылали воздушные поцелуи оленям. И швыряли сосновые шишки на дорогу.

И смотрели, как грузовики, объезжая их, резко виляли.

Потом появился взрослый парень на велике и начал издалека нам орать. Нам понравилось, что его грязные черные волосы сбились назад от ветра и встали над ушами смешными рожками, как у молодого оленя. Мы с Тамекой хохотали. Подъехав к нам, он слез с велика. У него было такое лицо, словно он жевал что-то большое, не помещавшееся в рот, и лишь много времени спустя

я задумалась, каково было ему, четырнадцатилетнему, вечно находиться в толпе гомонящей мелюзги, слышать вечное пение хиппи под гитару и не иметь возможности побыть одному в комнате — нигде и никогда. Вокруг было всегда слишком много народу, слишком мало кроватей и чистых ложек и постоянно не хватало туалетной бумаги.

Как же его звали? Кто послал его за нами вдогонку?

Что ему точно не понравилось, так это что над ним смеются маленькие девчонки. Он рассердился и, не скрывая этого, заорал:

— Вы что, обе свихнулись? Сойдите с дороги на фиг!

Потом он помолчал, успокоился. Обеими руками пригладил свои оленьи рожки, сначала один, потом другой, собрал волосы сзади в короткий конский хвостик. Потом наконец собрался с духом и выпалил то, что должен был нам внушить:

— Вы нарушаете всеобщие нормы позитивного мировосприятия, — и вздохнул.

— Мы везучие! — напомнила ему Тамека, постучав себя по везучему лбу. Дважды.

— Вы по уши в собачьих какашках! — поправил ее он.

Когда мне было двадцать шесть, я в хлам разбила свою машину. Я возвращалась в Дулут с похорон отца, резко затормозила перед тем, как объехать двух оленей на дороге, и врезалась в придорожный кедр. При ударе я разбила губу, но ничего больше не повредила. Меня отделяли от родительской хижины, наверное, мили две, три с половиной мили — от Лус-Ривера, и я все пыталась воспользоваться сотовым, хотя связь там была нестабильная, и я точно знала, что симку уже заблокировали за неуплату. Но я несколько раз включала телефон и умоляла про себя: «Ну пожалуйста!» Мимо промчалось несколько машин, и всякий раз, замечая вдали одну, я пряталась под лобовым стеклом. Мне не хотелось возвращаться в хижину. Не хотелось объяснять матери, почему я все еще не уехала, и когда те два оленя снова с опаской вышли из леса и, безмятежно опустив головы, принялись щипать траву на опушке, я достала из багажника свой рюкзак и зашагала по шоссе.

Я отправилась в путь около трех, а когда дошагала до первой бензозаправки, уже стемнело. Я топала в противоположную сторону от Лус-Ривера, держа курс на Беарфин, а это одиннадцать миль к северу.

Сначала я подсчитывала в уме предстоящие расходы, сочинив десяток разных планов, как одновременно оплатить ремонт машины, и телефонный счет, и починку сапог — пока шла по шоссе, я сломала каблук. Потом я устала обдумывать планы. То есть планы перестали приходить мне в голову. Автомеханик из Беарфина, который довез меня обратно к месту моей аварии, с ходу предложил семьсот пятьдесят долларов за мою разбитую машину, которую был готов купить на запчасти. Я взяла у него банкноты, сняла номер в мотеле, выбросила свой сотовый в реку за парковкой и на следующее утро купила подержанный ржавый мотоцикл. После чего из телефона-автомата в гараже я позвонила в магазин в Дулуте, где работала, и известила их об увольнении. Матери, у которой к тому моменту уже был стационарный телефон, я звонить не стала. Я решила: пусть думает, что я вернулась в Дулут.

До «городов-близнецов» по шоссе было часов шесть езды, и я всю дорогу убеждала себя, что мне нравится мой «Кавасаки» и я обожаю мчаться с ветерком. Но я ошибочно считала, что ехать на мотоцикле — все равно что на квадроцикле, и мне пришлось все время крепко сжимать руль, чтобы не угодить в кювет. Вот когда я поняла, как

это утомительно быть байкером! Поэтому в Сент-Поле я продала свой байк другому автомеханику — у него был пирсинг в языке и в пупке, что я обнаружила позднее, когда стала с ним спать после того, как на вырученные от продажи «Кавасаки» деньги сняла квартиру в Миннеаполисе. Мне это нравилось — приводить механика в найденную по объявлению в «Старбаксе» квартиру-студию, которую я снимала с одной девчонкой. Мне нравилось крадучись заходить с ним в квартирку, в кромешной темноте по-быстрому и по-тихому трахаться с ним на матрасе, заменявшем мне кровать, а утром выпроваживать. Утром, в семь, моя соседка по квартире уже была на ногах: делала зарядку, занималась йогой — так она улучшала карму, — а потом убегала на собеседования в поисках работы.

Однажды я проснулась, а она как раз раздвигала шторы и тихо напевала, и спросонья назвала ее Патрой.

— Доброе утро, Патра, — сказала я, к своему немалому удивлению. Словно Патра было не имя, а некое ощущение, давно забытое, — и это давнее ощущение снова ко мне вернулось, и я испытала нечто сродни счастью. Моя соседка по квартире, Энн, приехавшая с фермы из Манитобы, где ее

родители выращивали пшеницу, старательно игнорировала эту мою странность, как и многие другие мои странности вроде невидимки-бойфренда и пустого шкафа. Незадолго до того она сделала на лодыжке татуировку в виде сердца — это было самое отчаянное проявление ее бунтарства против строгих родителей-лютеран — и теперь сидела на ковре, напевая и протирая загноившуюся лодыжку детской влажной салфеткой. Только покончив с этой процедурой и выкинув салфетку в мусорное ведро, она удостоила меня ответом:

— Доброе утро, *Линда*!

Словно мы уже не обменялись этими любезностями пять минут назад, словно она могла приучить себя смириться с раздражающими особенностями моей натуры так, как другой мог бы смириться с чьей-то шепелявостью или с привычкой соседского ребенка обкусывать ногти.

— Доброе утро, *Патра*! — повторила я, желая вывести ее из себя, немного над ней поиздеваться.

Прошлой осенью, вскоре после того как мне исполнилось тридцать семь, я решила поискать Патру в Сети. Не знаю, почему мне пришло это в голову после стольких лет, но, когда такая идея

возникла, я просидела за компьютером много часов в поисках ее следов. Она взяла фамилию мужа, поэтому ее не так-то просто было найти, но потом я вспомнила, что до нашего знакомства ее называли Клео. Я нашла некую Клео Маккарти, которая вполне могла бы быть Патрой, хотя сведений о ней было недостаточно. Помимо старых статей о том судебном процессе, которые мне не хотелось читать, я наткнулась на ее последний адрес — теперь она жила в Тусоне — и на кулинарный рецепт шариков из попкорна, посланный ею на сайт любителей домашней выпечки. Шарики липнут к пальцам, откомментировал один посетитель сайта. Разочарование! Потом я полазила немного по сайту Чикагского университета и в конце концов, ничего не найдя, решила вместо Патры поискать Тамеку. Ее я нашла сразу — и перед моими глазами предстала вся ее жизнь, словно она намеренно все подготовила к тому, чтобы я ее нашла: каждый этап ее биографии был изложен подробно и с множеством деталей, которые редко кто доверяет интернету. Тамека Луна Тревор окончила высшую школу искусств в Сент-Поле, поступила в Уэслианский университет, стала адвокатом по делам о завещаниях, вышла замуж за педиатра из «Врачей без границ»

по фамилии Уэйн. У нее были две дочки-близнецы, увлекающиеся спортом, — я видела их фотографию — они играли в баскетбол. Все это опубликовал бюллетень выпускников Уэслиана. Она купила загородный дом в Эдине, штат Миннесота, в этом пригороде Миннеаполиса живут состоятельные семьи и базируется хоккейная команда «Хорнетс». Ее дом, судя по риелторским фотографиям, сделанным как раз перед тем, как она его купила, стоял на берегу искусственного пруда.

«Мы всегда будем знать все мысли друг друга просто потому, что находимся вместе в этом мире», — сказала она как-то.

Я как раз вернулась в Лус-Ривер, когда решила найти ее. Я много лет ухаживала за матерью и отдала в аренду часть земли, чтобы было чем выплатить долги. К тому времени Тамека уже давным-давно покинула наш с ней мир. Или я. И теперь я не могла угадать ни одной ее мысли.

Во вторник после Дня памяти я пришла в коттедж к Патре на несколько минут раньше времени. Дождь, что лил весь уик-энд, унялся. Все приезжие рыбаки разъехались до конца недели. И стоило им всем уехать, как столбик

термометра скакнул вверх до восьмидесяти[23]. С наступившим теплом и в отсутствие дождя появились первые комары. Они роились в любом клочке тени. Идя после школы по шоссе, я старалась держаться в середине проезжей части, на солнышке, чтобы избежать встречи с ними. Если комарье, неуверенно обследуя новые маршруты за пределами леса, умудрялось подлетать ко мне, я прихлопывала их рукой. Я как раз стирала кровь с тыльной стороны ладони, когда заметила Патру в конце их подъездной дорожки.

Она мне замахала. На ней был свитер с логотипом Чикагского университета, а на ногах — мужнины ботинки с болтающимися шнурками.

— Привет! — с улыбкой поприветствовала я ее.

Она прошла по гравию, приподняв брови, точно готовясь заключить со мной некое соглашение.

— Еще раз большое тебе спасибо за помощь в выходные!

— Да не за что.

Мы стояли молча. Я видела, как комары упрямо летят от леса прямым курсом на нас, и подумала: что тут делает Патра? И почему она одна? Словно

---

[23] Примечания: 23
По Фаренгейту: +26 °C.

ей приспичило перехватить меня на полдороге. Я приподняла рюкзак над головой:

— Вот подумала, может, мы с Полом сегодня попробуем искупаться. Уже совсем тепло.

— О да, было бы здорово! Да. Спасибо. — На ее губах заиграла натренированная голливудская улыбка. — Но вообще-то… Вот что я хотела сказать. Думаю, в эту пару дней мы сами справимся.

То есть она хотела сказать: без меня.

Я взглянула на коттедж за ее спиной. Шторы задернуты, дверь заперта. Фасад из полубревен казался неприступным, как крепость. Все открытые окна были на противоположной стороне. Той, что выходила на озеро. Все выходные эти окна были непроницаемо черными в лучах солнца (световой день теперь становился все длиннее), за исключением часа-двух по вечерам, когда Патра с мужем ужинали при тусклом свете ламп. Несколько дней они не показывались на веранде. Я решила, что все куда-то уехали, может, в Природоохранный центр лесничества, или в Беарфин, вернуть арендованный автомобиль, или в закусочную в городе — съесть пирог с шоколадным муссом.

Я даже подумала, что они уехали в Уайтвуд, где была детская площадка с двумя горками. И поле

для мини-гольфа. И кинотеатр.

Патра все еще картинно улыбалась.

— Я хочу сказать… Я имею в виду, что мы пока справляемся вдвоем, Лео и я. Но спасибо тебе, Линда.

— Не за что.

— Я обязательно позвоню!

— Здорово!

И как же, интересно знать, она мне позвонит?

Над Патрой теперь вилась целая стая комаров, метя ей в руки и шею. Она отмахивалась. Я стояла неподвижно: хотят меня кусать — пускай! Я ощущала с десяток комаров, ползающих между волосками на руках, и почему-то почувствовала облегчение. Мне казалось это правильным — отдаться на милость комарам: пусть устроят себе пиршество на моем теле, а я буду стоять, не шевелясь.

— Передайте от меня Полу привет! — Я пустила в Патру стрелу доброжелательности. И еще одну: — И я надеюсь, ему стало лучше!

Что такое, я и впрямь заметила тень испуга в ее милой улыбке? Но может быть, это теперь мне так кажется.

— Ну конечно! Обязательно! Он тоже передает тебе привет!

Но когда я повернулась и собралась уйти, Патра меня остановила. Она сделала несколько неловких шагов ко мне, едва не запутавшись в длинных шнурках.

— Послушай, Линда, — она тронула меня за локоть. — Еще кое-что…

Я молчала, дожидаясь, когда она уточнит про «кое-что». Она стояла вплотную ко мне, покусывая покрытую испариной верхнюю губу.

— Дрейк пропал… — Она смахнула комара с века и потом отогнала еще одного от моей шеи. — Ты не знаешь, где он?

Я вспомнила их белого кота, которого в последний раз видела днем в пятницу: он стоял перед закрытой сдвижной дверью и мяукал монотонно и безостановочно, как будильник.

— Нет.

9

А через неделю занятия в школе закончились. Потом в течение четырех длинных дней нам пришлось смотреть военные фильмы — «Славу», «Доктора Живаго», «МЭШ», — пока учителя, собравшись в полутемном классе на заднем ряду, вполголоса переговаривались и подсчитывали наши итоговые баллы. Парта Лили так и пустовала. Все невостребованные предметы в коробке забытых вещей были, по решению школьного совета, конфискованы для раздачи благотворительным организациям. А с футбольного поля счистили весь птичий помет перед проведением выпускной церемонии. Все объявления и записки с информационной доски сдернули, оставив одни кнопки да дырочки в пробковом листе. Последний день школьных занятий начался с того, что какой-то умник включил пожарную сирену во время урока внеклассных занятий, и все высыпали из здания на парковку и стояли как дураки минут десять среди луж на бетонном прямоугольнике, после чего поплелись обратно. Когда прозвенел последний звонок, старшеклассники высунулись из окон этажом выше и стали вы-

брасывать свои тетрадки. Мы слышали, как они двигали стулья и роняли на пол что-то тяжелое. К ним из класса наук о жизни помчались — помчались хоккеисты из юниорской команды и сестры Карен, только я осталась сидеть за своей партой и смотрела, как за окном медленно пролетают бумажные листки. Они падали на удивление медленно, подхватываемые воздушными потоками. Это были листы с экзаменационными заданиями, контрольными, заметками и графиками. Годы обучения проплывали в воздухе, плясали над припаркованными автомобилями во дворе, неслись над Мейн-стрит, приземлялись в сточных канавах и облепляли сетчатые ограды.

Когда я поднялась из-за парты, в классе осталась одна миз Лундгрен. Она перематывала пленку на видеомагнитофоне.

— Хорошо тебе отдохнуть летом! — сказала она мне, согнувшись перед телевизором.

— Строго говоря, до начала лета осталось еще две недели, — заметила я.

— И то правда, — согласилась она. — Тогда хорошо тебе отдохнуть в конце весны!

А потом потянулись пустые дни. Ни школы, ни работы, и световой день тянулся, кажется, вечность, не желая сменяться ночью. В первый день

каникул я выпотрошила и почистила двух крупных щук и пошла прогуляться по лесу, забрела к черту на рога, потом вернулась и в лодке вышла на озеро, в надежде поймать еще чего-нибудь, и выловила несколько солнечников у бобровой запруды. Наутро починила сеть, рассортировала крючки по размеру, потом вычесала всех псов, вырезав у них колтуны, оставшиеся после весенней линьки. Как-то днем отмахала пять миль до города, чтобы купить в аптеке туалетную бумагу и зубную пасту. Мама дала мне перетянутый резинкой рулончик долларовых бумажек, а потом я зашла в банк, где заполнила розовый расходный ордер у стойки и сняла сорок долларов. Кассирша дала мне две двадцатки, предварительно поинтересовавшись, устроит ли меня это, и я сказала, что устроит. А в супермаркете я решила шикануть: купила пакет зеленых груш для матери (на этикетке было написано «Аргентина») и банку шоколадного крема для отца. Потом я забежала в лавку «Все для рыбалки», порылась в банке со сверкающими блеснами, несколько раз зацепилась за развешенные там крючки и ушла ни с чем. На улице я остановилась, задрав лицо к солнцу. И еще через какое-то время наведалась в закусочную, где купила пачку виноградной

жвачки у Санта-Анны перед тем, как стрельнуть у нее сигаретку. Я запихала жвачку в рот и по дороге домой жевала ее до боли в челюсти.

Сумерки становились все гуще. Звезды высыпали на небо и начали исполнять свой летний номер: Большой Летний треугольник[24] скользил к северу, следом за ним Скорпион со своими раскоряченными клешнями и загнутым хвостом. После ужина я иногда брала каноэ и плавала на озере до темноты — больше всего я любила бывать на озере, когда небо все в тучах, особенно после девяти, когда вечерние сумерки постепенно превращались в ночную тьму и небо меняло окраску: сначала у него был оранжевый период, потом голубой и пурпурный, потом наступал фиолетовый период. В такие дни казалось, что ночь совсем не хотела наступать. Я сворачивалась калачиком на дне лодки и слушала, как вода плещется под килем. Иногда наконец лампа в окне у Гарднеров гасла. И я видела Патру у кухонной стойки. Лео стоял рядом, обвив рукой ее талию. Больше через окно ничего не было видно. Теперь, когда Лео был дома, Патра ложилась рано. Теперь,

---

[24] Примечания: 24

Хорошо наблюдаемый летом треугольник, образуемый тремя яркими звездами трех разных созвездий Северного полушария — Лиры, Лебедя и Орла.

когда Лео был дома, Патра проводила совсем мало времени на веранде или у причала, хотя вода в озере достаточно прогрелась для купания.

Я сама проверила однажды вечером после того, как погасли окна в коттедже Гарднеров. Оставив футболку, джинсы и трусики в лодке, я нырнула солдатиком и быстро ушла под воду, как будто озеро меня проглотило. Вокруг моей левой ноги обмотались взбаламученные водоросли со дна. Я оттолкнулась от борта каноэ и поплыла на спине — жалкое, наверное, было зрелище: мои крошечные отвердевшие соски устремились в ночное небо, целясь в Скорпиона. А Скорпион целился в меня. После долгой зимы мое тело было снежно-белое: подбородок, соски и коленки выступали над поверхностью воды. Через несколько мгновений из-за тучки показалась луна и швырнула через озеро длинный шлейф света. Любой мог выглянуть в окно коттеджа и увидеть меня. Я лежала перед ними как на ладони.

Подо мной плескалась вязкая, маслянистая вода — сколько же летних вечеров я вот так провела на озере, лежа на спине? Я прямо чувствовала, как мое тело проделало углубление в густой воде — такой отпечаток худющей девчонки; покачавшись немного на водной глади, я

сделала глубокий вдох и нырнула. Я проплывала сквозь теплые и холодные колонны воды, сильно отталкиваясь ногами и руками, пока моя рука не наткнулась на холодное и шелковистое илистое дно. Я снова стала думать о мистере Грирсоне в закусочной. Была ли в тот день Лили с ним за столом или нет? Как же так, я ведь видела ее черноволосый затылок над виниловой спинкой диванчика. И мистер Грирсон смотрел через стол прямо на нее. Но потом я видела только одного мистера Грирсона с его книгой, с яичницей и бумажной салфеткой. За окнами закусочной валил снег. Флуоресцентные лампы на потолке слегка зудели, шипела кофемашина. Ближе ко дну озера вода была холоднющая, и я вообразила, что Лили сидит с ним за столиком, а он умоляет ее. Не рассказывай! Никому не рассказывай! Я ощущала, как водоворот взбитых мной пузырьков щекочет мне руки и ноги. Я ощущала, как пузырьки поднимаются от волос к поверхности воды. А потом после некоторой паузы за ними последовало и мое тело.

В каноэ я, стуча зубами, торопливо оделась. Потом переправилась через озеро к другому берегу, дома смыла колодезной водой липкую грязь с ног. Поднялась по стремянке к себе в «лофт» над

спальней родителей и, горестно жалея себя, стала мастурбировать, и курчавые волоски на моем лобке путались между пальцами. Потом я крепко уснула. А утром в лес вернулся привычный порядок вещей. Встающее солнце предсказуемо отбрасывало тени, длинные и прямые, как прутья тюремной решетки. И единственным напоминанием о прошлой ночи остались лишь влажные пряди волос ниже затылка да крошечный плевочек зеленых водорослей, прилипший к ляжке.

Сами знаете, как бывает летом. Всю зиму и весну ты только и мечтаешь о нем, но вот оно наступает — и все тебя начинает раздражать. И то, что в воздухе жужжат тучи комаров да мух, и что птицы облепляют каждое дерево, и что огромные тяжелые листья клонят ветки к земле. Тебя так и подмывает их связать, сломать, не дать им расти. А вязкие дни тянутся и тянутся. И хочется понять: ты вообще хоть что-нибудь значишь на этом свете?!

* * *

Однажды, через пару недель после окончания занятий в школе, я отправилась посмотреть, не созрела ли куманика вдоль тропы у озера и когда

будет пора ее рвать. Мне хотелось опередить отпускников, которые летом наводняют наш лес, и тех полудурков, которые обдирают ягодные кусты вместе с ветками. Я бродила вокруг озера битый час, но спелых ягод так и не нашла, как вдруг услышала приближающееся урчание автомобильного двигателя — кто-то ехал со стороны старой тропы, тянущейся от леса к озеру, по которой обычно волокли лодки. Из чащи доносилось протяжное тревожное шуршание. Я остановилась и уже приготовилась обругать урода, свернувшего с лесной дороги и ехавшего напролом через лес. Но это был не заблудившийся турист. Это был мой отец — появившийся из леса в клубах пыли и листьев. Он ехал на квадроцикле, который прошлой весной выменял на санную упряжку, и, приблизившись ко мне, помахал рукой в желтой перчатке: привет! Он был в рубашке с закатанными рукавами, лицо его раскраснелось, и пот струился грязными потоками по шее.

— Привет, дочуня! — сказал он, сбавив газ.

Я только хмыкнула в ответ. И села сзади.

Хотя в то лето этот квадроцикл половину времени никак не заводился, другую половину времени он *заводился*, и минут десять в тот день я просидела за отцовской спиной на жестком ко-

жаном сиденье, и мы, подпрыгивая, колесили по заросшей травой тропе, сминая все на своем пути — кусты папоротника, и тонкие золотарники, и карликовые сосны, и заросли сумаха, — и это было противно, но и здорово!

А на следующий день, после того как бочка снова наполнилась свежевыловленной рыбой, после того как последний ствол дерева, поваленного весенней бурей, был распилен, разрублен и уложен в поленницу, я решила взять псов на прогулку в лес. Несколько месяцев я вечно была чем-то занята после школы, поэтому уже очень давно не уходила с ними далеко от дома. Джаспер и Доктор тут же умчались вперед, облаивая каждый дрожащий лист и папоротник. Эйб и Тихоня — обоим старичкам было примерно столько же лет, сколько и мне, — бежали не так резво и куда более избирательно выискивали себе добычу. Я повела их в лощину, куда всю весну таскала Пола, и там молодые псы с легкостью преодолевали преграды в виде валунов и поваленных деревьев. Старички тоже пытались их перепрыгнуть — но тщетно. Я постояла на краю лощины, огляделась по сторонам. Вокруг меня носились псы, все что-то выискивали, приседали, мочились и вынюхивали. При виде того, как они радовались,

избавившись от своих цепей, я чувствовала покалывание в груди. Как же легко доставить им радость!

Но даже старые псы ранним летом бывают непредсказуемы. Когда мы уже час как гуляли по лесу, они стали надолго исчезать за деревьями. Они убегали, учуяв какой-то незнакомый запах, возвращались, чтобы получить от меня порцию ласки, а потом уносились еще глубже в лес, отважно забыв об опасности. И очень скоро даже дряхлый седой Эйб нашел себе забаву: белку на дереве. Довольно долгое время до моего слуха только доносился отдаленный шорох листвы. Раз за разом я подумывала уже крикнуть им, позвать обратно. И раз за разом они возвращались сами, парами или по трое, свесив языки, и терлись влажными носами о мои лодыжки.

А однажды их не было больше пяти минут. Достаточно долго, и за это время лес вернулся к своему исходному, допсовому, состоянию, и птицы, успокоившись, снова оккупировали все ветки. А потом вдруг все четверо вернулись одновременно, топоча лапами, словно это совместное возвращение так и было ими запланировано, словно в конце концов они сбились в настоящую волчью стаю, и я увидела, что они преследуют

небольшого белого зверька. Зверек пулей взлетел по стволу чахлой березки, отчего ствол согнулся почти до самой земли, и серебристые листочки при этом выстукивали на ветру тихую чечетку.

— Это ты, Дрейк? — удивилась я. Ощетинившийся кот зашипел с ветки. — Как ты, тебя никто не обижал?

Но, похоже, его обидчики внизу просто обезумели: все четыре пса подпрыгивали и покусывали березовые ветки. Я утихомирила их несколькими командами. Мне ничего не оставалось, как вскарабкаться на валун рядом с березой и снять кота с ветки. Он выгнул спину, когда я схватила его, а потом двадцать когтей впились, как двадцать крючков, мне в шею и плечи. Но я смогла это перетерпеть. Обхватив обеими руками тощую грудь Дрейка, я слезла с валуна и пошла. Псы за мной. Они в экстазе бегали вокруг меня, бесконечно наворачивая круги почета, и жалобно поскуливали.

И когда я постучала в дверь Гарднеров, мы собрались в полном составе. Четыре тяжело дышащих пса, один вусмерть перепуганный кот, немного шокированная Патра и я, силящаяся скрыть улыбку.

— Вот нашла, — сообщила я.

Я повернулась и, подхватив Дрейка под мышку, опустила руку к псам. Они лежали на гравии, усталые, но довольные, потому что сочли мой жест обещанием, что кот все же достанется им.

— Лежать! — произнесла я, ощущая себя маленькой богиней, священной повелительницей собак. Мне хотелось, чтобы Патра видела, как я уверенно контролирую своих зверей.

Потом я проскользнула мимо нее и вошла с котом в коттедж.

10

Внутри коттеджа было темнее обычного. Уже вовсю буйствовала летняя листва и затемняла все окна на западной стороне. Хотя было около трех, в главную комнату не проникал ни один прямой солнечный луч, поэтому я не сразу разглядела Лео в угловом кресле и сидящего у него на коленях Пола. Лео сидел, уткнувшись подбородком ему в макушку. Пол был завернут в лоскутное одеяло, его оранжево-соломенные волосы были расчесаны на два косых пробора. И эти две перевернутых «V» странным образом подчеркивали детскую внешность Пола, которая вдруг бросилась мне в глаза. Неужели он всегда был такой маленький? Примостившись в одеяле у отца на коленях, Пол напоминал двухлетнего ребенка, только-только вышедшего из грудничкового возраста.

Вошла Патра и закрыла дверь. В этот момент Дрейк выскользнул из моих рук. Никто не сказал ни слова, когда кот, прижав уши, крадучись обошел вокруг кушетки и вдруг, распластавшись на полу, юркнул под нее. И теперь, когда Дрейк исчез из поля зрения, а входная дверь была закрыта, в коттедже воцарилась гробовая тишина.

Это из-за Лео — я сразу поняла. Это он оказывал такое влияние.

— Ну, спасибо тебе, Линда, — сказал он.

И Патра из-за моей спины:

— Какое облегчение, правда, милый? — Потом обратилась ко мне: — Это такое облегчение!

Она не то чтобы шептала. Просто говорила тихо и вкрадчиво. На ней была все та же одежда, в которой я ее видела в последний раз: толстовка с логотипом Чикагского университета и легинсы. В одной руке она держала покоричневевший ломтик яблока, который она, подумав, положила в мусорное ведро так нежно, точно это было найденное ею птичье гнездо.

— Хочешь воды, Линда? Или соку?

Пол отозвался из своего кокона:

— Соку?

Я взглянула на него и спросила:

— Он все еще болеет?

И в то же мгновение поняла, что мне не позволено было задавать такой вопрос. Сидящий в кресле Лео поглядел на меня так хмуро, точно я ляпнула какую-то грубость или бестактность. И Пол, как будто ему нравилось имитировать поведение взрослых, даже не видя отцовского лица, точно так же нахмурился. Хотя внешне они

совсем не были похожи. Пол был круглолицый и светленький, как Патра. Лео-астроном был худощавый, с седыми волосами и с кустистыми бровями. А густые усы придавали ему сходство с джентльменом позапрошлого века. Его очки съехали на кончик носа, отчего казалось, что он, хотя и сидел, стоял перед нами на возвышении. На ногах черные тапочки. Штаны цвета хаки подвернуты над щиколотками.

Патра положила мне руку на плечо — этот жест должен был служить таким дружеским предупреждением.

— Пол *в порядке*, — сказала она.

Лео кивнул.

— С его стороны это была просто демонстрация. Правда, малыш?

Ну вот опять это слово, со странным намеком на некое достижение. Но прежде, чем я высказала свое удивление вслух, Пол уже вытащил одну руку из-под одеяла и помахал мне. На руку до самого локтя была натянута черная кожаная перчатка, которой он изображал марионетку.

— Завтра мы поедем смотреть на высокие корабли! — сообщил он.

— Какие высокие корабли? — не поняла я.

— Ну, знаешь, старинные парусники, — пояс-

нила Патра.

— Речь идет о морском фестивале в Дулуте, — добавил Лео.

— Мы решили отправиться в небольшое путешествие, — продолжала Патра. — Мы решили, что поездка в Дулут будет интересной. Чтобы немного сменить обстановку, правильно? Ты там была, Линда?

— В Дулуте?

Я не была, но мне не хотелось в этом признаваться.

— Ты видела там высокие корабли?

Ответить на этот вопрос было легче:

— Нет.

Потом, на предварительных слушаниях перед судебным процессом, меня спрашивали, почему я не задавала им никаких вопросов о Поле. Каким было мое первое впечатление о докторе Леонарде Гарднере? Что я могу сказать об этой паре как о родителях? В частности, как они заботились о своем сыне? Мне трудно было объяснить, что я не задавала им вопросов, потому что к своему сыну они относились с невероятной, почти неправдоподобной добротой. Когда Пол начал возбужденно рассказывать о высоких кораблях, Патра подошла со стаканом сока янтарного цвета

и встала перед ним на колени. Он залпом выпил сок и вернул ей пустой стакан. Но и тогда она не встала, а положила голову на его закутанные в одеяло коленки. Лео потрепал ее по волосам, и Пол тоже — рукой в черной кожаной перчатке. Мне стало неловко наблюдать эту интимную семейную сцену, но в то же самое время я глаз от них не могла отвести. И мне ничего не оставалось, как просто молча стоять, трогая царапины от когтей Дрейка на своих руках. Наконец кто-то из них что-то шепнул, Патра подхватила Пола на руки и унесла в спальню. А я отправилась в кухонный отсек, нашла в сушилке для посуды кастрюльку и наполнила ее водой, чтобы напоить псов. Пока я суетилась около раковины, Лео тоже встал. Я услышала, как хрустнули его колени, когда он поднялся с кресла.

Но передвигался он бесшумно. Ясное дело: он же ступал в мягких тапочках по ковру.

В доме все окна были закрыты, хотя в это время суток было жарко и очень влажно. В доме стоял какой-то странный запах, которого я не заметила неделю назад, побывав у них в последний раз. Запах был не неприятный, а какой-то знакомый, свойский — сладковатый, полный не слишком ужасной таинственности, а самых обыкновенных

домашних секретов: то ли переспелых фруктов, то ли кошачьего лотка, то ли стирального порошка, а может быть, даже запашка канализации из санузла. Лео сел за стол и задал пару ничего не значащих вопросов о моей семье.

— У нас двадцать акров вдоль восточного берега, — ответила я, когда он спросил о размерах родительского участка земли.

— Они уже почти на пенсии, — уклончиво ответила я, когда он спросил, чем мои родители зарабатывают на жизнь.

— Ну и молодцы! — весело воскликнул он и заложил прядь седых волос за ухо — прямо по-девчачьи.

На процессе обвинитель спросил у меня: а вы его о чем-нибудь спрашивали?

И еще обвинитель спросил: вам не было любопытно, что он за *человек*?

Было. И не было. Разве объяснишь, как глубоко вросла в меня привычка притворяться, будто я понимала, что происходит в жизни других людей до всяких подробных объяснений. Как по-разному я воспринимала разную информацию, как внимательно я наблюдала за Лео, когда он наливал себе стакан яблочного сока и носил его потом по комнате, не притрагиваясь. Я наблюдала, как

он поставил полный стакан на журнал, как он поднял кувшин с соком, который Патра оставила на столе, и стер рукавом капельки испарины со дна кувшина. Я быстро его раскусила: он был придирчиво требовательный и серьезный, а его ум вовсе не был таким уж сокровищем, каким себе его воображала Патра, он был просто безупречно организованный, безупречно дисциплинированный. Он мог со мной беседовать о всяких пустяках — о моих родителях, бесконечно задавать разумные вопросы, при этом, как мне казалось, даже не вслушиваясь в мои ответы. Схему такого разговора, самый ритм такой пустой болтовни ни о чем он выучил назубок и давно. И он заставил меня держать с ним ухо востро, хотя я ему явно была не слишком интересна, и он ни намеком не выдал истинной цели беседы со мной.

— Наверное, у тебя много сестер и братьев?

— Никого!

— Но ты любишь детей?

— Ну, как вам сказать…

— Некоторых — это точно! — Он поднял брови, словно удостоил меня похвалой. Потом улыбнулся, и когда он улыбался, его усы шевелились и разъезжались по щекам. — Пол говорит, ты научила его есть кузнечиков.

— Угу.

— Похоже, он очень к тебе привязался.

— Он ко мне привык, — поправила я.

— Не скромничай.

Я пожала плечами:

— У него вообще-то не было выбора.

— Он довольно своеобразный ребенок. — Лео поболтал сок в стакане. — И Патра говорит, что ты ей очень помогла. Она говорит, что не может даже представить себе, что бы она делала…

Я ждала, что он завершит фразу, но он уже допивал свой сок — маленькими, размеренными глотками. Глядя, как двигается его кадык, я решила, что в этот момент он что-то усиленно обдумывает.

— А как тебе такая идея? — Он поставил стакан на стол. — Давай поедем с нами в Дулут на выходные. Пол обрадуется, а у нас с Патрой будет возможность вдвоем сходить в ресторан поужинать… Думаю, ей нужно немного развеяться. Что скажешь?

Когда я вышла из коттеджа с кастрюлькой воды, даже старик Эйб уже не дожидался меня на подъездной дорожке. Я отсутствовала минут двадцать. И с чего я решила, что псы станут меня ждать? Я поставила кастрюльку на крыльцо, где

ее могла бы найти Патра, и отправилась в сторону озерной тропы. Я не стала возвращаться, чтобы попрощаться с ними. Я ведь уже договорилась с Лео о встрече следующим утром, а мне еще надо было час топать до дома. Даже в тени густых сосен идти было жарко, так что к тому времени, как я добралась до хижины, моя шея вспотела и под мышками на футболке расплылись темные влажные круги. Мама вышла мне навстречу в халате, перепачканном черной грязью. Она сдирала лепесток засохшей кожи с локтя.

— А вот и наша Мэделин! Наконец-то она соизволила вернуться!

— Они здесь? — спросила я.

Но я и сама уже увидела псов, посаженных на цепь около мастерской. Когда я приблизилась к ним, они безрадостно поднялись. Четыре мохнатых хвоста быстро-быстро завиляли.

— Ты же знаешь, какое движение на десятом шоссе в июне! — Она сощурилась, глядя на меня, оставив в покое свой локоть. — Им повезло, что ни один не попал под колеса. Как так получилось, что ты их всех потеряла?

Я уже собралась рассказать ей про Дрейка — как я спасла кота и вернула его хозяевам целым и невредимым, — но, как только открыла рот, из

него вылетели совсем другие слова:

— У меня было маленькое приключение, ма. — Я видела, как ее прищуренные глаза внимательно меня изучают. — И это только часть моих приключений.

Печальная часть, до и после которой произошли интереснейшие события, когда, в частности, девочка-подросток вступила вот в такой вполне предсказуемый диалог с матерью.

Я присела на корточки и взъерошила Эйбу шерсть на холке. Я услышала, как мама ушла в хижину — брезентовая накидка коротко зашуршала, — чувство вины волной нахлынуло и отхлынуло, как огромная стая хищных птиц на миг закрывает черной пеленой солнце. А потом я просто стала злиться на псов и почувствовала себя куда лучше. Я заметила, что их лапы все в репьях и колючках. Спереди у них шерсть высохла, и из нее торчали слипшиеся кусочки дорожной грязи.

— Да вы дичаете, — укорила я их. И тут же поняла: это факт.

В тот вечер я сначала вымыла и вытерла посуду, а уж потом сообщила маме, что семья, живущая на другом берегу озера, пригласила меня на выходные в Дулут.

— Отцу скажи, — отреагировала она на мою новость и бросила на меня загадочный взгляд. Поставив вытертую посуду на место, я пошла в мастерскую и час просидела там с отцом, слушая радиотрансляцию бейсбольного матча. «Твинз» против «Роялз». Пока мы сидели на перевернутых ведрах, отец выпил три банки «Бада», методично рассчитывая каждый глоток, и допил последнюю во время заключительного иннинга. После чего смял банки в диски, одну за другой, а комментаторы тем временем рассказывали о погоде в Канзас-Сити, о том, что волну жары накануне сменили грозы и из-за молний вырубило электричество во многих районах города, так что подумывали даже отменить игру. Но не отменили.

Я сообщила отцу, что еду в Дулут, когда он уже встал с ведра.

Он кивнул, выключил радиоприемник, а потом выудил из бочки с ледяной озерной водой еще одну банку пива — с нее капало. Словно изменив свои планы на вечер, словно передумав заняться чем-то.

— Этот грозовой фронт завтра ночью сдвинется на восток.

— Знаю.

— А я думал, мы с тобой сходим завтра за судаком на Гуз-Нек.

— Знаю.

— А то скоро сюда нагрянут приезжие рыбаки.

— Знаю.

— На Верхнем наверняка уже шторм вовсю разыгрался. Ты когда-нибудь видела шторм?

Никогда.

На следующее утро Гарднеры заехали за мной в десять. Накануне вечером я долго обдумывала, что взять с собой из вещей, достала свои вторые джинсы и порылась в мамином мешке с одеждой из секонд-хенда, в надежде найти там что-нибудь помимо старой футболки, которую я использовала вместо ночнушки. Я нашла там голубенькую комбинашку, которую мама берегла для лоскутов, и хотя, долго пролежав в мешке с тряпьем, она была вся мятая, затхлая, да еще сильно велика мне в груди, я сочла, что комбинашка вполне сойдет за пижаму. Еще я взяла зубную щетку и расческу и уже перед тем, как лечь в постель, зачерпнув в темноте колодезной воды из ведра, попыталась побрить ноги папиной бритвой. Волосы на моих ногах были тонкие и длинные, и первая полоска гладкой кожи от лодыжки до бедра под кончиками пальцев казалась волшебной на ощупь, такой

она была шелковистой и нежной. Я уже побрила почти всю первую ногу, как вдруг поняла, что из пореза, который я не заметила в темноте, сочится кровь. Я поняла, что это кровь, по липкой струйке, потекшей между пальцев, и по характерному запаху. И так расстроилась, что не стала брить вторую ногу. Вместо этого, поеживаясь, я вымыла голову остатками шампуня, а когда он закончился, воспользовалась жидкостью для мытья посуды с лимонной отдушкой. Потом отмыла куски засохшей грязи со своих теннисных туфель и оставила их сушиться у нужника. Потом пописала в дырку, закрыв дверь, чтобы мухи не налетели. Руками отжала мокрую прядь волос, лежащую у меня на груди.

Когда следующим утром я залезла на заднее сиденье «Хонды», Пол крепко спал в своем детском кресле. Пока Лео разворачивался, сидящая спереди Патра обернулась ко мне и шепнула:

— Доброе утро! — И передала мне маффин с отрубями. Я вынула его из бумажной обертки, и он был еще теплый и рассыпчатый. — М-м-м, от тебя приятно пахнет! — добавила Патра.

Но я уже запихала маффин в рот. Влажные крошки заполнили все пространство между зубами и языком.

Патра улыбнулась:

— Ладно, ешь! Лео терпеть не может делать остановки во время езды. Он будет мчаться вперед, и его не заставят остановиться ни бури, ни наводнения. И никаких остановок на завтрак или на обед.

— Я сделаю остановку! Когда мы приедем на место. Просто скажите мне заранее, где это место. И я остановлюсь.

— Тогда «это место» — обед! Где-то в районе двух часов.

— А, значит, обед и будет «это место». Договорились!

Как только мы выехали на шоссе, все знакомые мне приметы местности исчезли в считаные минуты. Я видела, как за деревьями мелькает озеро, клочки голубого неба проглядывали в промежутках в сплошной стене зелени. В Лус-Ривер мы проехали мимо здания школы, когда солнце уже висело над самыми высокими деревьями, превратив все плоские поверхности в световые мечи. Мимо нас проносились дорожные указатели и окна домов. Лео и Патра оба надели темные очки, а я просто щурилась на солнце, чувствуя легкое головокружение и восторг. Потом мы выехали на федеральную трассу, где «Хонда» разогналась

до семидесяти миль. Лео и Патра тихо переговаривались. О чем они говорили, я не слышала. Мне захотелось опустить окно, подставить лицо ветру, почувствовать скорость. Но я не посмела.

Ближе к полудню Пол проснулся, лениво потянулся. Я дала ему маффин, который он стиснул коленками, но есть не стал. Его глаза постепенно приняли осмысленное выражение.

— Мы уже на месте? — спросил он.

— Угу, — ответила я неопределенно.

По краю шоссе тянулся сосновый лес, сменяемый зарослями осин и травяными лугами, где там и сям виднелись снопы сена. Мы без особого энтузиазма играли в «Камень, ножницы, бумагу». Мы играли в «Что я вижу». В какой-то момент я сказала:

— Вижу фиолетовую водонапорную башню!

Вытянув шею, Пол выглянул в окно и стал искать глазами башню. Его бледное заспанное личико выглядело утомленным.

– *Не вижу*! — пожаловался он, прижав лоб к стеклу. — Давай сыграем в «Что я вижу» понарошку.

— Ладно!

Он закрыл глаза и вообразил собственную фиолетовую водонапорную башню. Потом вообразил

товарный поезд с железной рудой и Марс. После этого наступило долгое, томительное молчание. В это время Патра пыталась настроить кондиционер, а Лео мчался сквозь дождик, и когда мы оставили позади последнюю ферму, до меня дошло, что Пол опять уснул. Я не могла на него обижаться. В машине было тепло и уютно. Я втихаря съела маффин Пола и стала глядеть в окно. Снова появились сосны. Они высились вдоль трассы, образуя зеленый коридор.

На подъезде к Дулуту мы попали на ремонтируемый участок дороги. После часового стояния в пробке, с закрытыми окнами — так мы обезопасились от строительной пыли, — Лео свернул с трассы.

— Видишь? — заметил он Патре. — Я остановился.

Мы зашли в закусочную «Денниз», где я раскрыла большое меню в блестящей обложке и — после некоторого раздумья — выбрала суп. Я волновалась, что не смогу правильно есть вилкой и ножом. Лео с Патрой сели за столик с одной стороны, а мы с Полом — с другой. Патра издала восхищенный возглас при виде моего французского лукового супа в хлебном каравае размером с мою голову. Я осторожно отодвинула большую

лепешку расплавленного сыра, плавающую на поверхности супа. В ресторанном зале почти за всеми столиками сидели такие же семьи, как наша: родители по одну сторону, двое детей по другую. Пол залпом осушил стакан молока. Патра, покачав головой, заказала ему добавку и рассмеялась, глядя, как я сражаюсь со своим супом.

— Хотите попробовать? — спросила я, когда она, не удержавшись, подняла над столом руку и оборвала горячую сырную нитку, тянущуюся от края хлебной миски к уголку моего рта.

Она наморщила нос, отчего ее веснушки собрались в коричневое пятнышко.

— Да кто же сможет есть такой суп и не выглядеть как… птенец?

— Почему как птенец?

Она улыбнулась:

— Потому что он всасывает червячков в клюв.

Лео был целиком сосредоточен на еде, ритмично откусывая от длинного сэндвича с беконом, салатом и помидором. Покончив с сэндвичем и вытерев усы сложенной салфеткой, он за три минуты задал мне больше вопросов, чем Патра успела задать за прошедшие три месяца. Я оставила свой суп остывать, пока он говорил. Потом облизала солоноватую ложку, но не рискнула за-

черпнуть еще жидкого сыра. Суп выглядел очень уж коварным.

— Так ты в какой класс перешла, Линда?

— В десятый, — ответила я. Его вопрос прозвучал как упрек за то, что я неправильно ем суп и веду себя как малый ребенок.

Лео отодвинул пустую тарелку к краю стола.

— А в какой колледж думаешь поступать?

— В колледж?

— Ну, какой предмет тебя больше интересует? — Он скрестил руки на столе.

— История. — В тот момент я не могла подумать о чем-то другом.

— А! Американская или европейская? Какой исторический период тебе нравится?

— Мне нравится история *волков*, — ответила я, но, как только произнесла эти слова, поняла, как глупо они прозвучали. Я слизала крошечные капельки супа с ложки.

— Ты имеешь в виду естественную историю?

— Ну да.

— Значит, по сути, речь идет о биологии.

— Наверное, о биологии.

Оба его локтя поехали вперед и столкнулись с пустой тарелкой.

— Я в аспирантуре прослушал курс молекуляр-

ной биологии. В моей области все всегда ищут инопланетян, как будто во всей Вселенной самое главное — это только углеродные формы жизни в узком понимании.

— В зоне Златовласки, — вспомнила я. Повторив слова Пола, который только что отправился в туалет, взяв Патру за руку.

— Именно! — с удивлением сказал он. Он сложил руки, так что я смогла рассмотреть его аккуратно подровненные ногти. — Я не утверждаю, что молекулярная биология неверна, — продолжал он вещать. — Я совсем не то хочу сказать. Но я ведь тоже ученый, и я считаю, что эти люди сводят свою работу к чрезвычайно ограниченному кругу вопросов.

У него была странная манера: он очень внимательно меня разглядывал, но при этом, кажется, не видел. Он, конечно, был преподавателем, возможно, даже хорошим. Но он был из тех преподавателей, которые любят расставлять своим ученикам скрытые капканы. Как и все преподаватели, он хотел меня поймать, но сначала — подвести прямо к капкану. Ему хотелось, чтобы я попалась в этот капкан по своей воле, чтобы я вообразила, будто сама пришла к нужному ему выводу, и не сочла, что меня заманили обманом.

Он подпер ладонями подбородок.

— Давай проведем мысленный эксперимент.

Моя куртка сползла с коленей на пол.

— Ученые всегда исходят от каких-то базовых предположений, так? — Он начал крутить обручальное кольцо. — Но очень часто они исходят из ошибочных предположений и оказываются в тупике — например, с идеей, будто земля плоская или что у человека четыре основных темперамента.

Мне хотелось поднять куртку с пола, но я сдержалась.

— Но, разумеется, известно, что, если ты хочешь стать настоящим ученым, Линда, нужно быть более строгой в суждениях. Тебе следует вначале определить базовые допущения, прежде чем ты решишь, что верно, а что нет. Хороший биолог должен всегда начать с вопроса, например, какие условия мы считаем необходимыми для зарождения жизни. И почему мы считаем важным именно это предположение, а не нечто иное.

Похоже, настал мой черед говорить. Он ждал.

— Вы хотите сказать…

— Я хочу сказать, что тебе следует для начала спросить себя, а в чем ты, по твоему *разумению*, разбираешься?

В двадцати акрах земли на восточном берегу озера Стилл-Лейк. Вот в чем я разбиралась. Это была единственная вещь, в которой я, по моему разумению, всегда разбиралась. Я разбиралась в красных и белых соснах на вершине горы и в осинах и березах, растущих ближе к берегу. Я разбиралась в жимолости и бурундуках, в закатах над озером, которые, правда, не слишком заинтересовали потом девелоперов. Когда мне наконец пришлось распродавать нашу землю по кускам, я получила меньше шестидесяти тысяч, хотя рынок недвижимости в тот момент был на подъеме. На нашем участке озерного побережья была коротенькая полоска каменистого песчаного пляжа, на котором стояли наши каноэ. Старый барак коммуны у дороги — на него когда-то обрушилась сосна — давным-давно превратился в груду древесины, и отец много лет подряд втихаря утаскивал оттуда хорошие доски, чтобы забить дыры в стенках мастерской, подлатать забор в саду и обновить дверь нужника. В конце концов наша хижина оказалась крепче прочих построек, потому что она стояла на каменном фундаменте и была сложена из старых прочных бревен, обтесанных еще в двадцатые годы. За хижиной начинался каменистый луг и оживавший

летом огород, где мама выращивала салат и картошку на грядках, огороженных проржавевшей проволочной сеткой. А еще у нас на земле были сложенная из бетонных блоков коптильня и колодец с хорошей водой. Но наш лес, раскинувшийся на нескольких акрах, я знала лучше всего. Большие деревья с их испещренными древесными родинками стволами; кору красных сосен, сходящую со стволов лохмотьями. И белые сосны, истерзанные зияющими морщинами, которые время проковыряло на стволах. И еще у нас было шесть статных, как на подбор, черных ясеней. И один большой тополь. Склон холма со стороны дороги покрывали заросли сумаха, подступавшие к самому огороду и тяжело нависавшие над грунтовой дорогой, пока власти округа не потребовали, чтобы мы расширили дорогу, и нам пришлось срезать почти все кусты.

В наших гостиничных номерах в Дулуте были эркерные окна с видом на подъемный мост, гавань и высокие зеленые горы вдалеке. Ковровое покрытие и стены были одинакового белого цвета, и в каждом номере стоял красный шелковый мак в вазе на лакированном столике. Ванная с зеркальными стенами была одна на два смежных номера, и там лежали стопками кремового цвета

полотенца и мыло в обертках как у конфет-леденцов.

Распаковывать мне было нечего. Вместо этого я вскарабкалась со своим рюкзаком на одну из высоких мягких кроватей и наблюдала, как Лео и Патра мечутся между комнатами и роются в сумках. Забыв обо всем, они искали носки Пола, его головоломку с пандой и шапку. И тут мой взгляд упал на книгу, лежащую на прикроватной тумбочке. Книга называлась «Большой Фиц». Книга со штампом отеля. Тяжелая, холодная. Я взяла ее на колени и начала читать про сухогруз с железной рудой, который затонул в 1975 году. С полчаса я перелистывала плотные глянцевые страницы, разглядывала черно-белые фотографии торчащего из воды корабля и полуистлевших спасательных шлюпок, найденных много лет спустя. Особенно меня заинтересовала огромная схема затонувшего корабля: носовая часть — вид спереди, совмещенный с видом этой же носовой части со стороны кормы.

Зажглась лампа — уже вечерело. Я слышала, как волны озера Верхнее набегают на берег, и звук был такой манящий, что я сползла с кровати и подошла к Патре. Она выкладывала баночки йогурта из сумки-холодильника и расставляла их

в мини-баре. Я уговорила ее разрешить нам с Полом выйти погулять, пообещав, что мы вернемся не позже половины шестого.

— Не позже четверти шестого, — поправилась я, заметив, с каким беспокойством она выглянула в окно на набежавшие тучи.

— Дай-ка я надену ему куртку, — кивнув, сказала Патра. — И дай-ка я застегну молнию, а то вдруг дождь пойдет. И дай-ка я надену ему шапку.

Позади отельной парковки я нашла деревянную лесенку, чьи шатающиеся ступени сбегали вниз по крутому обрыву к воде. Пока мы медленно спускались с Полом по ступенькам, я наблюдала, как бурые волны накатывают на каменистый берег гавани и возят гальку туда-сюда. Над водой висели чайки. Мы шли вдоль озера, и наши лодыжки попадали под тучи брызг всякий раз, когда на берег набегала большая волна и разбивалась о камни. Я пыталась научить Пола запускать камешки лягушкой по воде, но он просто швырял их в озеро, и они тонули.

— Вот как надо! — сказала я и, изогнув запястье с зажатым между двух пальцев плоским камешком, запустила его плоско над водой. Мы наблюдали, как он отскакивает от воды: три, четыре раза. Пять. Шесть. Совсем далеко от бере-

га озеро Верхнее приобрело темно-синий цвет, становясь почти черным у самого горизонта. Береговая линия со стороны штата Висконсин была едва различима. Отец оказался прав. Стемнело рано, потому что грозовой фронт смещался на юг. Прибой сначала шуршал камнями, потом шуршание сменялось шипением, когда очередная волна убегала прочь от берега, взметая мелькую гальку, за ней сразу набегала другая. Пол грел руки, засунув их в рукава курточки, но все равно дрожал от холода. Его личико осунулось и посерело, как у карпа. Слушая шум прибоя, я вдруг поймала себя на мысли, что с самого утра ни разу не взглянула на него. В машине он спал. А когда просыпался, Лео начинал возиться с ним, как со щенком или котенком, носил на руках, разговаривал с Патрой поверх его головы и, чтобы отвлечь, дал ему конструктор «Лего».

Я наклонилась к Полу:

— Все в порядке?

— Все в порядке, — отозвался он.

— Пойдем обратно в номер?

— Пойдем обратно в номер, — повторил он, обдав меня сладковатым фруктовым дыханием.

* * *

Когда мы вернулись, Патра накормила нас ужином. Еду она заказала нам двоим в номер. Сэндвичи с поджаренным сыром и шоколадные милкшейки в высоких стаканах с торчащими из них изогнутыми красными соломинками. В каждом из наших номеров стояло по две двуспальных кровати, и нас разделяло целое футбольное поле одеял и покрывал с дюжиной разложенных на них кроваво-красных подушек, а на прикроватных тумбочках стояли плошки с мятными леденцами в обертках. Я пила свой шейк в кровати и смотрела погодный канал на большом экране телика — там грозовой фронт в виде меняющей контуры тучи из пикселей медленно двигался к югу. Я поняла, что фронт пройдет хоть и мимо, но близко от нас, и ощутила укол испуга. Патра лежала на другой кровати, сжимая Пола в объятиях. Наконец из соседнего номера вошел Лео и постучал по своему запястью согнутым пальцем. У них с Патрой был заказан столик в гостиничном ресторане, и, когда Патра взглянула на меня, возлежащую на своем приватном пляже из одеял и подушек, я шепнула:

— Идите!

«Спасибо!» — ответила она одними губами. Потом поцеловала Пола, подтянула спущенные носки и вышла из комнаты.

Через мгновение из-за двери показалась голова Лео:

— Если тебе что-то понадобится, мы внизу!

Как будто я не знала.

Я сползла с кровати, пересекла комнату к кровати, на которой дремал Пол. Смахнула крошки с одеяла, выключила лампу. Потом отправилась в ванную и ногтем вскрыла обертку маленького мыльца. Не знаю, сколько времени у меня было до их возвращения из ресторана, и я не рискнула принять ванну — хотя мне ужасно хотелось! Вместо ванны я включила душ — только горячую воду — и целую незабываемую минуту простояла под обжигающими потоками. Водяные иголочки искололи меня и почему-то пробудили ощущение печали, ощущение покинутости, которое я испытывала, сама того не осознавая. Странное это было ощущение, которое перевернуло во мне все: ощущение, что вот-вот в моей жизни произойдет что-то неведомое — новая страница. Я насухо вытерлась простыней и влезла в холодную комбинашку из секонд-хенда. Зеркало запотело от пара, и я себя не видела. И не могла разобрать,

выгляжу ли я как малый ребенок, пытающийся выглядеть старше, или как девочка-подросток со своими тайными горестями — мыслями о колледже и мальчиках. Вернувшись в спальню, я увидела, что Пол крепко спит с приоткрытым ртом. Я легла на свою кровать и высунула из-под одеяла ноги и руки. Через минуту я передумала, свернулась под одеялом, подтянув колени к подбородку, и решила дождаться, пока Патра обнаружит меня в такой позе. В ночнушке, свернувшуюся калачиком, лицом к стене. Не ведающую никаких тайных горестей.

Конечно же, я не спала. Я прислушивалась к знакомым звукам проезжавших на шоссе машин, к шуму настоящего прибоя: могучие волны озера разбивались о настоящие валуны. Я слышала вопли девиц в баре напротив парковки и рокот лифта, поднимающегося и опускающегося где-то за стенкой. Когда Лео и Патра наконец вернулись, они не стали зажигать свет, и я точно не знаю, заглядывали ли они к нам в спальню. Прохладная ночнушка едва прикрывала мои ляжки, и я основательно продрогла. Вдруг я услышала в соседней комнате шлепок, за которым последовал сдавленной плач. Моя свежевыбритая нога покрылась мурашками и зачесалась. Когда я провела по ней

ладонью, у меня возникло впечатление, что это не моя, а чужая колючая нога лежит в кровати рядом со мной. «А!» — тихо воскликнул кто-то за стенкой.

Тогда я слезла с кровати и босиком прошла через ванную, приоткрыла дверь в их комнату и заглянула в щелочку.

Комната купалась во мраке, но жалюзи на окнах были открыты. За окном сиял уличный фонарь. Сначала я увидела Лео, одиноко сидящего на кровати и глядящего в окно — словно в ожидании какого-то сигнала: то ли кометы, то ли небесного знамения в нависшей над городом ночной тьме. А потом я заметила Патру, стоящую перед ним на полу на коленях, рука Лео лежала у нее на волосах, и я сразу подумала о Лили и мистере Грирсоне. Я всматривалась во тьму, и мне померещилось, что обе пары несколько раз поменялись местами: это были одновременно Лили и Патра, Лео и мистер Грирсон. Муж и жена и одновременно учитель и ученица. Испуганный домогатель и красотка Лили. Оба были одновременно и тем и другим, той и другой. Стоя перед ним на коленях, погрузив лицо ему между ног, она казалась очень маленькой. Патра подняла

голову и громко вздохнула.

— Ну давай же, прошу тебя! — задыхаясь, произнесла она, и мне могло бы почудиться, что я невольно вошла к ним и прервала их занятие, но хорошо я заметила, как он оттолкнул ее голову, ласково, так, как отталкивают приставучего пса, и услышала, как она сказала ему, тоже ласково: — Ну, не будь ты ребенком, Лео! — И добавила, шутливо изображая дрянную девчонку: — Расслабься. Я знаю, тебе это нравится!

Позже я выяснила, что в мае Лили уехала давать показания на судебном процессе над мистером Грирсоном. Она поехала в Миннеаполис, где заседал федеральный суд, но, когда очутилась на свидетельской скамье и обвинитель попросил ее рассказать, что же произошло на Гон-Лейк, неожиданно заявила, что вообще-то недостаточно хорошо знает мистера Грирсона. Она заявила, что никогда не беседовала с ним наедине, кроме одного раза, после того как он дал ей дополнительное время на подготовку к экзаменам из-за ее дислексии. Судя по судебным записям, после этого заявления обвинитель поднажал на нее.

— Но он ведь брал вас с собой на озеро? — спросил обвинитель. — Вы же это утверждали на предварительных слушаниях.

Он, ясное дело, был обескуражен и рассержен и не церемонился с жертвой, которая в последний момент решила пойти на попятный. Он пытался убедить Лили, что она просто боится и сейчас лжет под присягой. Он обратился к судье:

— Зачем ей было рассказывать об этом, если все это неправда?

Лили ничего не ответила. Это был риторический вопрос, обращенный к судье, а не к ней.

А вот что заявил мистер Грирсон, совершая сделку со следствием:

— В своей жизни я совершил немало постыдного. Но позвольте заявить еще раз. Да, я стыжусь своих мыслей. Это не те мысли, которыми я мог бы гордиться, и для меня это большое облегчение… как бы выразиться… Для меня это большое облегчение — сказать вслух то, чего я больше всего боялся. Мне стыдно, тут нет вопроса. Но я чувствую облегчение, вам понятно? Я не дотрагивался до этой девушки, но я думал об этом, я думал об этом, я думал об этом. И я думал о гораздо более постыдных вещах, чем то, что она рассказала.

Утром, когда я проснулась, Пола в комнате уже не было. Дверь в ванную была плотно прикрыта. Я скинула ночнушку, натянула джинсы и футболку и открыла дверь ванной. Скользнув взглядом

по зеркальной стене, увидела в соседней комнате сидящего в мягком кресле Лео.

— Доброе утро! — сказал он, отрываясь от книги.

— А что вы читаете? — спросила я.

Я просто тянула время и хотела улучить минутку и оглядеться в их комнате. На одной из двух стоящих рядом кроватей я заметила раскрытый чемодан Патры. Из чемодана высовывались белая бретелька бюстгальтера и лиловый рукав свитера.

— «Науку и здоровье».

— Это для ваших исследований?

— Нет. Хотя да, в каком-то смысле.

Пока он говорил, я сделала несколько шагов к середине комнаты. Я подумала, что Патра и Пол сидят на полу в углу и складывают пазл. Но их там не оказалось. Лео наблюдал, как я оглядываю кровати, дверь, чемоданы.

— Линда, ты веришь в Бога?

Я молча обернулась.

— Это простой вопрос. Ты вообще думала о том, что мы обсуждали вчера? Мне это крайне любопытно. Что, как ты считаешь — то есть предполагаешь — является истинным представлением о твоей сущности? Это, конечно, только

самый первый вопрос. Каковы твои базовые допущения о своей природе?

— Не знаю.

— Знаешь.

Я скрестила руки.

— Ты *знаешь*! Это же дефиниция предположения. Например, — продолжал он настойчиво. — Ты животное или человек?

Он сидел, положив ногу на ногу, и одна его нога ритмично дергалась. На нем были домашние черные тапки, и тут я поняла, что это за тип: из тех, которые берут с собой в поездку домашние тапки, хотя им предстоит провести в отеле всего одну ночь. Этот тип не мог переночевать в отеле без своих тапок, из-за чего он вызывал у меня грусть и, наверное, легкое отвращение.

— Или ты просто не подвергаешь сомнению тот факт, что у тебя имеется тело? Как думаешь, сколько лет этому телу?

Один тапок свесился с ноги и балансировал на кончиках пальцев.

— Пятнадцать.

Тапок упал на ковер, но Лео ловко поддел его похожим на крысиный нос большим пальцем ноги и всунул внутрь всю ступню.

— Выходит, ты полагаешь, что твоя жизнь нача-

лась пятнадцать лет назад и что она закончится в какой-то неизвестный момент?

— Выходит.

— И ты полагаешь, что это биологический факт?

Я кивнула, но потом покачала головой — мне было неясно, куда он клонит.

— А теперь спроси у себя, как изменятся эти представления о твоей природе, если ты будешь исходить из предположения о существовании Бога?

Нога в черном тапке перестала дергаться.

Он вернулся к тому, с чего начал беседу, и он мог бы продолжать свою лекцию до бесконечности.

— Мысленный эксперимент, ладно? Это чистая логика, — вещал он. — Если Бог существует, тогда какой именно Бог имеет высший смысл? Либо Бог — это только благо, либо он не Бог. Либо Бог всемогущ, либо он не Бог. И тогда логично предположить, если Бог вообще существует, тогда по определению Он должен быть благом и должен быть всемогущим. Верно? Вот это имеет смысл, да? Высший смысл.

На какую-то секунду из черного тапка выглянула голая пятка.

Он не унимался:

— И если мы говорим, что Бог существует — если, иными словами, Бог является по определению благом, — тогда в мироздании не остается места для зла, болезней, горя, смерти. И существует лишь одно-единственное предположение, которое делает возможным существование Бога. И мы путем умозаключений можем прийти к единственно возможному ответу. Если в нашем мысленном эксперименте мы признали, что Бог существует, то как это допущение изменит твои представления о себе?

— А где Патра и Пол?

— Они в порядке. Так каков же наиболее разумный ответ на заданный вопрос, а, Линда?

— Так где они?

— Мы встретимся с ними в гавани в десять. Но вернемся к вопросу…

— Что-то… — Я шагнула к нему. — Что-то случилось?

— Лин-да… — Он разделил мое имя на слоги, как расческа разделяет пряди волос. И резко, слегка раздраженно, кончиком пальца сдвинул очки вверх. — Может, стоит поговорить об этом подробнее как-нибудь в другой раз? Отлично. Может, подумаем о том, что нам пора собираться?

Видя, что я не реагирую, он продолжал:

— Патра уверяет меня, что ты не по годам развитая, Линда, умеешь слушать.

Я молча смотрела на него.

— Она не устает повторять, что с тобой приятно проводить время, что ты умная. Но очень одинокая. И я тому свидетель. Я знаю, что быть одинокой нелегко. Я знаю, что любой человек… *девушка*… из-за этого может проявлять излишнюю назойливость.

Я почувствовала, как кровь прилила мне к лицу, но ничего не сказала.

— Лин-да… — Он теперь заговорил очень ласково, даже благосклонно, но вместе с тем напористо. — Ты увидишь, я надеюсь, ты увидишь, что, когда ты начнешь рассуждать, отталкиваясь от базового допущения, которое мы обсуждали, — и если ты интеллектуально честна и так умна, как считает Патра, — ты увидишь, что все твои представления о своем существовании, которые, как тебе кажется, у тебя есть, ошибочны! — Его карие глаза за стеклами очков едва заметно моргнули. — И на самом деле ты не одинока!

Моя шея напряглась.

— А знаете, Патра мне тоже кое-что сказала про вас.

— И что же? — Его это мало интересовало.

— Она сказала, что вы так заняты своей работой… — Мой голос сорвался, поскользнувшись на жидком катышке в горле. Но я справилась с ним и снова продолжала: — Она сказала, что вас так подолгу не бывает дома, что вы для нее как будто не существуете.

Он нахмурился:

— Она не могла такое сказать.

— Экий вы непонятливый! — Но эти слова не показались мне достаточно обидными. Я набрала побольше воздуху и выпалила: — *Не будьте вы ребенком, Лео!*

Вот тут его глаза округлились. Он подскочил, стал рыться по карманам в поисках ключей и торопливо подошел к стенному шкафу. После моих слов он старательно избегал встречаться со мной взглядом. Только пробормотал:

— Нам нельзя опаздывать, Линда. Они взяли машину, поэтому нам придется пойти пешком. — Но я не шевельнулась, и тогда он продолжил, чуть настойчивее: — Мы встретимся с ними в десять, ладно? То есть самое позднее через пятьдесят минут.

Меня покоробило, что, когда я собралась выйти из номера, он захлопнул дверь прямо перед моим носом. И взбесило, как он, демонстративно

проигнорировав мое замечание, сразу перевел разговор на другую тему и как он упрямо считал, что может успокоить меня обещанием увидеть Патру с Полом в гавани в десять — то есть ровно через час после того, как я у него спросила про них.

И точно — они как ни в чем не бывало сидели на огромном одеяле, расстеленном на траве, и я просто приняла сей факт.

И успокоилась.

11

По влажной траве ползали щупальца теней от проходящих по бухте кораблей. Пол и Патра лежали на синем хлопчатобумажном одеяле, расставив ноги и руки, и глазели на проплывающие мимо суда.

Мы с Лео припозднились всего на несколько минут, и мост через бухту начали поднимать без нас. Зато мы услышали сигнальный колокол, чей звон разнесся по всей гавани, и увидели длинную вереницу машин, стоящих перед шлагбаумом на Лейк-авеню. К тому времени как мы пробрались сквозь толпу на набережной и добрались наконец до пригорка под мостом, первые корабли уже скользили между бетонных берегов узкого канала. Они бесшумно проплывали над нами — высокие, чинные, один за другим. Я задрала голову и увидела десятки белых парусов, надутых ветром. Лабиринт их такелажа поражал воображение, но сами суда двигались с величественной простотой, как будто знали какой-то секретный трюк, как будто овладели никому не ведомой тайной движения — вплывать в гавань на скорости сорок миль в час, так что их скольжение казалось

абсолютной формой покоя.

Караван насчитывал девять кораблей. И все вокруг, казалось, затаили дыхание, глядя, как они проплывают мимо, — точно так же замирают люди при первых вспышках молний надвигающегося издалека грозового фронта или при виде внезапно выскочившего из лесной чащи лося с тяжелыми могучими рогами. А потом, когда последний парусник проплыл под разведенным мостом, раздался гром аплодисментов. Не восторженных и радостных, а именно уважительных, даже возбужденных, аплодисментов. Люди принялись осматривать себя, как-то застенчиво, словно не знали, что делать дальше. За парусниками устремились стаи чаек, они парили, равнодушные, широко раскинув изогнутые крылья. Дети стали швырять в воду ломти белого хлеба, и это тотчас разрушило все очарование, созданное парусниками.

Мы глядели, как чайки на лету подхватывают хлебные куски.

— Сколько было кораблей? — спросил Лео. Я уже поняла, что он привык каждую ситуацию использовать в назидание другим: любое событие он воспринимал как повод для работы над ошибками и самосовершенствования. Пол и Пат-

ра обернулись и только сейчас заметили, что мы стоим у них за спиной. Патра добродушно улыбнулась, в ее глазах мелькнула тень облегчения. Теперь, когда Лео снова оказался рядом, она была готова опять вернуться к своей роли родителя-на-подхвате. Она аккуратно расправляла пальцами широкую травинку.

— Вы видели? — спросила она, машинально сложив травинку гармошкой.

— Конечно! — Лео присел на корточки. — Привет, Пол. Привет, малыш! Ты сколько насчитал?

Пол и не думал считать корабли. Он молча поглядел на нас, смущенно сглотнув слюну.

— Девять, — сказала я.

Я почувствовала себя обязанной спасти Пола от добрых намерений Лео. Глядя на Пола сверху, я сочла его наряд очень забавным. Свитерок с паровозом на груди слегка пузырился на шее и плечах. Носки голубых ботиночек на липучках направлены внутрь.

— Пол, а тебе известно, к какому периоду истории относятся эти корабли? — поинтересовался Лео.

Я забеспокоилась, что мне опять нужно встрять, но тут Патра раскрыла стоящую на одеяле плетеную корзинку: в корзинке обнаружилось

несколько отделений, одно — со столовыми приборами и пластиковыми чашками, свернутыми трубочкой тканевыми салфетками, — и мое беспокойство вмиг прошло. Это чувство вообще всегда быстро проходило. Патра распахнула потайную дверцу внутри корзинки, достала серебристый термос и поставила его к чашкам — по одной для каждого из нас. Лимонад! Потом она сняла крышку с синего контейнера, в котором краснели кривобокие клубничины в крупных семечках.

— Органические! — веско объявила она, подавая мне контейнер.

Я откусила кусочек клубничины и присела на траву рядом с Патрой.

— Тут есть местечко! — Она похлопала ладонью по одеялу, и я послушно пересела.

Лео продолжал вести урок:

— Эти корабли в основном относятся к восемнадцатому и девятнадцатому векам. Ты знаешь, когда это было?

— До ракет, — догадался Пол, смущенно хлопая липкими ресницами.

— До *автомобилей*, — заметил Лео. — И сколько парусов ты насчитал на каждом корабле?

— Они плыли очень быстро, — вмешалась я.

— Сто! — выдохнул Пол.

— Четырнадцать, — строго изрек Лео, фанатик точных фактов. — Или одиннадцать, или восемь, в зависимости от типа судна. — Затем он пустился вещать о воздушных потоках, рангоутах и шпангоутах, традиционном такелаже и морских милях. Он не то что читал проповедь, а просто сыпал цифрами, приводил статистические данные и конкретные примеры. И тем не менее его речь звучала как церковная декламация, одновременно энергичная, проникновенная и усыпляющая, и, пока он вещал, я перекатывала языком клубничное семечко, твердое, как песчинка — не разгрызть! — и все никак не могла его проглотить. Потом я устала слушать Лео, который уже разъяснял методику перевода морских саженей в метры. Зажав семечко между зубов, я сделала глоток лимонада и стала ждать, когда же Патра заметит на моей голове свой обруч для волос. Я схватила его сегодня утром, выходя из ванной. Он был сделан из плотной пластмассы, с небольшими зубчиками на внутренней стороне. Такое было ощущение, будто чьи-то клыки впились мне в виски — ощущение было некомфортное, и даже немного пугающее, но и приятное. Как когда собака преданно смыкает челюсти на тво-

ем запястье и не кусает, хотя могла бы. В общем, из-за обруча на волосах у меня возникли непривычные ощущения. И я все думала, когда Патра обратит внимание на мою новую голову.

Но Патра не сводила глаз с Лео, который, едва закончив речь о парусах, заметил входящий в гавань буксир. Капитан буксира помахал из рубки Полу, который — как я случайно заметила и тут же смутилась — во все глаза смотрел на меня. Он что-то мямлил про планету Европа, где был песчаный карьер с экскаваторами и никто не жил, где корабли плавали пустые, а газонокосилки сами косили траву.

— В зоне Златовласки, — уточнил он.

Лео расхохотался, бросив на Патру удивленный взгляд.

— Он перепутал Европу и Иллинойс!

— Он скучает по дому, — объяснила Патра, почти с радостью, словно нашла ключ к чему-то. — Он скучает по Оук-парку, да? — Она посмотрела на Лео, ища у него подтверждение своей догадки.

— М-м-м… простите, — обратилась к нам женщина, расположившаяся на одеяле рядом с нами. Женщина держала в руке пачку бумажных салфеток, которые одна за другой вылезали из

пачки и по-птичьи плавно падали на землю. Ее движения были странным образом скоординированными, как в шоу фокусника для детей: трюк заключался просто в знании закона гравитации. Я даже подумала, что она делает это для Пола, для которого разные незнакомцы частенько устраивали такие вот небольшие представления. Я с благодарностью улыбнулась женщине — и зря. Нахмурившись, она бросила остаток пачки салфеток перед Патрой.

— Простите, — укоризненно повторила она с уже нескрываемым недовольством, и тут я увидела, что Пола рвет на траву густой белой пеной.

Лео положил руку Полу на спину и ласково похлопал.

Женщина покачала головой, глядя на нас:

— Похоже, ему очень плохо! Он у вас очень-очень болен!

— Спасибо, — вежливо произнес Лео.

Но солнце все так же сияло в небе, ветер все так же дул, а мы поспешно собрали термос, контейнер, пластиковые чашки, предварительно выплеснув из них на траву остатки сока, и черные тканевые салфетки. Мы с Патрой потом уложили все это обратно по своим отделениям в корзину и закрыли все плетеные дверцы. Руки Патры по-

белели, но ей хотелось разложить все аккуратно и точно по нужным местам, что мы и сделали. Лео подхватил вялого Пола на руки и понес к машине. Мы шли за ним по траве, мимо орущих детей — они бегали кругами и бросали чайкам хлеб. Дети были в панамках, на лицах — белые мазки солнцезащитного крема, и все они, глядя на птиц, неестественно громко хохотали. Они вертели головами, и ветер срывал их панамки. Кое-кто быстро занял пустое место на траве, где только что лежало наше одеяло, и над ними уже кружила стая голодных чаек. Птицы жадно и без разбора бросались на подброшенные куски. Оглянувшись в последний раз, я заметила, что дети устроили эксперимент. Они подбрасывали вверх попкорн и вощаные чашки, морковины и пакетики жвачки, монетки, одолженные у родителей, и пригоршни камней.

В Дулут мы ездили двадцатого июня, когда лето уже полностью вступило в свои права. Городские улицы были заполнены машинами, а тротуары запружены пешеходами, белыми собачушками на поводках, уличными торговцами, детьми на скейтбордах, стариками с палками и ходунками, мороженщиками с тележками. Этот летний день напоминал огромный снежный шар из-за

множества белых чаек, пикировавших вниз, а небо накрывало весь мир ярко-голубым куполом. А на другой день, двадцать первого июня, Пол умер от отека головного мозга. Как я позже узнала, это вроде заболевания, от которого умирают альпинисты на больших высотах и иногда аквалангисты, резко всплывающие с больших глубин. Мозг расширяется и упирается в череп, а глазные нервы испытывают такое давление, что разрывают глазное дно. Мозгу в буквальном смысле становится тесно в голове, он напирает на отдельные пластины черепа, и серое вещество смещается. Лежа в своей кроватке на уровне моря, среди гор мягких игрушек и множества книг, Пол, наверное, испытывал сильные головные боли. Вероятно, корнем языка он чувствовал странноватый привкус во рту. Как я потом узнала, у него был диабетический кетоацидоз.

Потом я много чего узнала. Что, скорее всего, в течение нескольких недель до финала его мучили тошнота и недержание мочи, что расширение мозга произошло стремительно в последние сутки перед смертью, и он частично ослеп, потерял сознание и впал в кому. И когда это произошло, он лежал без врачебной помощи в коттедже на озере — и вместо того, чтобы срочно отвезти его

в больницу, и вместо того, чтобы срочно сделать ему инъекцию инсулина и давать обильное питье, Лео кормил его блинчиками и читал ему книжки, и пока Патра прибиралась в доме, опорожняла кошачий лоток, я передвигала фишки настольной игры «Конфетная страна». Родители взяли его в длительную поездку на машине в Дулут, а его нянька принесла в дом камни, листья и сосновые шишки. То есть я натащила в его комнату огородный мусор — так заявили на суде, можете себе представить.

«И о чем ты только думала?» — спросил меня обвинитель. Я не решилась им сказать, что эта куча листьев и камней на полу в спальне Пола была не мусором, а столицей Европы. И я не решилась сказать им то, что мне хотелось сказать Полу, когда я видела его в самый последний раз, а он глядел на меня из кроватки одним глазом. Он лежал, уткнув половину лица в подушку. Никто не живет на Европе — вот что я хотела ему сказать, когда он вернулся домой. Пока никто, а может, никто и не будет жить, но все равно столица построена, и поезда там ездят по дну океана, и там есть подводные лодки и плавучие краны, но это не город для людей. И не для фей, и не для инопланетян, не для симпатичных фантастических

существ. Это просто нежилой город с поездами и экскаваторами, бульдозерами и дорогами.

Я помню, как мы уезжали из Дулута. Я помогла Патре сложить хлопчатобумажное одеяло, с которого мы стряхнули массу травинок, и я помню, как под ярким солнцем эти зеленые травинки казались голубыми. Когда мы сели в машину, Патра и Лео завели короткую дискуссию о том, что делать дальше, и было решено, что мы отправимся обратно в Лус-Ривер пораньше, в тот же день. Лео попросил Патру вернуться в отель и забрать наши вещи, а он посидит с Полом в машине. Они и тут начали спорить и даже немного поссорились. По правде сказать, это была их первая ссора, свидетельницей которой я стала. Они не кричали друг на друга, даже голос не повышали. Они просто стояли по разным сторонам от машины, и щурились из-за яркого солнца, и спорили, кто останется с Полом в машине, а кто пойдет за вещами и расплатится в отеле, и потом, уже в самый разгар их спора, они вдруг начали сердито извиняться друг перед другом. Патра говорила: «*Прости меня*, Лео», а Лео возражал: «Нет, это я виноват. Мне не стоило сердиться из-за такого пустяка. Оставайся с Полом. А я вернусь в отель».

Пол все это время сидел на заднем сиденье. Я

стояла у распахнутой дверцы, но не слишком близко к нему. Он не хотел, чтобы его сейчас трогали.

— Мне непогодится, — объяснил он, и я невольно улыбнулась:

— Ты хочешь сказать: тебе нездоровится?

Но он утолял жажду и не удостоил меня ответом. Сделав несколько жадных глотков лимонада, он вспотел от усилий, потом попил еще из пластикового контейнера с водой, который дала ему Патра, и, вымочив всю футболку коктейлем из лимонада, воды и слюны, прислонился затылком к подголовнику детского кресла, слабо вздохнул и закрыл глаза.

Патра сидела с ним рядом. Она передала мне ключи от машины — завести мотор. Я забралась на переднее сиденье и первым делом включила кондиционер. Вентилятор минуту-другую гнал горячий воздух, потом воздух посвежел, и мы подняли все стекла и сидели в прохладной машине, отрезанные от летнего зноя. Когда я уже перестала потеть, у меня возникло импульсивное желание сесть за руль и переключить рычаг трансмизии на «драйв». Это же, наверное, легко, подумала я, разве вести машину — сложно?

— Он сегодня сам не свой, — сообщила Патра с

заднего сиденья. Я обернулась вполоборота. Сначала я решила, что она имеет в виду Пола, но она смотрела из окна в направлении отеля. То есть она имела в виду Лео. Она шумно выдохнула, как делают люди, собравшись сказать что-то важное, но потом закрыла рот и прикусила губу.

Я развернулась полностью и внимательно посмотрела на нее.

— Как вам, не душно? — спросила я, провоцируя ее на откровенность. Мне хотелось, чтобы Патра поделилась со мной своими переживаниями, как в тот раз, когда она пришла к нам в палатку. Я хотела быть ей полезной, сделать для нее то, чего она сама бы не смогла.

— Все хорошо, спасибо. Спасибо тебе, Линда! — Патра улыбнулась мне, но как-то странно, одними морщинками на лбу. Она не отрывала глаз от Пола, который, похоже, лежал в забытьи. Она гладила его по длинной голой ручке.

Я решила проверить, насколько искренней была ее благодарность:

— Не хотите, чтобы я немного передвинула машину? Может, нужно выехать со стоянки?

Подъезжавшие машины настойчиво сигналили нам, призывая освободить место на парковке.

Она обдумала мои слова.

— А у тебя есть права?

— Нет, — призналась я.

— Не страшно. — Она откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза, и мне почудилось, что на ярком солнце ее бледные веки стали прозрачными и стало видно, как под ними двигаются ее зрачки. «А они же у нее черные!», — подумала я радостно и почему-то испугалась, но потом Патра прикрыла лицо ладонью, и странная оптическая иллюзия исчезла.

— Лео вернется через минуту, — сообщила она.

Мне не понравилось, как она это произнесла. Не понравилась эта ее уверенность. Мне вообще не нравилось, как менялось ее поведение в присутствии Лео. Как все ее жесты становились преувеличенно подчеркнутыми, немного театральными. Мне не нравилось, как почтительно она держалась с ним, но в то же время и несколько вызывающе, словно знала наверняка, что сумеет привлечь его внимание, если захочет.

От ее обруча у меня заболела голова. Я отчетливо ощущала, как пластиковые зубчики кольцом впиваются в кожу от уха до уха. Мне было так муторно, что я была готова ей надерзить.

— А где вы познакомились?

Патра открыла глаза. И потрогала Пола, прежде

чем взглянуть на меня.

— Мы с Лео?

— Угу, — кивнула я.

— Он был моим преподавателем.

Внутренне я ликовала.

— В Чикагском университете?

— Откуда ты знаешь?

Я же тысячу раз видела ее в толстовке с логотипом университета. Но только пожала плечами.

— Начальный курс астрономии. — Она наморщила нос, состроив ту горестно-улыбающуюся гримаску, к которой я уже привыкла. Она положила ладонь на лобик спящего Пола. — Мне казалось, это будет легко. Я думала, мы просто запомним все созвездия, выучим названия планет. Такого рода сведения.

— Получилось?

— Немного, да. — Она поймала мой взгляд. — Это не то, что ты думаешь.

— А что я думаю, Патра? — Я смотрела прямо в ее голубые глаза.

Она поерзала на сиденье, взъерошила Полу волосы, и он шевельнулся во сне. На мгновение показалось, что мальчик снится страшный сон. Его личико сморщилось, словно он собрался заплакать. Но он не проснулся.

— Мы оставались в аудитории после занятий. По моей инициативе. Это *я* предложила ему встречаться. Я, не он.

Я ждала продолжения.

— Он был… как… не знаю. Он был для меня важнее всего, что было в моей жизни в то время.

Мне было в это трудно поверить. Мне было тяжело представить себе, что этот худой дядька в черных тапках способен произвести неотразимое впечатление. Мне он казался легковесным, хотя и, пожалуй, жутко упертым — от него было так же трудно отделаться, как от несмываемого пятна на футболке. Я вспомнила его голую пятку, вылезшую из тапка, и его тапок — черный, поношенный, уродливый.

— Однажды моя университетская подруга наткнулась на него в студенческом городке — она собирала подписи для какой-то благотворительной инициативы — и сказала мне, что в нем есть нечто обескураживающее. А я сказала: «Точно!» Он обескураживающе умен. Так и есть.

Она оправдывалась перед собой. Она придумывала для меня аргументы, выстраивая свою оборону. Она пыталась убедить меня в чем-то, и, пока она говорила, я видела, как она невольно выпрямляет спину, интуитивно ища точку опоры.

— Послушай, Линда. — Она старалась говорить шепотом, и все ее согласные превращались в шипящие. — Я не слишком умею объяснять. В этом смысле я не такая, как Лео. Когда закончился наш семестр, я пригласила его сходить со мной в кафетерий и съесть маффин — он взял с отрубями, а я — черничный, а через неделю мы опять пошли туда, а еще через неделю — опять, и я помню, как он, вставая из-за стола, аккуратно заправлял рубашку в брюки. Знаешь, как это бывает? Ты все ждешь и ждешь, чтобы человек сделал какой-то знакомый жест, — и вот он его делает. Он всегда аккуратно заправляет рубашку в брюки, когда встает из-за стола, и тебе кажется, ну не знаю, что не нужно тратить много времени и усилий, чтобы получше узнать человека, потому что он делает такой вот привычный жест и ты можешь заранее его предсказать. Он был такой умный, и мне сразу показалось, что я знаю его лучше, чем он сам себя. Это очень мощное чувство. Это очень впечатляет.

— Вам нравилось, как он заправляет рубашку в брюки? — Я была заинтригована. И неприятно поражена.

— Нет, я просто знала, как он заправляет рубашку. Это другое. И мне было лестно. Он только что

окончил аспирантуру, его имя гремело по всему университету после статьи, которую он опубликовал в журнале «Нейчур», и он сказал мне, ой, ну, наверное, спустя месяц, что он не рассказал мне про себя всего. Он сказал, что хотел мне все рассказать, и, знаешь, мне же было девятнадцать. Я же была… о нет, подумала я тогда, неужели он преступник, или извращенец, или кто-то в таком роде. Я была еще совсем ребенком!

— Он не был извращенцем, — заметила я.

— Нет, ничего такого. Он просто захотел рассказать мне о своей религии, он был потомственным приверженцем «Христианской науки», и я расхохоталась ему в лицо, когда он это сказал, потому что у меня гора с плеч упала. Я ведь и правда боялась услышать от него что-то ужасное.

И тут я увидела Лео: он шел к нам. Он прикрывал ладонью глаза от солнца и искал машину. На плече он нес два рюкзака — мой и Пола, а свободной рукой катил за собой чемодан на колесиках. Он шел быстро, почти бегом, штанины его шортов цвета хаки при ходьбе зажались в промежности, и из-под них торчали его бледные ляжки.

— И что потом произошло? — спросила я у Патры с нетерпением.

А сама имела в виду другое: и что вы мне пы-

таетесь объяснить? Мне показалось, что я что-то пропустила, что, пока глядела в окно на Лео, она уже изложила главную часть своего повествования.

— Ой, сама не знаю. — Она, должно быть, тоже заметила приближающегося Лео, потому что ее голос сразу изменился — он зажурчал тише, и в нем послышались нотки обтекаемой, даже лукавой, слащавости и безразличия. — Меня смешила его серьезность. А потом я вышла за него замуж. Мне нравилось, что он такой вот серьезный, и мне казалось, что я не такая, как все.

Лео наконец нашел взглядом машину. Он зашел сзади и погрузил вещи в багажник. Он, ясное дело, не видел, что мы сидим внутри и глядим прямо на него, потому что, когда снова обошел машину и увидел свое отражение в стекле, он с досадой вздохнул и пригладил каштановый вихор на макушке. А потом двумя пальцами разгладил зажатый в промежности верх коротких штанин. Но это еще не все.

— Смотри! — шепнула Патра.

Перед тем как раскрыть дверцу машины, Лео засунул ладонь за пояс шортов и заткнул поглубже голубую хлопковую рубашку. Это был машинальный жест, и он немного сконфузился, словно не

был уверен, что пассажиры обрадуются, снова увидев его, или не знал, что он обнаружит в салоне, открыв дверцу.

Патра сказала мне:

— В девятнадцать лет тебе покажется, что ты стара как мир и что ты давно уже повзрослела. Вот увидишь!

— У вас все хорошо? — спросил Лео, тяжело опустившись на водительское сиденье.

Патра подалась к нему и поцеловала в мочку уха.

Он обернулся и внимательно осмотрел лицо спящего Пола, потом перевел взгляд на Патру.

— У нас все хорошо, — ответила я за нее.

На обратном пути мы поменялись ролями. Всю дорогу Лео вежливо расспрашивал меня про рыбалку на озере и залежи железной руды, а на заднем сиденье Патра вместо меня вполголоса играла с Полом в загадки. Мы опять попали в пробку на ремонтируемом участке шоссе под Дулутом, но на этот раз простояли еще дольше. И все это время, что мы стояли, в клубах оранжевой строительной пыли и автомобильных выхлопов, Лео без умолку вел со мной беседу, не поворачивая лица, кивая и, похоже, не слушая мои ответы. Я перестала утруждать себя длинными ответами,

а он наконец перестал задавать мне вопросы. Между нами разверзлась пропасть молчания. Так прошел час, два часа. Никто не предложил заехать в «Денниз». Когда наш разговор оборвался, я начала искать глазами опознавательные знаки, которые запомнила накануне — фиолетовую водонапорную башню, прорытый в горе новый тоннель, — но при движении в противоположном направлении пейзаж выглядел совсем иначе, и я не могла заранее приготовиться к появлению того или иного ориентира. Я узнавала их только уже задним числом, когда они оставались позади, и мне приходилось оборачиваться и разглядывать, скажем, водонапорную башню, стремительно уменьшающуюся в размерах.

— Ну вот, мы почти дома! — воскликнул Лео радостно, когда мы вылетели из тоннеля. Похоже, он заготовил эту фразу задолго до того, как она была географически оправдана. К тому времени как мы помчались по знакомым трассам, исхоженным мной за многие годы, Лео уже больше часа повторял свое «Мы почти дома!». Потом в рваных лучах солнца, проглядывавшего сквозь густой лес, замаячил Лус-Ривер, и Лео так расслабился, что даже замурлыкал «Доброго короля Вацлава». Патра тут же подхватила мелодию

своим послушным сопрано. А мое непослушное сердце упало.

— Мы дома! — объявил Лео, когда Патра перестала петь на середине второго куплета. Я сунула руки под зад и представила себе, что нам навстречу выбежал неосторожный олень или что посреди дороги возникло какое-то еще непреодолимое препятствие. Я не предложила Лео высадить меня из машины здесь, чтобы я прошла остаток пути пешком вдоль зарослей сумаха. Я сидела и наблюдала, как Лео едет между деревьев, высящихся плотными стенами вдоль дороги. Уже смеркалось.

Медленно, очень медленно я вынула из багажника свой рюкзак. Едва я успела захлопнуть багажник, как Лео бросил в открытое окно:

— Спокойной ночи! — и развернул «Хонду». Я не слышала, чтобы Патра или Пол что-то мне сказали. Заднее стекло было поднято.

Но ты же, говорили мне позднее, безусловно, почувствовала, что у них что-то не так?

Может быть. Может быть, есть такая лестница, по которой можно взобраться и увидеть все сверху, такая особая лестница или интуиция, некая воображаемая обзорная площадка, откуда открывается отличный вид на происходящее. Но я

прекрасно помню все, даже сейчас, словно в одно и то же время происходили две взаимоисключающих череды событий. Во-первых, то, что описали обвинители: тошнота, головная боль, кома и т. д. Но потом я вспоминаю совершенно другое — как в действительности все происходило: Патра и Пол на одеяле, высокие корабли, поездка на машине домой, «Добрый король Вацлав», кровать. И хотя оба рассказа имеют одинаковый конец, это совершенно разные сюжеты. Возможно, будь я другая, я бы на это посмотрела иначе. Но разве не в этом все дело? Разве все мы не действовали бы иначе, будь мы другими?

— Что так рано? — спросила мама, когда я толкнула дверь хижины.

Она все это время ждала моего ответа, хотя я не сразу вошла внутрь, а еще час, не меньше, просидела на рюкзаке за мастерской и возилась с псами. Все надеялась избежать вот этого вопроса в лоб.

— Мэделин! — Но я не могла ее разглядеть в полумраке. Только видела ссутулившийся силуэт у стола. Она что-то зашивала или пыталась читать. Не знаю. Я ей ничего не ответила, просто прошла с рюкзаком через неосвещенную комнату и полезла по стремянке в свой «лофт».

Мама, само собой, еще и не думала зажигать свет.

И помню, я тогда подумала: ладно, пусть будет ночь. А было еще только полдевятого или девять, и это был один из самых длинных дней в году. Но в хижине стояла темень из-за обступивших ее со всех сторон сосен. Помню, Патрин обруч по-прежнему врезался мне в голову, когда я бросилась на матрас и просто упивалась изумительной болью от него. Помню, как внизу щелкнул выключатель лампы, но свет не зажегся, и мама ругнулась про себя, вышла за дверь и принялась возиться с генератором позади хижины. Помню, когда вспыхнул свет, такое было ощущение, будто огонь полоснул по коже, и мама постояла минуту, шумно дыша, у моей лестницы внизу.

— Мэделин! — снова позвала она, схватилась за одну из нижних ступенек и потрясла. Стремянка со скрипом заходила ходуном.

Я, не раздеваясь, заползла в свой спальный мешок.

— Хорошо провела время в Дулуте?

Спокойной ночи, подумала я.

Через несколько минут я услыхала, как застонали сосновые доски, когда она пошла к раковине. Я слышала, как она распахнула дверцу посудно-

го шкафа, как стала грызть грушу, купленную мной в городе неделю назад. Куснула и замерла. Я представила, как она выковыривает пальцами застрявший между зубов кусочек влажной кожуры. Я слышала, как она шумно дышала носом и напевала две строчки из двух разных песен, соединив их вместе: «Странные дни нашей жизни… Сбросив короны на стеклянную гладь моря»[25]. Мама… В ту ночь, когда после короткой поездки в Дулут я лежала наверху, помню, громко шуршали мотыльки вокруг лампы, которую она включила. Помню, как они терлись крылышками о стекло лампы и как она все жевала и жевала грушу, издавая бесконечное хрум-хрум-хрум. Помню, как она напевала, издавая больше шумов, чем звуков, и как все эти шумы и звуки — плюс пульсирующие от боли виски — не давали мне уснуть.

[25] Примечания: 25

Строка из песни группы «Дорз» «Странные дни» и строка из церковного гимна «Славься, славься, славься, Всемилостивый Боже!».

Здоровье

12

— Она у нас прямо генеральный директор, не меньше, честное слово! — обычно говорила мама отцу. — Наш гендир провел инвентаризацию сосен на горе. И подушек в доме.

Когда мама это в первый раз сказала, я подумала: двенадцать больших сосен. Две подушки и семь одеял.

Мне было лет шесть или семь, когда мама начала называть меня «гендиром». Я по-прежнему любила вскарабкиваться на колени к отцу в своей ночной рубашке и притворяться, будто я его крохотная дочурка, которую он должен крепко обнять и защищать — или, лучше, своего рода инструмент, которым он мог бы воспользоваться, идеальный образец ценного оборудования, который нужно содержать в исправности, вроде его рулетки, которую он бережно хранил в кожаной сумочке на ремне. Я поджала ноги, чтобы они не торчали из-под ночнушки, и решила изобразить кроху, сунув кончик большого пальца в рот и начав его сосать.

— Гляди в оба! — предупредил отец. — Вокруг дома полным-полно крапивы.

На мгновение он обвил меня руками и заговорил мне в затылок: такое возникло ощущение, ну, на секундочку, что он обращается со мной, как со щенком. Я чувствовала его дыхание на своей коже и вибрацию у него в груди, которая предшествовала словам, срывающимся с его языка. Потом он шевельнулся, словно пытался от меня избавиться. Он устал. Теперь я это понимаю. Он устал, оттого и казался отрешенным и медлительным, обдумывая какую-то глубоко в нем засевшую мысль, чтобы обдумать которую ему надо было на минуту временно забыть обо всем и отложить в сторону все дела. Мы с мамой выжидательно глядели на него.

— Ох и хитрющий у нее взгляд, — рассмеялась мама после долгой паузы. — Ты только посмотри на эту хитрюгу!

— Ты лучше не ходи на шоссе, не считай там предметы, — наконец проговорил отец.

Я медленно сползла с его высоких колен. После того как Тамека и Взрослые Дети разъехались, я почти никогда не уходила далеко от барака и хижины. Сначала я спустила одну ногу, потом другую и все ждала, что папа подхватит меня и усадит обратно. Потом легла на пол и принялась рассматривать похожие на червяков коричневые

шнурки на его ботинках.

— Нет, серьезно, — продолжала мама. — Она мне заявила, что хочет измерить хижину. И еще она сосчитала всю нашу утварь. У нас по-прежнему шестнадцать ложек.

— Дети любят считать, — со знанием дела изрек отец.

— У этого ребенка явный талант к счету!

Лежа на полу, я куснула отцовский шнурок и немного его пожевала. По тому, как он кашлянул, я поняла, что он собрался встать и уйти в мастерскую.

У нас некуда было больше уходить. На первом этаже хижины было всего два помещения — кухонный отсек и спальня — плюс приставная стремянка на мой «лофт», где я спала на матрасе из гусиного пуха, зажатом между балок. Мой «лофт» представлял собой платформу, сложенную из ДСП. А постель мне заменяла гора старых армейских спальных мешков, пропахших плесенью и дымом. С низкого потолка свисала широкая желтая холстина с нарисованными черными котами, держащими в лапах сигареты, — коты складывались в причудливый, головокружительный узор. Когда я засыпала, мама задергивала холстину, загораживая мой

спальный мешок, — но она этого не делала, если в хижине было холодно, например зимой. Зимой отец брал старый матрас и перекидывал его через плечо, будто расхристанного толстяка, которого он любил и хотел спасти. Он спускался с ним по стремянке вниз и клал около печки.

— Спи! — говорил он мне, разглаживая широкой красной ладонью складки на матрасе. — Сладких снов! — И укладывал старую куртку вместо подушки.

Он хорошо относился к вещам. А вот люди его немного отпугивали.

Зимой жизнь у нас замирала. Зимой мы жили как в тюрьме. Мы были словно привязаны толстой веревкой к нашей черной прокопченной печке. В ней было нечто романтическое, знаю, если рассказывать о ней правильно, уснащая рассказ искренними интонациями в духе викторианских сказок про дома с привидениями, которые многим очень нравятся. Да и я сама не раз рассказывала про нашу печку с такими вот интонациями — чем вызывала восторг у своих кавалеров, которые носили бусы из акульих зубов и которые назначали мне свиданки в кофейнях. Даже сейчас полно людей, обожающих рассказы про жизнь в нищете. Они считают, что нужда

закаляет, как красота, заостряет силу духа, как клинок, который может ранить. Они мысленно просчитывают свою силу, сравнивая ее с этой остротой, причем совершенно бессознательно, готовясь или пожалеть тебя, или дать тебе сдачи.

Как тот автомеханик, с которым я встречалась в Сент-Поле. В конце концов он устал тайком выскальзывать из моей кровати ни свет ни заря и упросил меня прийти к нему домой. Как-то вечером он напоил меня и накормил буррито. Потом разложил на голубом одеяле колоду карт Таро, ткнул пальцем в уродливое лицо Шута и спросил, что я думаю. Видимо, до того как стать механиком, он успел прослушать в колледже начальный курс психологии. Он был повернут на Карле Юнге не меньше, чем на карбюраторах, в которых неплохо разбирался. Ему хотелось раскопать все тайны моего прошлого.

— А разве эти карты не для того, чтобы предсказывать будущее? — спросила я, сидя по-турецки на полу у него в квартире. Я была уже достаточно поддатая, чтобы вынести ему мозг.

— Нет, малышка, для этого существуют чаинки в чашке, тут нет никакой магии.

— А, ты предлагаешь мне суеверие, а не научный подход.

— Обещаю: это самый что ни на есть научный подход. — Он встал на колени и подполз ближе ко мне. — Дай мне секунду. О чем ты думаешь, глядя на эту карту?

— Шут выглядит легкой добычей, если хочешь знать мое мнение. У него закрыты глаза.

— Ладно. Отлично. Что еще?

— У него, ну, там, свиная голова на палке?

— Мне кажется, это у него рюкзак.

Я прищурилась:

— Напомни, где ты научился читать карты Таро?

Теперь прищурился он — но при этом улыбался во весь рот.

— А кто был легкой добычей в твоем детстве?

— Я тебе говорила, что много чего знаю о жизни волков?

— Ха! А вот и знакомая мне гёрлскаут! Гёрлскаут вылезает всякий раз, когда ты начинаешь нервничаешь.

— Считай, что я твой эксперт по волкам! Спроси меня о чем угодно!

— Тогда скажи: кто был легкой добычей?

По правде сказать, эта старая дровяная печка была для меня в детстве и как наркотик, и как обуза. И меня к ней тянуло, даже когда я ее не

видела, и я ненавидела ее, сама не знаю почему. Как-то зимой, мне тогда было уже девять, я случайно прислонилась к печке щекой, пока, сидя на полу, читала «Основы дрессировки упряжных собак». Ожог у меня под левым глазом превратился в пузырь чистой прозрачной кожи, став маленьким полушарием, похожим на рыбий воздушный пузырь. В течение нескольких дней пузырь увеличивался, прозрачным куполом вздымаясь над моей щекой, подпирая глаз, которым я ничего не видела, когда опускала взгляд. Если родители и заметили этот волдырь, то не обратили на него внимания. А в школе я поднимала руку во время урока и просилась выйти в туалет, где рассматривала ожог в зеркале и ощупывала его пальцами. Иногда в туалете я встречала Сару-фигуристку, которую отпускали с урока пораньше, чтобы она успела переодеться в спортивную форму. Она сосала леденец на палочке и щелкала рейтузами между ног. «Офигеть», — говорила она, пялясь на мое отражение в зеркале и трогая свою щеку.

А однажды она подошла ко мне вплотную и с любопытством стала рассматривать волдырь:

— Это отец с тобой сделал? Вот так с тобой обращаются?

Я обычно помогала отцу делать два дела по

хозяйству: колоть дрова и чистить рыбу. В десять лет я уже могла самостоятельно наколоть поленья из распиленных бревен, поэтому отец перестал мне помогать, и я выполняла задания по колке дров в одиночку. Но рыбу, пока я не перешла в старшую школу, мы всегда чистили вместе в мастерской, молча, сидя над своим ведром. Мы пользовались старенькими филейными ножами, которые перед каждой чисткой натачивали на оселке — это всегда была самая интересная часть работы: сталь скрипела и визжала, соприкасаясь с зернистым точилом. От этих звуков у меня волоски на руке вставали дыбом, а зубы приятно побаливали. А после были только кишки из вспоротого брюха да кожа, чулком слезавшая с рыбьей тушки. И мы, стоящие рядом, и два наших рта, и ритмичные вдохи-выдохи — отцовские и мои. Ах… Ах…

Чистка рыбы и колка дров занимали всего несколько часов, и я научилась выполнять дополнительные обязанности. В четвертом классе я начала записывать выгодные акции на зубную пасту и туалетную бумагу в магазине мистера Коронена, чтобы регулярно пополнять домашние запасы, и я передавала свои списки маме, когда она отправлялась за покупками в город. Когда

зимой мне исполнилось одиннадцать, я взяла на себя уход за псами. Заодно по утрам я укладывала в печку свежие дрова, потому что рано вставала, чтобы покормить псов. Потом, как раз перед переходом в среднюю школу, я привыкла в воскресенье днем садиться рядом с отцом, и мы слушали радиотрансляции бейсбольных матчей и шоу «Ваш верный компаньон»[26]. Отец как-то рассказал мне, что учился в колледже вместе с Гаррисоном Кейлором, и потом много лет я представляла себе Гаррисона нашим дальним родственником, которого никогда не видела. Я мысленно рисовала его компанейским старшим братом отца, а отца — робким младшим братом, который научился неплохо справляться с одиночеством и всякими напастями в жизни.

Я понятия не имела, чем бы могла помочь маме по хозяйству. Она терпеть не могла моего присутствия, когда стирала одежду или готовила ужин. Она говорила, что я копуша и слишком много рассуждаю. Еще она говорила, что я вечно замечаю чужие ошибки.

---

[26] Примечания: 26

Разговорная радиопрограмма, которую придумал и вел с 1974 по 2016 г. Гаррисон Кейлер (род. в 1942 г.), популярный писатель и радиоведущий. В 2016 г. был уволен с радиостанции в связи с обвинениями в сексуальных домогательствах.

— Стоит мне срезать слишком толстый слой кожуры с картошки, так ты всем своим видом показываешь, какая я расточительная!

Моя мама была неутомимо трудолюбивой, энергичной, всегда полной новых идей. Вечно у нее возникали грандиозные проекты во благо человечества, и ее прокламации были разбросаны по столу и стульям, этим верным часовым ее непрекращающейся социальной активности. Я повсюду в хижине натыкалась на ее мешки с лоскутами для членов коммуны, на ее письма протеста против выбросов химических отходов, на цитаты из Библии, записанные ею на каталожных карточках, на детективы из букинистических лавок, на зачитанную библиотечную книгу с русскими сказками, которую она много лет читала, да так и не смогла одолеть. Ее длинные волосы всегда развевались широким веером, когда она стремительно передвигалась по хижине. Наэлектризованные пряди вечно липли ко всему, до чего она дотрагивалась, — к ручкам кастрюль, к рукоятке швабры, к моему лицу, когда она наклонялась надо мной.

— Ты все еще смазываешь маслом старую катушку спиннинга? — вопрошала она. — Да как такое возможно?

Она уходила, и длинные пряди волос хлестали ее по плечам.

Ее раздражало, что я не играю в ее любимые игры, отказываюсь читать вслух или надевать костюм дракона из сшитых лоскутов, которые она закручивала вокруг моего тела и называла хвостом.

— Рычи! — требовала она и для убедительности дергала меня за косы. Она смешно косила глазами, пытаясь меня спровоцировать. Она высунула язык, и я увидела над розовыми пупырышками белый налет, похожий на слой мха.

А я подумала: нам нужна зубная паста. И мысленно расширила свой список: зубная паста, ополаскиватель для рта, зубная нить.

— Когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, — сказала мама, — я написала роман. Я перенесла действие «Макбета» в сад моих родителей с участием двадцати персонажей. Вообще это была смешная вариация. — Тут она скроила забавную гримасу и произнесла с утрированным британским выговором: «Прочь, проклятый шотландец, прочь!»[27] Она ждала, когда я засмеюсь, но я не поняла, что именно тут смешного.

---

[27] Примечания: 27

Искаженная цитата из «Макбета» (акт 5, сцена 1): «Прочь, проклятое пятно, прочь!» (*Перевод Ю. Корнеева*).

— Возьми! — сказала она со вздохом и отдала мне волшебную палочку, которую вырезала из березовой ветки и обмазала клеем и золотыми блестками. Ей страшно хотелось, чтобы я веселилась до упаду или прикидывалась веселой, чтобы показать, как мне хорошо и как я счастлива. В те годы она регулярно ходила в церковь по субботам и воскресеньям на католические и лютеранские службы, а заодно и межконфессиональные, чтобы разом подстраховаться. Она никогда не звала меня с собой. Она называла себя беспородной верующей. Она так и не смогла решить, что важнее: благие дела или Божья благодать. Она не смогла уразуметь смысл таинства с телом и кровью Христовой: то ли это настоящая плоть человеческая, то ли пустая метафора.

— Оба хуже! — говорила она с досадой. Но что она точно знала и во что верила всем сердцем, так это в то, что под влиянием частной школы и телевидения она исковеркала себе душу и растратила по мелочи свои природные таланты.

— Ты только оцени свободу, которая у тебя есть! — Она произнесла эти слова, когда была особенно возмущена моим поведением, и обвела комнату руками. Словно все ее лоскуты, и камни, и банки с песком были разновидностью редчай-

ших сокровищ. Словно она потратила всю свою жизнь на то, чтобы приобрести эту гору хлама.

Иногда, чтобы порадовать ее, я надевала драконий хвост и шла в нем дрессировать псов. Однажды летом, когда мне было двенадцать, я переучивала их из ездовых на служебных для работы в поисково-спасательных экспедициях. И каждый пес получал личную награду: сломанное весло, резиновый шланг, теннисный мячик, который я нашла на школьном корте. Я спускала одного пса с цепи, приказывала ему сидеть, а сама пряталась за деревом. Но это было слишком легко. Они находили меня в два счета. И вот как-то днем, когда уже не осталось больше мест, где бы я ни пряталась, я рванула за хижину и взобралась на крышу мастерской, волоча свой драконий хвост по щербатой кровле. Потом, звонко свистнув, я подала сигнал: «Искать!» — и стала наблюдать, как Эйб обыскал сначала все старые сосны, обнюхивая землю вокруг и кору, после чего стал нервно носиться вокруг хижины. Тогда Эйб еще не был старичком, но уже через двадцать минут поисков он тяжело дышал и разбрасывал слюну по всему саду. Прошло полчаса, сорок минут. Другие псы с лаем рвались с цепей, только усиливая его страдания. Сверху я видела,

как ребра Эйба ходят взад-вперед в такт дыханию. Я смотрела, как он снова обегает места, которые уже проверял, и заметила, что от изнеможения его пошатывает.

Я сидела смирно на крыше мастерской. Ради эксперимента я засунула глубоко в рот мохнатый теннисный мячик и за секунду до того, как я едва не задохнулась и испуганно его не выплюнула, меня охватила странная эйфория, которая словно окрылила и чуть не подняла в воздух.

— Нет, ну правда, спроси меня о чем-нибудь, — просила я, вынимая новую карту из колоды Таро, веером разложенной на коврике в квартирке автомеханика в Сент-Поле. Его звали Ром. У него были голубые глаза, большие мускулистые руки и небольшое брюшко. Когда он зевал, стад в его языке ярко блестел. Я ткнула его в грудь: — Ну спроси, спроси, как часто волки едят! И я тебе отвечу: раз в четыре или пять дней. Они буквально умирают с голоду, а потом обжираются, как…

— Да знаю я! Ох уж эти девчонки-подростки!

— А потом они пять дней вообще могут не есть. А теперь спроси меня: что они едят? Спроси!

Он покачал головой, но продолжил игру:

— И что же они едят?

— Белохвостых оленей. А еще червяков и го-

лубику…

— Не подавляй свою природу, гёрлскаут! Продолжай копить всю эту хрень в своем подсознании!

— …и собак! Был такой городишко в Аляске — У-чёрта-на-куличках-вилль…

— Так ты оттуда? — Он удивленно поднял брови.

— Они пришли ночью и утащили чьего-то лабрадора. И сожрали вместе с кожей и костями. Потом на следующую ночь пропала пара хаски — они, бедолаги, ни звука не издали. Но последней каплей стало исчезновение енотовидной гончей. Это была длинномордая милашка, победительница многих собачьих выставок. Ее задрали прямо на цепи, остался только ее загривок, ну и, представь себе, челюсть и хвост.

— «Челюсть и хвост». Прямо название альбома.

— Волки обычно съедают почти все кости. Это подсказка гёрлскаута.

— Так что же произошло в У-чёрта-на-куличках-вилле? — Он наклонился ко мне ближе и тихо промурлыкал в шею: — И кто же спас остальных собак?

— Нет! — оттолкнула я его. — Кто спас *волков*?

Их всех перестреляли.

Осенью я пошла в среднюю школу, мама перестала называть меня «гендиром» и начала звать «тинейджером». А все потому, что я частенько таскала журналы из кабинета секретаря школы — мне нравилось их читать: «Пипл», «Ас» или «Гламур». Я читала, как надо сушить волосы феном, чтобы они выглядели как после торнадо, я читала советы, как смазывать пряди специальным гелем, чтобы придать им «мокрый вид». Но у меня никогда не возникало желания проверить эти советы на себе. Мне просто нравилось читать про всякие таинственные процедуры, разбитые на этапы, а потом подытоженные в схемах и таблицах. Или, если в кабинете не оказывалось новых журналов, я брала в библиотеке книги по палеонтологии ледяного века и по истории электричества. Я обожала разглядывать рисунки волосяного покрова головы и скелетов, чертежи углов и уравнения, которые не понимала. Мама не видела, что я читаю такие книги, потому что ей было неинтересно все то, чем я занималась. Она же расставляла стеклянные банки и наполняла их джемом или записывала на розовую карточку очередную библейскую цитату, и если поднимала глаза, то глядела сквозь меня. До того как снять

квартиру на пару с Энн в Миннеаполисе, я вообще не смотрела телик, но когда начала смотреть, то сразу узнала это ощущение: ты смотришь на человека, а он тебя в упор не видит.

Иногда она видела, что я читаю, и заглядывала в книгу через мое плечо.

— Это домашнее задание? — спрашивала она, изумленно качая головой. Я знала: ей хочется, чтобы я хорошо училась. Но при этом она хотела, чтобы я добивалась успехов так, как она сама привыкла — с отвращением к процессу. Ее расстраивала мысль, что я стараюсь.

— Ой, ну ты становишься прямо профессором, знаешь? Надо раздобыть тебе мантию! — И она рассматривала в моей книге рисунок велоцераптора со стрелочками, указывающими на разные кости его скелета. Казалось, она на тридцать процентов удивлена и, может быть, даже обрадована, но на семьдесят процентов порицает и презирает меня.

— Не смотри на меня так! — обычно говорила она со смехом.

Мне было двенадцать. Всю жизнь я смотрела на нее так, что это ей не нравилось, — но я же не нарочно.

— Ты в мантии будешь выглядеть очень вну-

шительно, как папа римский! — Она сделала большие глаза. — Да шучу я. Послушай, я же не утверждаю, что никакой системы нет. Я совсем не то имею в виду. Я только говорю, что есть порядок *более высокого* уровня, чем школа, и тебе стоит обратить внимание на относительную ценность вещей. Бог, человек, бюрократия, домашнее задание. — Она вздохнула. — Когда тебе говорят в школе: сделай вот это домашнее задание, а потом еще, и еще, и еще, тебе надо понимать, очень важно, что ты это понимаешь, что это не те ступеньки, которые ведут тебя выше и выше. Это только иллюзорное движение вверх. Ты понимаешь, о чем я?

— Это еще что такое? — поинтересовалась она однажды, увидев на столе журнал «Пипл», раскрытый на статье о принцессе Диане. Меня какое-то время восхищала ее печаль, которую она, при всей своей красоте, не могла скрывать. Я читала про ее маленьких сыновей, про любовные интрижки ее мужа, про ее анорексию, про привычку красить губы двумя помадами сразу, про ее чулки и туфли. Я нашла одну статью, уже после ее развода, с составленным ею списком дел, где была такая строчка: «Думай позитивно, даже если тебе приснился дурной сон». Мне это

нравоучение показалось достойным сочувствия, но еще и смелым, дерзким. Мама же с немалым изумлением переворачивала глянцевые страницы журнала, приговаривая: «И ты прочитала всю эту статью до конца? Не понимаю я тебя. И что тут можно вычитать?»

Однажды, перед переходом в седьмой класс, я вошла в туалет и встретила там Сару-фигуристку с другой девчонкой, которая втирала в волосы гель с блестками. Это была Лили Холберн, и вид у нее был несчастный. Ее гладкие черные волосы стояли сзади колом.

— А, Чудачка! — бросила мне Сара, но она смотрела на меня скорее с интересом, чем с отвращением, и внимательно оглядывала мое лицо в поисках лопнувшего волдыря. Но ничего не обнаружила, кроме разве что пятна под глазом, которое было чуть менее загорелым по сравнению с остальной щекой.

Лили сожмурила один глаз — по ее лбу поползла струйка геля.

— Приветик, — сказала я опасливо.

Я знала, что Сару в школе уважали. Говорили, что ей удалось сделать двойной аксель на одной ноге, с полным поворотом, — и я поверила. Ее тело было как упругая влажная ветка, и ее тугие

мышцы напоминали сжатую пружину, мощную и немного опасную. Все сходились на том, что еще немного — и она овладеет тройными прыжками, и эти тройные магически преследовали ее как тень, где бы она ни появилась, висели над ней как нимб. Тройной сальхов, тройной тулуп, тройной флип, тройной лутц… А это все означало: чемпионат Великих озер, чемпионат Среднего Запада, национальный чемпионат, мировое первенство…

Лили, наоборот, была совсем не спортивной. И все же Сара с ней подружилась, вскоре после смерти матери, и убедила ее и двух других среднесимпатичных девчонок, причем обе были блондинками, записаться в группу синхронного катания. Не по доброте душевной: у Сары был свой интерес. Лили больше не называли Индеанкой, и никто не называл ее умственно отсталой, как бывало раньше.

— Команде «Лунеттс» требуются люди с *формами*, — улыбаясь, сообщила ей Сара.

Она имела в виду: *с сиськами*.

Вот почему Лили сейчас стояла перед зеркалом в туалете седьмого класса, а липкие пальцы Сары копошились у нее в волосах, размазывая блестки по прядям, и клякса геля растекалась по ее щеке.

У «Луннетс» вечером была игра в Дулуте.

— Лил, нечего таращиться на Чудачку, — упрекнула ее Сара, когда я протиснулась мимо них в кабинку. — Ты же знаешь, отец подвергает ее пыткам просто забавы ради. Так обычно поступают в секте, в которой она выросла. Ей жгут лицо расплавленным воском. Ее заставляют писать на травку, и она не умеет пользоваться унитазом.

Карие глаза Лили встретились с моими в зеркале. На мгновение у меня возникло ощущение, что я вижу себя, и, увидев свое собственное осунувшееся лицо рядом с ее лицом, я даже вздрогнула.

— По-моему, с ее лицом все нормально, — заметила Лили. Она склонилась вперед, так что Сара невольно натянула ее пряди, словно вожжи.

— Я же видела, что они с ней сделали! А ты не видела? Не видела?

— Нет, — ответила Лили.

Я ни слова не проронила. На полу в кабинке лежал ворох одежды, брошенной при переодевании впопыхах. Джинсы, бюстгальтер с мягкими чашечками и скомканные белые трусики. Я отодвинула носком одежду, присела, но не смогла ничего из себя выдавить.

Раздалось шипение спрея для волос — шшушшшу, и так еще несколько раз. Они прислуши-

вались.

— Извини, — пробормотала Лили, когда я вышла, так и не опорожнив мочевой пузырь, чувствуя себя униженной. — Я об одежде.

— Не разговаривай с Чудачками. — И Сара направила спрей на лицо Лили. — Закрой глаза!

Лили послушалась, но, когда я мыла руки над раковиной, наши с Сарой глаза встретились. Таким взглядом на меня смотрят псы, зная, что для них припасена мясная кость в углу мастерской.

— Давай-ка споем, — обратилась Сара к Лили, которая тут же открыла глаза. — Давай споем «Оловянного солдатика».

Но Лили не подхватила, и Сара, чтобы подбодрить подругу, лягнула ее ниже колена:

— Тебе надо *проникнуться* этой песней!

— Если бы я верила в эту херню, — сообщила мне мама тем утром, когда крестила меня. Мне тогда было шесть, самое большее — семь. Косой сноп света из-за открытой двери освещал ее лицо. Холодная колодезная вода, которой она поливала меня из мерной кружки, щекотала спину.

— Какую херню? — спросила я, ежась.

— Вот такую. И больше не говори слово «херня», ладно? Ты теперь новый горшочек с рисом, малышка. Ты начинаешь жизнь заново, с чистого

листа.

— Но я еще не хочу кушать, — заявила я ей.

Она рассмеялась и помогла мне вылезти из металлической ванночки.

— Тебе надо делать только одно, милая: просто быть ребенком. Если будешь такой, ты меня очень обрадуешь.

— А когда вернется Тамека? — спросила я.

— Она улетела из курятника со всей стаей.

Я вспомнила, как мы с ней вместе, как две гагары, ушли далеко от дома и топали по шоссе, думая о своем. Мы тогда тоже чуть не улетели из курятника, но за нами послали Взрослого мальчика.

— Эй, не смотри на меня так! — Мама схватила меня за плечи и развернула, а потом начала энергично растирать мне шею и спину махровым полотенцем. — Ты хотя бы ощущаешь себя чистой?

— Мне холодно! — пожаловалась я.

— А ты хоть на секунду почувствуй себя чистой. И как это хорошо! — И она заплакала, правда. Я не смотрела на нее, но слышала, как она шмыгает носом. — Мы начинаем жизнь заново, ты и я. Я стараюсь призвать Бога на нашу сторону, чтобы он изменил нашу жизнь. Чтобы ты опять могла стать счастливой девчушкой, поняла? Ты

можешь хоть на секунду стать нормальным ребенком? Прошу тебя!

А я не знала, кем еще могу быть.

— Тебе же нетрудно хоть раз улыбнуться? — просительно произнесла она. Потом встала на четвереньки и оползла вокруг меня, чтобы видеть мое лицо. Она нашла мерную чашку, поставила себе на макушку как шляпку, подняв обе руки. «Фокус!» — прошептала она. Ее лицо было все в слезах, на губах застыла кривая улыбка, волосы замочились от пролившейся из чашки воды. Через мгновение ее странная шляпка покатилась на пол.

— Последний довод! — предупредила она.

И начала щекотать меня под мышками, а я, извиваясь, тщетно пыталась ускользнуть от ее пальцев.

— Ну вот, видишь, это совсем не трудно, — заметила она, отпуская меня. Я быстро-быстро задышала, пытаясь имитировать смех.

— А почему Шут ходит с рюкзаком? — спросила я у Рома, привстав на его голубом ковре и несколько раз погладив ладонями ворс, как траву. Было уже поздно. Мы выпили все пиво, буррито тоже были все съедены.

Он пожал плечами:

— Ну, он же бродяга. Турист.

— И что в этом шутовского?

— Он ходит по краю пропасти, например.

А я этого не заметила. Я снова вгляделась в карту — и точно! Правая нога Шута зависла над пропастью, но глаза Шута были закрыты. Он просто шел по краешку ущелья — трам-там-там!

Ром приблизился и дохнул на меня перечным ароматом буррито.

— Но ничего нет плохого в том, чтобы позволить себе упасть. Хочешь попробовать?

Он поцеловал меня открытым ртом и медленно повалил на ковер. Металлический шарик пирсинга в его языке прошелся по моему языку и деснам. Было приятно. Я почувствовала, как он хочет меня.

— Погоди! — Я соображала, что же он имел в виду. — *Я* не Шут.

— Но ты же не останешься? Нет?

Я поднялась, разглаживая перекрученные джинсы.

— Не на всю ночь, если ты об этом.

— Не навсегда — вот я о чем! — Он произнес это с вызовом, чего я никак не ожидала. — Ты же все равно вернешься в свой У-чёрта-на-куличках-вилль. Рано или поздно.

— Нет-нет, — возразила я. И когда поднимала с пола свою куртку и засовывала мятые обертки от буррито в промасленный пакет, машинально добавила: — Моя мама даже не знает, где я. Я сбежала после смерти отца, даже не предупредив ее.

— Она виновата, — вынес он свой вердикт.

— Мама? — я резко обернулась.

— Да нет, бродяга. Эта девчонка с рюкзаком.

— Да пошел ты! Ты меня совсем не знаешь.

Он пожал плечами:

— Тогда в путь-дорогу, Шут!

В тот вечер, когда мы вернулись с Фестиваля высоких кораблей в Дулуте, я долго лежала в своем «лофте» и слушала, как вокруг зажженной лампы вьются комары, мотыльки и мухи. Они вползали в хижину через прорехи в сетках, через крошечные щели в двери и в оконных рамах. Мама сидела за столом и ждала, когда же я соизволю сойти вниз и поговорить с ней. Я слышала, как она ерзала на стуле, как поскрипывали сосновые половицы под ее тяжестью. Я прямо-таки ощущала ее желание, чтобы я спустилась по стремянке со своего лежбища: чтобы сила гравитации подхватила меня за лодыжки и сволокла вниз, и усадила рядом с ней, и заставила рассказать о

поездке в Дулут. Она так хотела, чтобы у меня возникло желание рассказать ей наконец о Патре и о ее семье, чтобы она могла высмеять их и их жалкие буржуазные ценности, но в то же время гордиться мной — тем, что я так хорошо с ними поладила и узнала, как оно все происходит в мире, вместо того чтобы сражаться с этим миром, как она делала всю жизнь. Я прямо чувствовала, как она жаждет такого разговора. Но если бы я удовлетворила ее любопытство, если бы я поведала ей о луковом супе в «Денниз», о нашем гостиничном номере в бордово-белых тонах, она бы выставила Гарднеров заурядной и убогой, ничем не примечательной семейкой.

— Не смотри на меня так! — сказала бы она. — И что это у тебя на голове? — Она бы сразу заметила обруч, начала бы потешаться над ним и несколько раз назвала бы меня «тинейджером».

А я и была тинейджером. Кем же еще я могла быть?

И вела я себя соответственно. В моем «лофте» было окошко — стеклянный квадратик, который я иногда летом распахивала и подпирала раму сосновым сучком. Пролежав без сна довольно долго, я открыла это окошко и протиснулась сквозь него наружу — я была тогда гибкой, как

гимнастка, — и спрыгнула на чуть качающуюся ветку сосны, росшей позади хижины. Потом я ловко перебралась с одной ветки на другую и спрыгнула на крышу мастерской, что была в паре-тройке футов ниже. Отец мог услышать шум, но он подумал бы, что это ветка упала или опоссум пробежал. Он никогда не воспринимал звуки леса так же серьезно, как я: это же обычное дело, когда девяностофунтовая масса бродит по ночному лесу. Ерунда какая! Вот и я — такая же ерунда. Я старалась не смотреть через озеро на коттедж Гарднеров, чьи огни могли бы помешать моему ночному зрению. А так я дала возможность глазам привыкнуть к ночной тьме. Постепенно все предметы вокруг видоизменились во мраке. Из темных силуэтов веток проступили реальные ветки, и хотя все небо заволокло тучами, я без труда слезла с крыши, двигаясь на ощупь. Сначала я просто хотела отойти от хижины подальше, двигаясь к озеру привычным путем. Но добравшись до озера, я заметила потрепанное отцовское каноэ — оно будто ждало меня.

В тысячный раз я получила удовольствие от плавного перехода через спокойное озеро. Мне даже грести особенно не пришлось: каноэ буквально само скользило к противоположному

берегу.

— Хочешь знать, что бы сказал Юнг? — спросил Ром. Я стояла в дверях его квартиры с пакетом из-под буррито. — Архетипический Шут — это Питер Пэн. — Последние слова он произнес с британским выговором. И наморщил нос.

— Бла-бла-бла… — отрезала я.

— Но это правда. Маленькая гёрлскаутиха в золотых туфельках, со своим домашним зверьком и обедом в пластиковой коробке.

Я застегнула молнию до конца и сжала в руке пакет с мусором. Я подумала, что он издевается надо мной, и в то же время мне было его жаль.

— Ты же обещал рассказать о моем *прошлом*, а не о дурацком будущем.

— В данном случае это одно и то же.

13

Что в коттедже на том берегу ни одно окно не было освещено, что меня удивило, а ночное небо еще озаряли всполохи позднего заката, а значит, самая темная пора ночи еще не наступила, — все это привлекло мое внимание не сразу. Я глубоко опускала весло в усыпанную палой листвой воду. Был еще июнь, но осень, казалось, уже незаметно подкралась и ободрала несколько осин. Я так и не переоделась после поездки в Дулут. Я не сняла в «лофте» ни теннисные туфли, ни выходные джинсы, в которых мне было тесно, когда я орудовала веслом. И Патрин обруч для волос впивался в голову, отчего стянутая им кожа нестерпимо болела, словно жаловалась.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!» — словно повторяла моя голова с каждым моим гребком.

Я не собиралась плыть в какое-то конкретное место, я просто хотела оказаться подальше от дома. И я отдалась на волю ветра и озера, позволила ветру и озеру унести меня куда угодно. После нескольких минут гребли я положила деревянный черенок весла на колени, и каноэ

заскользило по водной глади. В висках стучала кровь. Боль сместилась от головы к челюстям и задней части черепа, вызывая тошноту, заставив меня вспомнить, что на обратном пути из Дулута мы так и не остановились поужинать. А на завтрак, совмещенный с обедом, я ограничилась несколькими кургузыми клубничинами. Когда я подумала об этом, когда поняла, что, по сути, целый день ничего не ела, мне стало и впрямь совсем плохо. И внезапно нахлынуло ощущение дурноты. Хотя могу сказать, что это ощущение преследовало меня несколько последних часов, словно дожидаясь, когда я окажусь на открытой местности, посреди озера, прежде чем меня атаковать. У меня кружилась голова, тело стало как ватное. Каноэ доплыло до дальнего берега, и стоило мне повернуть голову, как все начинало качаться перед глазами. И озеро Стилл-Лейк перестало казаться спокойным[28].

Хватаясь обеими руками за борта, я осторожно вылезла из лодки. И хотя я ничего такого заранее не планировала, меня не удивило, что я бреду и шуршу влажной галькой под верандой-палубой коттеджа Гарднеров. В голове у меня не было

---

[28] Примечания: 28
Стилл-Лейк — дословно: «Спокойное озеро».

вообще ни одной мысли. Я просто была голодна, и утомлена, и прилично одета, и не хотела оглядываться на хижину, где за окном маячила мама и держала в липких пальцах обкусанную грушу.

Я пробралась к входной двери.

Нет, сказала я потом в полиции, я беспокоилась не о Поле. Я беспокоилась о том, где бы поесть. Я решила, что просто войду в коттедж — я ведь знала, что входная дверь никогда не запиралась, — пороюсь в кухонном буфете и найду коробку брецелей. Я знала, что никого при этом не разбужу, просто беззвучно пожую и уйду, и никто даже не заметит пропажи. Но когда мне в голову пришла такая мысль: найти брецели или батончики мюсли, я поняла, что этого недостаточно, что мне захочется открыть холодильник, и поесть творожного сыра прямо из коробки, и выудить двумя пальцами из банки два оставшихся маринованных корнишона, и слопать остатки сваренной для Пола лапши прямо из его плошки. Покончив с едой, я думала сходить, не зажигая свет, в туалет и пописать (тихонько, чуть слышно журча), опустить в карман лавандовый обмылок, стащить сотовый Патры и засунуть под футболку рукопись Лео. Разве я не спланировала все это давным-давно? Мне вдруг показалось, что

да, спланировала. Но, разумеется, никакой это был не план, а просто пульсация в моей голове, просто засевшее стремление взять больше, чем мне нужно.

«Фи-и-фа-фо-фам!» — подумала я, медленно повернула дверную ручку и вошла.

В большой комнате царил мрак, ничего было не различить. Сначала я увидела большие треугольные окна, а за ними — узкую полоску света, от которой я сбежала: освещенные окна родительской хижины. По привычке я скинула теннисные туфли и поставила их у стены.

В одних носках я прошла к буфету. И мысленно нацелилась на снэки в мятых пакетиках. Еще я надеялась найти батончики мюсли с арахисовым маслом, аккуратно сложенные в коробках. Дверца буфета издала сдавленный скрип, и не успела я схватить коробку и закрыть буфет, как волосы у меня на шее вздыбились.

— Линда?

Я обернулась.

В тени на кушетке сидела Патра. Она медленно встала черным силуэтом на фоне окна, и у меня возникла какая-то абсурдная уверенность, что, если я ни слова не произнесу и останусь стоять как вкопанная, она меня не заметит.

— Это ты?

Я молчала и не шевелилась.

— О господи! — продолжала она. На ней была футболка, и ее голые ноги белели во тьме как березовые стволы. Она даже не удосужилась прикрыть краем футболки голые ляжки, когда подошла ко мне. — Что ты тут делаешь? А, постой, Лео забыл тебе заплатить, да? Или ты оставила в машине свой рюкзак? Боже ты мой, Линда! Я видела, как ты плыла в лодке через озеро, я смотрела на тебя и думала — такая вот мысль мне пришла — она плывет нас спасти, эта девочка в лодке. В темноте такая странная чушь в голову лезет! Так странно ведет себя мозг, воображает себе всякую… И ты не знаешь, то ли это сон, то ли нет, и ты думаешь: это девочка, это же умная девочка сидит на веслах и плывет к нам, чтобы увезти нас отсюда…

— На одном весле… — едва слышно прошептала я.

— Что?

— Два весла в шлюпке, а у каноэ одно весло.

— А, ну да. — Она приложила руку к виску, отчего ее футболка приподнялась и из-под нее показались трусики. — Я несу чепуху. Наверное, я задремала, перед тем как выглянула в окно, и

увидела тебя. Лео забыл выписать тебе чек? Или ты пришла за чем-то еще?

А и правда, зачем я пришла? У меня громко заурчало в желудке, и теперь я смогла получше осмотреть комнату. Я увидела закрытую корзину для пикника на кухонной стойке, сотовый в руке у Патры, заметила, как она нетерпеливо постукивает по нему пальцем, глядя мне в лицо и дожидаясь моего объяснения. Я перевела взгляд на дверь в детскую. Дверь была закрыта. Под ней виднелась полоска света. И когда Патра повернула голову, проследив мой взгляд, до моего слуха донесся тихий голос Лео.

Патра дотянулась до выключателя, и меня охватила легкая паника.

— Подождите…

— Должна тебе сказать: у нас никто не спит.

— Но… — Я подсознательно все еще надеялась сбежать незамеченной.

— Сегодня у всех бессонница!

Тут дверь в детскую отворилась, и показался Лео. Патра включила свет, и мы оба, внезапно полуослепнув от яркой вспышки, сощурились. Лео с удивлением — нет, с испугом — вытаращил на меня глаза: он явно не ожидал меня увидеть.

— Что? — спросил он, и на мгновение по его

лицу пробежала тень страха. И мне вспомнилось то утро, когда я его впервые увидела в доме, сжимая в руке мачете. Тогда он показался мне совершенно безобидным, почти незаметным. Он пожал мне руку, представился, налил нам по стакану сока. А теперь он вел себя так, словно я представляла для него опасность, а может, так оно и было — и мне этого очень хотелось! — но не в том смысле, что он себе напридумывал. Стараясь не привлекать внимания к своим действиям, я положила коробку с батончиками на стойку, задвинув ее за корзину. Скрестила руки на груди.

— Линда? — продолжал он.

— Ты забыл ей заплатить, — пояснила Патра.

— Разве? — Лео буравил меня взглядом. Похоже, он намеревался учинить мне допрос о причинах моего незваного появления в доме, но потом вроде как передумал. — Забыл! Пожалуй, что забыл… — Как и я, он все еще не переоделся после поездки: все те же шорты-хаки и аккуратно заткнутая за пояс рубашка, но теперь на нем еще были черные тапки. Они шлепали по его голым пяткам, когда он пересек комнату и сел за стол выписать мне чек.

Из спальни Пола донесся какой-то звук — то ли жалобный всхлип, то ли тихий возглас.

— Он есть хочет! — пояснил Лео, склонившись над чековой книжкой. — Думаю, надо испечь блинки. Эта еда всем нравится. Он готов позавтракать.

Сейчас вряд ли было больше одиннадцати. Самое позднее, около полуночи. Небо, когда я плыла через озеро, было ясным и светлым. Но на какое-то мгновение я решила, что и в самом деле потеряла счет времени и незаметно для меня прошла целая ночь. И что это за зарево в небе — уж не рассвет ли?

— Завтракать? — Патра была смущена не меньше моего.

— Ну да! — Он поднял глаза. — Еще рано, но не слишком. И где сказано, что нельзя завтракать пораньше? Кто придумал такое правило?

Он вырвал чек и передал мне:

— Вот, держи!

Я прочитала вписанное прописью число: сто пятьдесят долларов. Таких денег я за всю свою жизнь не видела, и все же эта сумма была не такая ощутимая, как те десятки, что мне давала Патра. Строчка, где Лео должен был вписать мою фамилию, осталась незаполненной.

— Не будем задерживать Линду.

Патра внезапно схватила меня за руку.

— Почему бы ей не остаться на завтрак?

— У нее сегодня был очень-очень долгий день, — с нажимом произнес Лео.

— Надо было сделать остановку на обратном пути, — посетовала Патра. — День не был бы таким длинным, если бы мы сделали остановку.

— Он же спал. Было правильно дать ему поспать.

— Но теперь, ты говоришь, он проголодался?

— Думаю, он мог бы съесть лошадь! — сказал Лео. — Но он собирается спать весь день, поэтому сейчас он проснулся. Он проснулся и рассказывает всякие истории.

— И это правильно? — Ее голос дрогнул.

— И это правильно.

Он обнял ее, подвел к кушетке, усадил. Потом сел перед ней на корточки, стал целовать ей лицо. Он целовал ее щеки, морщинки на лбу, веснушки на веках. Она все еще теребила свой сотовый, постукивая по нему большим пальцем, и я видела, как что-то в ее душе разгладилось — так рука разглаживает смятую после долгого неспокойного сна простыню. Я еще ни разу не видела, чтобы Лео был с ней таким нежным, и смотрела на них как завороженная. Он убрал волосы с ее лица так же, как Патра много раз при мне убирала волосы

с лица Пола, и тихо проговорил:

— Предлагаю нам всем позавтракать, хорошо? Начнем завтрашний день спозаранку. Нигде же не написано, что так нельзя делать.

— Завтрашний день? — переспросила Патра.

— Ну да, ну да.

— И мы просто позавтракаем?

— Блинчиками с сиропом, с клубникой и молоком.

И тут у меня набрался полный рот слюны, а Лео ушел в кухонный уголок и начал греметь там сковородкам и кастрюлями. Он отвлекся, чтобы вставить в музыкальный центр компакт-диск.

— Немного музыки? — бросил он через плечо. И вся комната утонула в звуках струнных, исполнявших какую-то классику. Патра, не сводившая глаз с открытой двери в комнату Пола, положила сотовый на кофейный столик.

Как только сотовый выскользнул из ее рук, Лео начал успокаиваться.

— Ну, пока, Линда! — бросил мне через кухонную стойку. Он не смотрел в мою сторону и счел, что я уже стою у двери и собралась уходить. Он не сводил глаз с Патры, которая, пошатываясь, шла от кушетки к коридору.

— Может, не стоит его сейчас беспокоить, —

крикнул он ей, держа в руке кастрюльку.

— Но он же спит?

— Он *в порядке*.

— Он не спит? — Патра пристально посмотрела на Лео.

— Он проснулся несколько минут назад. Он, должно быть, голоден. Он спросил, когда мы будем *завтракать*.

Итак, Лео стал готовить завтрак. Он включил весь свет в большой комнате и в кухонном отсеке, не пропустив ни один выключатель. Он налил кипяток в кастрюльку, чтобы подогреть бутылку с сиропом, и за минуту-другую замешал золотистое жидкое тесто, которое выливал маленьким половничком на раскаленную сковородку и кончиком лопатки разравнивал скворчащие круги. И пока блинчики пеклись, он тихо, но настоятельно намекал, что мне пора уходить:

— Ты получила свой чек, Линда. Спасибо тебе большое.

— Не стоит! — говорила я, принюхиваясь к витавшему по комнате теплому аппетитному аромату свежеиспеченных блинчиков.

— Ты нам очень помогла, спасибо. Очень-очень помогла.

Он улыбался, не глядя на меня, и его лоб лос-

нился от пара.

— Дайте мне что-нибудь сделать, — предложила я. — Могу налить всем молока.

— Это очень мило с твоей стороны. Но уверен, ты устала!

— Да не особенно.

— Ты и так уже помогла нам.

— Вам не хватит теста для меня?

— Да нет же. Я просто думаю, что родители тебя уже заждались.

— Я вам мешаю?

— Нет! — Он стиснул зубы. — Мы были бы рады, если бы ты осталась, но…

Я воспользовалась его враньем. Я восприняла его слова буквально. Выставила на стойку четыре стакана, открыла картонку с молоком и наполнила все четыре. Потом достала из буфета тарелки и принесла их на стол. Тут вдруг откуда ни возьмись появились коты и бросились тереться щеками о мои лодыжки. От пара над сковородкой с блинками все оконные стекла запотели. И теперь за ними ничего было не разглядеть.

Прощай, лес, подумала я, прощай, мир! Блинки скворчали, коты мяукали, вода в кастрюльке с бутылкой сиропа шумно кипела. По комнате плавали волны классической музыки. Я разложила

на столе ножи и вилки, бумажные салфетки, нарезала кусочками масло в масленке. Когда Лео повернулся к нам спиной, Патра, чуть согнувшись, заглянула в детскую, держась за дверной косяк. Потом выпрямилась, прошлепала босыми ногами по комнате, поправила подушки на кушетке, выровняла книги на полке, сложила одеяло.

Она резко обернулась:

— А это хорошая идея! Правда? Позавтракать! — Затем добавила: — И Линда с нами! — Подошла ко мне и слегка приобняла, прижавшись, так что я почувствовала на плече ее остренький подбородок. Миниатюрная Патра, на целый дюйм ниже меня, — кожа да кости, холодные и влажные под ее тонкой футболкой. Она отпрянула и чмокнула Лео сзади в шею.

— Лео Большой, — сказала она, привстав на цыпочки. Я заметила, что в ней клокочет энергия, которую она с трудом сдерживала. Все ее движения были исполнены некоей нервной, преувеличенной страсти, словно она силилась что-то унять в себе, затолкать обратно. Она торопливо ополоснула лопатку, которой Лео перемешивал тесто для блинов, вымыла плошку, в которой он приготовил тесто, бумажным полотенцем смах-

нула крошки со стойки, потом вдруг схватила яйцо из картонной коробки и рассеянно сдавила его так, что оно лопнуло в ее руке.

— Что я наделала! — воскликнула она, подняв перемазанную липким белком ладонь. При этом она натужно рассмеялась. — Какая же я растяпа! — И она принялась яростно вытирать руку кухонным полотенцем, сначала ладонь, потом палец за пальцем. — Так, я умираю с голоду! Где эти ваши блины?

Я принесла Патре стакан молока и, когда Лео ушел проведать Пола, выложила две горки блинков на наши с ней тарелки. Лео вернулся через несколько секунд. Глядя на Патру, он улыбался — да так заразительно, что у нее невольно уголки рта тоже разъехались в улыбке, — и объявил:

— Маленький король требует принести порцию ему в постель!

И он снова отвернулся, прихватив тарелку с блинками и стакан молока.

На полпути он обернулся:

— Я сам, Патра. Сиди и ешь.

Она плюхнулась обратно на стул.

Ни слова не говоря, она оторвала пальцами кусок блина и сунула себе в рот. Я последовала ее примеру. Я зверски проголодалась, а блинки

были теплые и мягкие и немного клейкие в середине, где тесто не до конца пропеклось. Эти блинки можно было глотать, не жуя, набить ими полный рот и чуть ли не пить их, как кисель. Я отдирала куски от целых блинков и запихивала себе в рот, а когда подумала, что не смогу остановиться, никогда не наемся досыта, взглянула на Патру и заметила, что она перестала есть. Ее рот был полураскрыт и куски непрожеванного блина застряли у нее между зубов, а на нижней губе выступила белая пена. Она сидела неподвижно, раздув щеки, секунд десять или двадцать, а потом наконец зажмурилась, медленно подвигала челюстью и с усилием проглотила большой блин целиком. Я прямо-таки видела, как он проскользнул ей в глотку.

— Патра? — проговорила я, и где-то глубоко внутри шевельнулся комок страха.

Потом меня спрашивали, как себя чувствовал Пол в тот момент.

А я помню, как подумала, что Патра подавилась и сейчас задохнется. И еще я подумала: а может ли такая безобидная и мягкая штука, как свежий блин, передавить трахею? Возможна ли такая случайность?

— Ух, — выдохнула Патра. Поднялась из-за стола и пошла к кушетке. Она подтянула свои костистые коленки под футболку и положила голову на подушку. — С меня хватит! — прошептала она.

Который час? Было или очень рано, или очень поздно, и, взглянув на рассыпанные по всему столу крошки и на горку оставшихся блинов, я вдруг поняла, как устала — я была как выжатый лимон. Я скомкала салфетку в шарик, допила молоко из стакана, потом обошла комнату, выключая все лампы, которые зажег Лео. Я нашла одеяло, которое Патра несколько минут назад аккуратно сложила, и, взмахнув им, накрыла ее, скрючившуюся на кушетке, а сама присела на краешек у нее в ногах.

Музыка все еще звучала.

Я ничего не сказала Патре. Мы молча смотрели в окно. Хижина моих родителей на том берегу теперь погрузилась во тьму. Но ночное небо все еще было подернуто заревом. Наверное, сейчас вышла полная луна, подумала я, а может, наконец наступает настоящий рассвет. На берегу отцовское каноэ поблескивало, как выброшенная на камни рыбина.

— Так вы видели, как я подплыла? — спросила

я. Мне захотелось снова услышать ее рассказ.

— Да, Линда.

— Вы когда-нибудь плавали в каноэ?

— Угу. Один раз. Но я не такая, как ты. Я городской житель, понимаешь?

— Знаю.

Она поглядела на меня из-под одеяла.

— В летнем лагере. Меня запихнули в каноэ, и у меня была только одна мысль: сейчас я выпаду из лодки в воду. И чем больше я об этом думала, тем больше боялась, что в конце концов я переверну лодку, потому что я очень живо себе это представила. Так и случилось: плюх!

— Все бы так думали.

Она медленно выдохнула.

— Мне нужно научиться лучше контролировать свои мысли.

— Все рано или поздно переворачивают лодку.

— Неужели? Лео о таком не стал бы думать.

— О чем?

— О худшем. О том, что может произойти самое худшее.

Я ничего не сказала.

— Он хороший отец.

— Вы так считаете?

— И Пол. Мой Пол очень хороший.

— Это правда.

Похоже, ее обрадовали мои слова. Она приподняла одеяло, приглашая меня залезть под него. Я легла рядом с ней, и она набросила на меня одеяло.

— Хочешь, я расскажу, как Пол родился? — спросила она, обернув одеялом мои ноги.

Об этом я никогда раньше не думала. Я всегда думала о Поле как о сформировавшемся ребенке, как о четырехлетнем пришельце с другой планеты. Я никогда не представляла себе его младенцем, существом, которому когда-то было несколько часов от роду, красным влажным комочком плоти, выходящем из чрева Патры.

— Я кое-что тебе расскажу, Линда. — Мне ужасно захотелось услышать ее рассказ. — После того как я забеременела Полом, я долгое время плохо себя чувствовала. Меня преследовало убеждение, что я обречена, что если со мной может произойти что-то плохое, то оно произойдет обязательно. И мне было очень плохо. А Лео все повторял: ты боишься, вот и все. Ты боишься! Да, я боялась! Все беспокоилась, что я совершила большую ошибку.

— Вы только окончили колледж?

— Мои однокашники записывались в Корпус

мира, поступали в аспирантуру.

— Ничего удивительного, что вы так нервничали.

— Дело не в том, что я боялась. Просто я реально чувствовала себя плохо во время беременности. Вот такие у меня были осложнения. Лео продолжал убеждать меня меньше нервничать, читал мне свои книги, но все было одно к одному. Плод был недоразвит, начались преждевременные схватки. В общем, сплошные неприятности. Беда на беде бедой погоняет. А потом, во время родов, я буквально почувствовала, как мое сердце остановилось. Я собственными ушами слышала, как оно стучит: тум-тум, тум-тум, тум-тум. — Тут она похлопала меня по ноге. — А потом — полная тишина. И вот тут-то меня посетила слабенькая мысль, что я не имею права бояться, что Бог просто этого не допустит. Бог просто не позволит моему сердцу остановиться, понимаешь?

У меня перехватило дыхание от такой мысли.

— Не позволит…

— Потом Лео уверял меня, что мои мысли о Боге — это и был Пол. Потому что такая мысль ко мне пришла как раз в тот момент, когда он появился на свет.

За окном чернели деревья, прямые и негнущи-

еся. Патра затихла, держа руку на моей ноге. Она молчала долго, и я решила, что она уснула, но потом я почувствовала, как она шевельнулась и приблизилась ко мне, так что наши головы почти соприкоснулись на подушке.

Она зашептала:

— Я очень долго сопротивлялась образу мышления Лео. Я все повторяла ему: у меня просто не такой ум, как у тебя, чтобы безоговорочно верить во что-то. Но Пол родился, и все было замечательно. Пол был идеальным ребенком, с ним всегда было легко. Я была счастлива и перестала спорить с Лео. Относиться к жизни так же, как он, мыслить так же, как он, казалось легко. А что сказать о счастье? Нечего, понимаешь? Никто тебе не верит, когда ты об этом говоришь. — Она заплакала. И спросила сквозь слезы: — Я же счастлива, правда? Мы кажемся тебе счастливой семьей?

— Конечно, — заверила я ее. — Вы счастливые.

Я, наверное, задремала, потому что в следующий момент обнаружила свои ноги частично под одеялом, частично под ногами Патры. Я не могла шевельнуться под ее мягкой теплой тяжестью. Я видела ее голову, высовывающуюся из-под одеяла, и вдруг все мое тело наполнилось радо-

стью — такой же, которая наполняла его, когда я лежала в обнимку с Тамекой в спальном мешке на нашей общей кровати. Меня захлестнуло старое ощущение, что спальный мешок — это как бы наше второе тело, которое мы надевали на себя каждую ночь, лучшее тело, куда более существенное, осязаемое, чем наши отдельные тела. Я прижалась к Патре, утопив бедро в промежутке между разъехавшимися подушками кушетки, и закрыла глаза. Должно быть, где-то в глубине моего сознания мелькнула тревога, потому что, помню, я еще подумала: тревожиться о чем-то сейчас — это все равно как бояться, что каноэ перевернется от того, что ты это себе вообразила. Такое просто невозможно, уверяла я себя. Так ведь не бывает!

Я проснулась от духоты и почувствовала, что вспотела. Компакт-диск уже перестал играть. И прохладный ветерок шевелил мои волосы. Я откинула свой угол одеяла, чтобы ветер обдул мою потную шею. Сколько было времени? Патра крепко спала рядом со мной на кушетке. Я поднялась, стараясь ее не разбудить, и, только сделав несколько шагов, поняла, что обдувавший меня ветерок дует снаружи. Я уловила запах древесины — свежий аромат сосновых иголок. Раздвижная

дверь на палубу-веранду была раскрыта, и весь ковер был усыпан бледными листьями, принесенными ветром снаружи.

Ежась от холода, я переступила порог. Наконец наступила ночь. Небо над озером висело беззвездное, темное, пустое.

Кто-то стоял, согнувшись, у окуляра телескопа.

— Пол?

Он взглянул на меня. Его личико было ясное и сияющее. Он выглядел крепче и здоровее, чем когда-либо раньше, и белки его глаз и белые зубы ярко выделялись в кромешной тьме. Светлые волосы были скручены его пальчиком в торчащий на самой макушке рог. Он улыбался.

— Ага, еще бобер! — хихикнул он.

— Пол… — На душе у меня стало вдруг легко-легко. Настолько, что я даже проявила строгость: — Ну-ка марш обратно в дом!

— А давай поиграем в выживших вместе! — предложил он.

— Не сейчас!

— Погляди! Вот идет медведь!

Он сорвался с места. Сбежал по деревянным ступенькам и помчался в лес. Для маленького ребенка он двигался куда ловчее и резвее, чем я предполагала: перемахивал через упавшие ство-

лы, сгибался под низкими ветками, продирался сквозь сосновые лапы, отгибая их в сторону, так что они потом хлопали мне по груди. Я бежала за ним в одних носках. А на Поле была пижама-комбинезон с зашитыми под ступнями штанинами. Я еле за ним поспевала, хотя передвигаться по мокрым листьям и мшистым камням было мне не в новинку. Потом последние ветки и деревья остались позади, и перед нами открылась гладь озера. К своему ужасу, я заметила, что вода после ранних ночных заморозков подернулась тонкой ледяной корочкой. Пол разок обернулся на меня, и его волосяной рог на голове согнулся. Он завопил:

— Нету никакого медведя!

И в следующее мгновение он упал на живот и, помогая себе локтями, быстро пополз по тонкой пленке льда, и тут я отчетливо поняла, как же холодно, как немеют озябшие кончики пальцев ног, и мои ноздри уловили щекочущий тонкий запах снега над водой.

— Пол! — крикнула я, осторожно ступив на лед, который хрустнул под моими носками, и почувствовала, как лед начал проваливаться. После третьего шага вода дошла мне до лодыжек. Я стояла в колкой холодной воде и наблюдала,

как Пол на локтях ползет по льду, по-змеиному подтягивая свое тело, вперед, к центру озера. И только тут я поняла, что вижу сон.

А потом наступил рассвет. Два серых треугольника неба проглядывали через большие окна. От озера поднимался туман. И сквозь молочную дымку я с трудом различала родительскую хижину на другом берегу. Мало-помалу я начала различать предметы в окружающем меня полумраке комнаты. В комнате Пола свет уже не горел. Откуда-то доносился храп Лео. А Патра тоже еще спала, рядом со мной на кушетке. Раздвижная стеклянная дверь была плотно закрыта. Все, абсолютно все было на нужных местах. Я села на кушетке — и увидела Дрейка: он ходил туда-сюда перед закрытой дверью детской.

Краешком глаза я заметила рукопись Лео на низком кресле. Спать мне не хотелось, но и вставать с кушетки тоже желания не было, и я потянулась к креслу и подняла верхний листок с толстой стопки страниц. Я думала, там будет что-то про космос, про ошибочные поиски внеземной жизни, основанные на неточных базовых допущениях. Мне казалось, я заранее знаю стиль научных работ Лео. Я ожидала встретить в его тексте специальные словечки и уравнения, впе-

ремешку с обманчиво простенькими вопросами. Я надеялась увидеть там схемы и графики.

Но, вопреки моим ожиданиям, начало рукописи было написано простым, понятным языком. Взяв в руки эту страницу, я сразу заметила, что она набрана иным шрифтом, чем остальная рукопись. Я дважды прочитала эту страницу от начала до конца, сначала сосредоточившись на напечатанных строках, а потом на правке Патры, сделанной фиолетовой ручкой. Она вычеркнула несколько его фраз и дописала тонким курсивом свой комментарий внизу.

Вот что написал Лео:

«Позвольте мне начать с признания того блага, которое представляет собой Церковь Христианской науки и вдохновенного учения Мэри Бейкер Эдди. ~~Я уже писал о своем сыне раньше~~, но сегодня я хочу выразить благодарность ~~всепроникающей~~ всесильной милости Господа, Кто проявляет Себя в детской душе во всех нас. Мой сын, который недавно боролся с представлением о боли в животе, поразил меня однажды вечером, попросив вместо его любимой сказки прочитать

ему перед сном «Научное определение бытия»[29]. Ему четыре года, но его мудрость давно стала образцом для его матери и для меня. Я прочитал ему всем нам известное «Определение»: «...В материи нет ни жизни, ни истины, ни интеллекта, ни сущности...» И когда я закончил, он спросил меня: «А что такое материя?» Я был поражен, ибо он никогда раньше не задавал такого вопроса. Как ученый я думал обо ~~всех определениях~~, о которых спорят и которые обсуждают мои коллеги, но как приверженец Христианской науки я был обязан сказать ему: «Это твои боли в животе и все прочее, что лжет тебе и пытается притвориться реальным». ~~Устами младенцев...~~» И тогда он сказал мне: «Значит, я — не материя. Ведь я не лгу». И я понял, что он знает лучше меня свою духовную сущность. Утром после нашего разговора боли в животе у моего сына совсем прошли, и он был готов подготовиться к поездке в выходные, которую наша семья запланировала. Его демонстрация завершилась. Как отмечает Мэри Эдди Бейкер, «осознайте хотя бы на миг, что Жизнь и

---

[29] Примечания: 29

Одно из важнейших положений «Христианской науки» М. Э. Бейкер, которое, в частности, гласит: «В материи нет ни жизни, ни истины, ни интеллекта, ни сущности. Все есть бесконечный Разум и его бесконечные проявления, ибо Бог — это Все-во-всем. А Дух есть бессмертная Истина...»

разум имеют сугубо духовную сущность, — но никоим образом не материальную, — и тогда тело перестанет жаловаться». И я безмерно благодарен нашей Церкви, которая все эти годы поддерживала меня и мою семью истинным учением Христа».

А вот что дописала Патра внизу:

«Может быть, начать с чуть более подробного описания Пола?

Может быть, уточнить, с чем он боролся?

И еще: «Устами младенцев». Он именно так выразился? «Значит, я — не материя»? Разве он не сказал: «Я ничего не значу»? Вспомни, как он расстроил меня этими словами, и как ты его поправил, и как это было смешно и мило, и мы все смеялись. И вспомни, как он сидел в твоей старой перчатке, натянув ее по локоть, и как он гладил твой подбородок, пока ты ему все это объяснял. Такие детали, мне кажется, тронут людей. Не забудь добавить несколько таких деталей. Или вспомни, как он пытался засунуть в перчатку сразу обе руки, сделать из нее плавник! Это же было смешно! Вспомни, как, когда он вынул руки из перчатки, тебе на колени посыпались мелкие камешки. Не знаю, годятся ли такие подробности для твоей статьи, но, по-моему, она прекрасна».

14

Однажды я написала мистеру Грирсону письмо. Как я выяснила, он тогда жил во Флориде, в небольшом городке недалеко от Таллахасси — городок назывался Кроуфордвиль, в честь какого-то врача, который жил там давным-давно. Так сказал интернет. Из онлайн-отчетов я узнала, что мистер Грирсон держит там лавку, где продает ланч-боксы, разрисованные персонажами «Звездных войн», и старые кресла-качалки, и открытки пятидесятых годов с изображениями апельсиновых рощ. Апельсины на открытках были ярко-желтыми и похожими больше на воздушные шарики, чем на настоящие апельсины. Люди их называли «хламом». А лавка называлась «Сундук с сокровищами».

«Дорогой мистер Грирсон», — написала я. И остановилась. Я тогда уже жила в Миннеаполисе. Я встречалась с автомехаником, работала офисной мышкой на временной ставке и, когда по ночам меня одолевала бессонница, читала жизнеописания путешественников, рассказы о тяготах восхождения на Эверест, когда люди обмораживали себе пальцы и выскребали ложками

лед из котелков. Я читала с фонариком, чтобы не разбудить Энн, спящую в своей одинокой койке напротив. Укрывшись в пещере из одеяла, я читала так часами, прислонившись к холодной стенке и раздражаясь удручающе наивными ухищрениями выжить в условиях высокогорья. Когда альпинисты неизбежно начинали восхождение на гору в разгар снежной бури, имея при себе только перочинный нож и лопату, я бросала чтение и пыталась написать мистеру Грирсону. Одно и то же письмо я начинала раз десять. За окном брезжил рассвет, потом снова брезжил рассвет, и снова. А я все писала:

«Уважаемый мистер Грирсон»... *«Дорогой Адам»*... *«Адаму Грирсону»*... *«Мой дорогой»*... И наконец:

«...Вы, может быть, не помните меня. Вы преподавали нам историю США в восьмом классе в городе Лус-Ривер, Миннесота. Я сидела у окна в рабочей рубашке и походных ботинках, у меня была длинная коса. Меня называли Мэтти. А вы меня звали миз Оригинальность, по названию приза, который я получила на олимпиаде по истории. Я делала доклад про волков, помните? Про историю волков. Я пишу вам это письмо, потому что я все думала кое о чем, что давно не дает

мне покоя. После того как вы уехали из Лус-Ривер и после того как Лили Холберн рассказала о том, что она сделала, никто даже не вспомнил, чему вы нас учили. Мне это было странно, как будто этого никогда не было. Но думаю, вы очень много душевных сил тратили на свои уроки. Я помню, как вы стояли перед нами и прочитали всю Декларацию независимости наизусть. Наверное, вам стоило большого труда запомнить ее. Я помню, как вы заставляли нас рисовать карты западных штатов, как будто мы были Льюисом и Кларком и нам нужно было запомнить направления течения рек, по которым мы проплыли. Должна признаться, когда вы повезли меня на олимпиаду по истории, я решила, что вы хотите посмеяться над моим докладом о волках, но потом я все гадала, почему вы выбрали из всех именно меня для этого доклада. Может быть, вам казалось, что со мной у вас будет меньше хлопот, чем с любой другой девчонкой, но теперь мне кажется, что причина, почему вы выбрали меня, имеет куда меньшее значение, чем сам факт.

А вы знали, что, когда Лили Холберн вернулась в школу осенью после вашего отъезда, она нас всех удивила? Какое-то время все считали, что она болеет. Она не болела, она была беременна, и это

в нашем городе поставило крест и на ней, и на вас, хотя многие к тому моменту уже знали, что она отказалась от своих показаний против вас. Зал судебных заседаний, как говорили, ее напугал. А вы можете себе представить Лили беременной? Она вообще-то была очень красивая. Она тогда даже стала еще красивее, чем прежде. И как-то она просто села на автобус и уехала в Сент-Пол, где, как говорили, при католической церкви была группа для таких же девочек, как она. Я слышала, она стала работать в лаборатории анализа крови. В той группе она прошла бесплатный курс профессиональной подготовки, получила бесплатно детскую одежду и самое необходимое для ребенка, так что теперь не трудно догадаться, почему она солгала про вас. Многие животные, попав в капкан, притворяются мертвыми. Я думаю, она поступила так же. Она нашла для себя коварный способ вырваться из убогой жизни, которая ее ждала, если бы ее заставили остаться в нашем городе и выйти замуж за парня, от которого она залетела.

Лили не была дурой, какой казалась. Но, возможно, вы это и так знали.

Одно время я подумывала переехать в Калифорнию. Вы ведь оттуда, да? Мне хотелось увидеть

там мамонтовые деревья. Мне хотелось почувствовать себя крошечной рядом с этими огромными деревьями, навсегда изменить свои представления о масштабе вещей. Я слышала, эти деревья так вот воздействуют на людей. Но Миннеаполис оказался более доступным. И здешние деревья очень похожи на те, что растут в Лус-Ривер, хотя их тут значительно меньше.

Я никогда не была во Флориде. Думаю, если бы мне пришлось как-нибудь зайти к вам в магазин, я бы непременно купила кресло-качалку с высокой спинкой на гнутых дубовых полозьях. Судя по картинке на вашем сайте, оно довольно удобное. И не выглядит хламом. Я читала в Сети отзывы о вас: что вам не следовало бы жить в их городе. И что, если в ваш магазин зайдет девочка, и т. д. Может быть, у них есть все основания так говорить, но, по мне, так вам следует знать вот что: я уверена, что вы ни в чем не виноваты. И считаю, что кто-то должен вам это сказать, и если этого еще никто не сказал, то вот я вам это говорю.

Искренне ваша, Мэтти Ферстон».

Рассвет — бесплатный билет. Мне так всегда казалось. Часы между четырьмя и семью утра принадлежат стайке суетливых птичек и, может

быть, последней эскадрилье голодных комаров. В Миннеаполисе в этот период движение на шоссе становилось интенсивнее и шумнее, и в конце концов световая полоска прорывалась сквозь шторы и плясала у меня на шее. Вот когда я откладывала книги и статьи. Ровно в семь я вылезала из кровати, кипятила воду на плите, потом заваривала кофе себе и Энн. В ванной я натягивала колготки. Высовывала язык и чистила его, а девушка в зеркале, не таясь, корчила мне рожи. Глаза у нее были красные.

Тем утром часы в коттедже Гарднеров показали семь, потом полвосьмого, но никто даже не пошевелился. Наверное, я удивилась, но лишь потому, что, по моим представлениям, семья Гарднеров обычно вставала рано. Лежа на кушетке рядом с Патрой, я наблюдала, как постепенно начала серебриться вода в озере, как потом в ней отражались блики восходящего солнца. Гагара села на воду у дальнего берега и огляделась. Мимо с ворчливым тарахтеньем проплыла моторка, а когда за ней промчалась другая, помню, как мне захотелось затормозить утро, натянуть поводья. Мне захотелось, чтобы приход утра замедлился, чтобы оно вообще не наступало.

Патра просыпалась нехотя. Она лежала и то

приоткрывала глаза, то снова их закрывала, словно мое присутствие ее успокаивало, позволяло ей вновь впадать в забытье без чувства вины. Когда ей на лицо упал луч света, все ее веснушки стали отчетливее и ярче. Я наблюдала за двумя — как они сошлись на ее открывшемся правом веке. Я увидела тонкий белый шрамик, который раньше не замечала, под пушком на верхней губе. Я заметила две малюсеньких чешуйки перхоти, застрявших у корней волос. Потом я вряд ли смогла бы описать кому-нибудь охватившее меня в те несколько часов ощущение счастья, невыразимое удовольствие сидеть рядом с ней, спящей на кушетке, и мне было очень трудно признаться, даже самой себе, как много для этого ощущения счастья значило отсутствие Пола и Лео, храпящего в соседней комнате. Полоска солнечного света поползла по ее укрытому одеялом бедру. Помню, как от ее дыхания мерно поднималось и опускалось желтое хлопчатобумажное одеяло, как во сне ее глазные яблоки двигались под веками. Я заметила у нее на шее голубоватую жилку. Но не дотронулась до нее. Я сидела, скрестив ноги, на кушетке, и желтое одеяло укрывало нас обеих, и из-под него выглядывала ее красная коленка.

В тот момент я не задалась вопросом, отчего

Патра решила остаться со мной в большой комнате, а не с Лео в их кровати или с Полом в его спальне. И я не думала, отчего она спала так долго, — что тогда мне показалось совершенно нормальным, лишним доказательством, что все в порядке. То, что она осталась со мной после долгих часов общения, и то, что она безмятежно спала, было единственным в мире успокоением, в котором я так нуждалась. Потом, само собой, я бы об этом задумалась.

Но когда на суде меня расспрашивали о ее действиях, у меня не нашлось убедительного ответа на вопрос, почему в ту ночь она ни разу не сходила проведать Пола. И сторона обвинения высказала предположение, что Патра осталась со мной, категорически не желая признать очевидное, и что она намеренно уподобилась пятнадцатилетней девочке, потому что подсознательно хотела снять с себя всякую ответственность за ребенка. Более великодушная интерпретация свелась к тому, что она просто отождествила себя со мной, потому что в каком-то смысле мы были так похожи: девочка-подросток и молодая женщина, обе впечатлительные, с неустойчивой психикой, попавшие под влияние взрослого догматичного мужчины. Лео, как было сказано на

суде, намеренно удалил от нее Пола. Обе версии, прозвучавшие на процессе, имели право на существование, — и я не могла не видеть оснований для обеих, — но даже в тот момент я понимала, что обвинение явно упустило еще что-то очень важное. Кое-что они не приняли во внимание. Они не учли осознание Патрой своей власти, не учли ее пусть непоследовательной, но упрямой решимости. Они не учли того, что делало Патру тем, кем она была.

Ей всегда требовался кто-то, кто мог бы наблюдать за ней со стороны и одобрять ее поступки.

Не я ли умела делать это лучше, чем кто-либо?

Когда Патра окончательно проснулась, села на кушетке и натянула одеяло на колени, она улыбнулась мне сжатыми губами, точно вознаграждая меня за мое ночное дежурство.

— Итак, — сказала она, — Джанет осталась на всю ночь.

— Почему Джанет?

— Так Рочестер называл Джейн Эйр. Она была гувернанткой. Как и ты. — Она смахнула волосы с лица. — Вы обе гувернантки. — Она улыбнулась, произнеся это слово. Потом, словно спохватившись, добавила: — Который час?

Я пожала плечами. Она выпрямилась.

— А где Лео?

Я снова пожала плечами.

Она бросила тревожный взгляд в сторону коридора. Но вместо того чтобы встать, чего я от нее ожидала, она закрыла глаза. Похоже, она с чем-то внутренне боролась, призывая себя оставаться спокойной, собрать в кулак всю свою силу воли. Потом она шумно выдохнула сквозь зубы, обдав меня волной неприятного запаха разложения и гниения — смрада непереваренных остатков пищи.

Она опять открыла глаза, чуть прищурилась.

— Ты это прочитала? — Она уставилась на страницу рукописи Лео, лежащую на стуле рядом со мной.

Помедлив секунду, я ответила:

— Да.

— Ну и хорошо. — Согнувшись, она подалась вперед — и стала похожей на горгулью. Положила влажную ладонь мне на предплечье. — Знаешь, это хорошо, — произнесла она на выдохе, словно мысленно уговаривала себя решиться на что-то важное.

От ее зловонного дыхания и от тяжести ее ладони, лежащей на моей руке, я невольно со-

дрогнулась.

Я склонилась, чтобы снова вдохнуть ее запах изо рта, и меня передернуло от отвращения к самой себе, но в то же время мне стало интересно.

Она заговорила совсем тихим голосом — тише обычного:

— Я все не устаю уверять себя: тревога — это проблема. Ее надо преодолевать, так?

Я заколебалась:

— Не знаю.

— Это проблема моего сознания.

— Ну… — Я подумала над ее словами. Тут явно была какая-то загвоздка, какой-то подводный камень. — Что вы имеете в виду?

— Что я имею в виду? — Такое было впечатление, что мой вопрос прочистил ей мозги, очистил ей душу. Патра высунула язык — она что, смеется надо мной? И я увидела, как ее язык, под слоем белых остатков пищи, втянулся назад. По сравнению с Патрой вчерашней Патра сегодняшняя была менее собранной, более разболтанной, более интригующе провокационной. Она сглотнула и схватила мою руку. Ее взгляд перепрыгивал с предмета на предмет.

— Ты права, Линда. Конечно, ты права. Глупо тревожиться о тревоге. Смотри: Дрейк вернулся,

Лео с нами и ты с нами тоже. Все хорошо!

— И я с вами тоже.

— Все просто отлично!

— Да, все! — кивнула я. — Я вижу, вижу.

— На небе ни облачка. А это птички поют, да?

— Синицы.

— О, ты знаешь! Я знала, что ты это знаешь!

И раз уж сейчас так легко было ее обрадовать, я добавила:

— И пурпурные ласточки.

— Ласточки, очень хорошо!

— Да, и еще… — Я прислушалась. — Две гагары. — Хотя это было, скорее всего, урчание лодочного мотора. А может, я просто выдумывала, немного преувеличивала.

— Ну, конечно, две гагары. Надо было догадаться. Надо было. Главное для меня — научиться воспринимать вещи такими, какие они есть в реальности, ну вот как этот…

Перед глазами вспыхнула картинка: белое поле льда, сковавшего озеро.

— Нам просто нужно познать истину, — закончила она.

Вот истина: все в доме спят — все, кроме нас. Я кивнула.

— Э, да на тебе мой обруч для волос! — Ее взгляд

упал на мою голову.

— Ну… — Я не стала возражать, наслаждаясь ее пристальным взглядом. Боль от обруча не прошла, но она сейчас была другая. Эта боль стала частью моей головы: она как бы вросла в мою кожу и — исчезла.

— Тебе идет!

А потом зазвонил ее сотовый. Прозвучали три такта музыкальной темы «Звездных войн», после чего из-за двери показался Лео — внезапно, как взлетает рябчик из кустов. Патра схватила сотовый и подбежала поближе к веранде, где связь была лучше.

— Алло? Спасибо, да!

Я тоже встала, придерживая одеяло, все еще хранившее тепло наших тел. Я не спускал глаз с Лео в дверях, но он ни разу не взглянул на меня. Он смотрел на Патру, которая с энтузиазмом соглашалась с собеседником и ходила взад-вперед, беспрестанно кивая:

— Хорошо, хорошо, хорошо!

Потом она замерла, чтобы лучше понять смысл сказанного.

— Я стараюсь так и делать. Я очень-очень стараюсь. Правда! — Она просияла. — Я чувствую себя намного лучше сегодня. Сейчас, наверное,

наступил решающий момент. Да-да, он безупречен в глазах Господа. Именно об этом я думала в последнее время. И знаете что? Я же не рассказала вам самого главного. — Она пошла к столу. — Он позавтракал. Что? Блины. Что вы говорите? Простите, у нас плохая связь, но совершенно верно, да, это так. Да-да, мы вам очень благодарны!

Закончив разговор по телефону, она обернулась к Лео с неуместной широченной улыбкой, которая моментально увяла.

Одного взгляда на Лео было достаточно, чтобы улыбка исчезла.

В суде меня спросили: вам известно, они, в принципе, обращались к врачу?

Патра произнесла неуверенно:

— Это была целительница… мизис Джулиен?

— Да, — подтвердил Лео. Хотя, разумеется, с ней только что беседовал вовсе не он, а Патра.

— Она сказала, что мы должны быть благодарны, — с той же интонацией.

— Мы благодарны, — сообщил он.

В то утро в нем проявилась невозмутимость, экономность в жестикуляции, как будто он наконец осознал, как мало ему требуется движений, чтобы оставаться самим собой. Я наблюдала,

как он пытается сложить некое подобие улыбки. Уголки его губ поползли вверх и вбок.

— Как насчет горячего какао? — обратился он к Патре. — Поставь чайник, Пи!

Она послушно тряхнула головой, а когда двинулась через комнату к нему, произошло нечто странное: все вязаные половики у нее под ногами стали сначала разъезжаться, а потом съезжаться. Так стремительно она шагала.

Лео остановил ее, расставив навстречу ей руки и заключив ее в объятия.

Когда он ее обнял, его голос переменился. Он зазвучал с музыкальными интонациями, с чередующимися высокими и низкими нотами:

— Ну что с тобой, Патти Пи? Давай не будем нарушать наш уговор, Патти Кекс. Будем делать то, что и всегда: сварим какао, вычистим кошачий лоток, как в самое обычное утро. Ты можешь это сделать для меня?

Я видела, как он прижал губы к ее уху.

А потом обратился ко мне поверх ее головы — его голос уже не пел:

— Линда, поможешь мне сделать одну вещь?

Я-то думала, что он меня полностью игнорирует, поэтому его вопрос застиг меня врасплох. Я нахмурилась и уже приготовилась отрицательно

помотать головой. Но потом ощутила, как мои плечи приподнялись, как бывало всегда, когда требовалось занять оборону. Когда он выпустил Патру из объятий и повернулся, я невольно поплелась за ним.

Меня разобрало любопытство: я ничего не могла с этим поделать.

— Патра! — строго произнес он, когда она двинулась за нами следом. — Свари какао. Потом кошачий лоток. Оденься. Может быть, повторишь урок? Сегодня замечательный день.

В моем сне Пол был ловкий и быстрый. И вел себя одновременно озорно и возбужденно, чем забавлял и одновременно раздражал меня. В моем сне я в конце концов на него рассердилась не на шутку. Было в его поведении что-то зловредное — в том, как он полз на животе по хрупкому льду. И когда я последовала за Лео в детскую, я еще ощущала остатки негодования, которое Пол у меня вызвал во сне. Но стоило мне только взглянуть на него, лежащего в кровати, как мое негодование вмиг улетучилось. Он же был всего лишь маленьким ребенком. И сейчас этот маленький ребенок спал. Я даже успокоилась, увидев, как он тихо лежит на животе, по самую шею укрытый одеялом, из-под которого торчала

его золотистая головка. Его потрескавшиеся губы были разомкнуты, глаза закрыты.

— Ну вот, Линда, ты только не бойся, — пробормотал Лео за моей спиной, и, как только он это произнес, меня разобрал жуткий страх. — Линда, все в полном порядке. — Мне почудилось, что он захотел похлопать меня по плечу.

Лео прикрыл дверь, и моим первым побуждением было отпрянуть прочь от кроватки. Вторым — стало желание срочно найти выход. Я пока не поняла, в какую западню он меня завел. Я почувствовала, как у меня свело икры и сотни иголочек впились в кончики пальцев.

У Лео было перекошенное лицо. Он ощупывал одну щеку кончиком языка, и я сразу интуитивно поняла, что так он делал, только когда оставался один.

— Мы играем в «Конфетную страну», — объяснил он почти сконфуженно, указав рукой на пол.

— Во что?

Но и так все было понятно. На ковре была разложена картонная доска, по которой змейкой извивалась тропинка из разноцветных клеточек.

— У Пола синяя фишка. У меня красная.

— Ясно.

Но Пол спал.

— Поиграй за него. Сейчас его ход. — Лео ободряюще кивнул. — А я сбегаю в туалет, я быстро, а потом мне надо сделать короткий звонок. Позови меня, если что…

Лео произнес это так жалобно, таким извиняющимся тоном, что мне даже стало его жалко. Он стоял и складывал на прикроватном столике Библию и еще какие-то книжки неровной низенькой башенкой. Потом посмотрел на тарелку с несъеденными блинками на комоде, — так поспешно, не повернув головы, словно не хотел, чтобы я заметила его взгляд, словно не смог удержаться, чтоб не посмотреть туда. Потом просто стоял и ничего не делал. Глаза красные, язык тычется в щеку изнутри.

— Лео… — обратилась я к нему.

Он начал кончиками пальцев заправлять рубашку за пояс.

— Вы только не бойтесь, — услышала я свой голос. Лео заправлял рубашку, заталкивая ткань поглубже. Он подтянул шорты и снова стал заправлять рубашку. Ткань натянулась на его плечах, и такое было впечатление, что он готов всего себя по самые плечи затолкать за пояс.

Чтобы отвлечь его, я присела на ковер рядом с

доской «Конфетной страны».

— Пол, — позвала я, чтобы заставить Лео уйти. — Твой ход!

Вообще-то я не умела играть в «Конфетную страну». Я никогда не играла в такие настольные игры, когда была ребенком, поэтому я не имела никакого представления о правилах, о том, как нужно передвигать фишки по клеткам. Тут не было ни костей, которые надо бросать, ни указателей-стрелочек, которые надо вращать. Я слышала, как дышит Пол под бременем одеял, но не пыталась его разбудить. Не думая, я вытащила карту из колоды. И сдвинула синего Пряничного человека — им играл Пол — на желтый квадрат, которому соответствовал цвет карты. Потом сдвинула красного человека Лео. Синий, красный… И тут с грустью поняла, что мне и не нужно знать правила игры. Тут и так все было понятно. Это была погоня, гонки. Пряничный человек Лео прошествовал мимо Скрюченного орехового домишки. Пряничный человек Пола выбрал короткий маршрут через Мармеладные горы. После нескольких ходов я сильно заскучала, как будто раньше играла в эту игру сто раз. Я машинально передвигала фишки по нарисованному маршруту. Лео плутал по тропинкам Карамельного леса,

а Пол застрял на Леденцовом поле. И когда фишка Лео уже почти настигла мою на Повидловом болоте, когда исход гонок уже казался очевидным, хотя от финиша нас отделяло еще немало ходов, я оторвала взгляд от доски.

— Пол?

Он смотрел на меня из кроватки. Его дыхание стало глубоким, а потом вдруг оборвалось. Половина его лица утонула в подушке, и меня разглядывал только один глаз. Немигающий, голубой.

— Пол? — повторила я.

Его подушка потемнела от слюны, когда он снова задышал.

Тогда я схитрила: поставила его Пряничного человека на финишную клетку.

Глаз глядел поверх моего плеча, мимо моей головы.

Я вскочила на ноги.

В коридоре я наткнулась на Лео. Он только что вышел из ванной, и с его рук капала вода.

— М-м-м? — спросил он, все еще застегивая пряжку ремня и оставляя большие влажные следы от ладоней на голубой ткани рубашки.

Я не знала, что сказать.

— Он выиграл! — Вот все, что пришло мне в

голову, и я услышала, как мой голос еле-еле прорвал пелену страха.

— Неужели? — Лео с явным облегчением отнесся к моим словам, точно победа в «Конфетной стране» была каким-то особенным достижением, словно наблюдать со стороны, как кто-то двигает твою фишку по доске, в данных обстоятельствах было равносильно впечатляющему успеху. — Это хорошая новость. Он, наверное, обрадовался. Наверняка. Мы не успеем оглянуться, как он снова станет прежним. Это произойдет быстро. Через несколько недель он будет готов пойти в садик.

— Но ему же всего четыре года! — воскликнула я словно в знак протеста.

Лео обдумал мое замечание и отверг его:

— У него отлично работает голова. Ты же его знаешь. Он очень, очень развит для своего возраста. Он справится. С ним все будет хорошо.

Я помотала головой:

— Он же еще такой… — «беззащитный», хотела я сказать, — …такой маленький. — Я пыталась надыбать доказательства в поддержку своих слов. — Он еще не умеет читать.

И тут, вспомнив, что Пол не мог даже произнести по слогам слово «паровозик» из своей любимой книжки, я осеклась, и у меня на глазах

выступили слезы.

Но Лео, похоже, не заметил моего волнения. Он положил влажные руки на бедра, приготовившись затеять со мной спор. Теперь, судя по выражению его лица, он чувствовал себя куда увереннее, вернувшись на свою привычную территорию, где, как он знал, его ожидал триумф.

— Ну, это, строго говоря, не совсем верно, Линда. И тебе это известно. Он немного умеет читать. Он может прочитать слова «Пол» и «нет».

— Да он просто запомнил эти слова! — Тут я сильно отклонилась от темы разговора.

— Уверен, это несправедливо. А что ты делаешь, когда читаешь? Ты разве произносишь слова вслух? А?

Я озадаченно покачала головой:

— Послушайте, Лео…

— Вот что, Линда… — Он вытянул руки и влажными ладонями схватил мои кисти и с силой, до боли, сжал мне пальцы. Он намочил мне руки и вдруг заговорил с музыкальными модуляциями, как раньше с Патрой, заявив непререкаемым тоном: — Ты нам очень помогла, а теперь я хочу немного побыть с ним, посмотреть, чем он там занимается. Ладно?

Я оставила Лео и ушла в большую комнату,

где после завтрака стол все еще был заставлен грязными тарелками. Капли кленового сиропа засохли, превратившись в янтарные бусины на тарелках. Крошки от блинов были разбросаны крупными созвездиями по деревянной столешнице, бамбуковым салфеткам, кленовым половицам.

Патра, все еще в своей футболке, чистила кошачий лоток. Она стояла на коленках посреди кухонного отсека. С голубым пластиковым совком и белым мусорным мешком она была похожа на ребенка в песочнице. Когда я подошла к ней, обойдя вокруг кухонного островка, она взглянула на меня и убрала упавшую на глаза челку.

Вероятно, у меня было такое выражение лица, которое ей не слишком понравилось, потому что, стоило ей бросить на меня взгляд, как она попятилась, скользя коленками по кафелю.

— Патра, — проговорила я, наступая на нее.

Она поднялась с колен. Дно кошачьего лотка серой мозаикой отпечаталось на ее красной коже. Я сделала шаг к ней, но она поспешно отгородилась от меня кухонным столом и оперлась о белый ламинат стойки.

Тогда я обошла кухонный островок и направилась прямо к ней, но она, отступая от меня, тоже

обошла его.

— Патра! — повторила я.

— Все в порядке? — умоляюще спросила она. Как если бы просила меня оказать ей любезность, как если бы я могла ее пощадить.

— Думаю, может быть…

— Может быть, что?

— Ему надо дать что-нибудь. Ну, купить в аптеке лекарство или…

— Только не говори Лео! — перебила она меня.

Я не стала ей говорить то, что могла бы.

— Типа тайленола или что-то в таком духе.

— Лео говорит: контролируй свои мысли! Думай о Поле, как о новом дне.

— Если хотите, я схожу в аптеку, хотите?

— И разве можно остановить наступление нового дня?

— Думаю, я схожу в аптеку за лекарством. — Я облизала пересохшие губы. — Патра? Патра?

Я приближалась к ней быстрее, чем она отступала. И теперь нас разделали какие-то дюймы. Она замерла, обдавая меня неприятным утренним дыханием и ароматом кошачьего лотка. Глядя ей в глаза, я могла сказать, что у нее в голове мелькали обрывки мыслей, неуверенно цеплявшиеся за шаткую грань между надеж-

дой и тревогой, и тут, поддавшись внутреннему импульсу, я поцеловала ее в губы, отчаянно ненавидя ее в это мгновение, желая сделать что-то другое. Сделать ей больно, ударить ее, чтобы она хоть как-то отреагировала на мои слова. У нее были холодные плоские губы, какие-то бесчувственные. Они и губами-то не выглядели.

— Только тайленол, — сказала она, отступая в сторону. Не одобряя того, что я сделала, — но и не возражая. Ей было все равно — как лодке, которую мотает на волнах.

— Это какая-то херня, — тихо сказала я.

— Что-о?

Вид у нее был такой несчастный, что мне даже не хотелось причинять ей боль. Футболка едва прикрывала ее трусики. Она была — вся, буквально — руки да ноги, такая нескладная, худющая, почти голая. Шрамик на ее губе, казалось, пульсировал, меняя цвет: то красный, то белый… Я это отчетливо видела. Ведь я стояла так близко к ней.

— Неважно, — сказала я.

Я пересекла комнату, сунула ноги в теннисные туфли на коврике у двери. Потом повернула ручку, открыла дверь и оказалась в ярком квадрате летнего света. Оглянулась на Патру, стоящую

в мятой футболке у кухонной стойки. Она беззвучно вытянула губы — медленно, странно, произнеся про себя «спасибо» с таким видом, что мне захотелось вернуться и силой заставить ее повторить это слово вслух. Но я просто ушла. В воздухе над подъездной дорожкой уже ощущалась жара. Я направилась к лесу, как будто собиралась идти домой, а потом резко присела на корточки и подняла гранитный обломок, лежавший на краю дорожки. Под камнем копошились червяки, которые сразу начали суматошно извиваться и тянуться вверх. Крошечные прозрачные жучки, как заведенные, забегали кругами. Там же, среди жалостно корчившихся лесных обитателей, лежали банкноты, которые туда несколько недель назад положила Патра. Они вымокли и размякли, но это были настоящие деньги. Я сунула их в карман и помчалась пулей.

15

После школы я три года занималась в муниципальном колледже[30] Айтаска в Грэнд-Рэпидсе. Одновременно я работала в тамошней пиццерии под названием «Биндж», там были диванчики с коричневой виниловой обивкой, а на столиках стояли вазы в форме бутылок с пластиковыми гвоздиками. Официанткам там полагалось ходить в черных шортах, даже зимой, и еще следить, чтобы контейнеры овощного шведского стола всегда были наполнены резаным салатом и чищеной морковкой. Я как раз накопила достаточно денег, чтобы сделать первый взнос за «шевроле-корсика» 1988 года выпуска, и несколько лет после покупки машины я прожила в Дулуте, где работала в универмаге и еще, для приработка, убиралась в домах. Иногда, по выходным, я отправлялась к озеру и ждала, когда поднимут разводной мост и из гавани потянутся сухогрузы с железной рудой и парусные яхты. Я не стояла на поросшем травой пригорке вместе

[30] Примечания: 30

Выпускники муниципальных колледжей в США получают среднее специальное образование с профессиональной специализацией.

с толпой туристов, а переходила мост и садилась на твердый береговой песок. На четвертый год моего пребывания там умер отец. После похорон в Лус-Ривер, после того как я разбила свою «корсику» о придорожное дерево и продала на запчасти, я нашла временную работу секретаря в «городах-близнецах». В этой должности я попала в офис компании «Манико-бардж», где отвечала на звонки осипших мужчин, занимавшихся перевозкой металлолома и кукурузы по Миссисипи. В мои обязанности входило следить за графиками перевозок и сообщать им предполагаемое время прибытия и убытия их сухогрузов, а иногда отвечать на звонки их жен и извиняться за незапланированные опоздания мужей. Я ела готовые обеды из коробок в комнате отдыха вместе с другими временными сотрудниками и в конце каждого рабочего дня топала по засыпанным противоледной солью улицам к автобусному вокзалу в центре. Сквозь расчищенные от изморози стекла автобусов я смотрела на крупные хлопья снега, которые кружились в лучах уличных фонарей и уносились к реке.

Автомеханик жил в подвальной квартирке с отдельным входом в утратившем былое величие викторианском особняке. В башенках обитали

студенты. Из всех местных канав торчали голые стволы тополей.

— Приветик, — обычно говорила я Рому, когда он открывал хлипкую дверь, еще не успев снять свой синий комбинезон с пятнами машинного масла, и его голубые глаза сразу слезились от морозного воздуха, влетавшего в квартирку вместе со мной. Обычно я приносила замороженную пиццу и шесть банок «Бада» в пластиковой связке.

— Ух ты, — обычно говорил он. — Что, и правда «Тумстоун»[31]? Не стоило тебе тратиться!

Даже если он не был удивлен, это его не останавливало, и он выпивал свои три банки в течение получаса, пока пицца пеклась в духовке. Я отгоняла его от своего пива, хлопая его по руке всякий раз, когда он тянулся к моей банке.

— Все по чесноку, — повторяла я, и однажды вечером Ром удалился в спальню и принес литруху виски. Отхлебнув глоток из горлышка, он смолотил свой стандартный салат: чечевица и огурец с листочками мяты. Пока мы ждали пиццу, он заставил меня выпить стакан молока, потом несколько ложек салата и пол-апельсина

---

[31] Примечания: 31

«Тумстоун» — популярная марка замороженной пиццы.

и только после этого позволил пригубить своего вонючего пойла.

— Все по чесноку, — издевательски заметил он.

Раскаленный сыр пиццы обжег нам нёбо. Когда мне захотелось сделать еще глоток виски, Ром отодвинул бутылку подальше.

— Ешь свой салат! — отрезал он.

В первую зиму моей жизни в «близнецах» Ром подсел на витамины. Он считал, что я питаюсь черт знает как, что в прошлом у меня были серьезные проблемы со здоровьем и мне надо сходить к стоматологу. Он хотел, чтобы я ела за столом, поэтому он достал тарелки и положил рядом квадратные салфетки, сложенные вдвое. Потом начал настаивать, чтобы мы завели собаку, щенка лабрадора, потому что считал, что собака настраивает на жизнь в размеренном ритме, особенно если снимаешь квартиру на пару, и стимулирует физические нагрузки. Типа пойти на выходные в поход на Норт-Шор[32], провести там ночь, с костром, черт возьми. Ну не знаю… Когда я закатила глаза, слушая все эти его байки, он заявил:

---

[32] Примечания: 32

Норт-Шор — живописное место отдыха на северном побережье озера Верхнее.

— Если ты никуда не хочешь пойти, гёрлскаут, просто помолчи. Ладно? Просто помолчи.

— Я же ничего не сказала, — возразила я.

— Тебе и не надо ничего говорить.

Иногда после ужина мы натягивали рукавицы и шапки и шли в кино в нескольких кварталах от нас, в сторону капитолия[33]. Там на пару покупали два билета, две кока-колы и ведро попкорна. Ром неизменно выбирал очень шумные фильмы, где копы то и дело громко палили из стволов поверх капотов автомобилей, и тем не менее меня убаюкивали эти два часа сидения в пульсирующей от выстрелов темноте. И чем громче была звуковая дорожка фильма, тем быстрее я засыпала, откинув голову на спинку кресла, уперев пятки в пол. И я без сожаления пропускала и погони с визжащими шинами, и взрывы. И было как-то успокоительно думать, что, пока на экране происходило нечто очень важное и люди пускали в ход оружие, я все это проспала.

После фильма Ром устраивал мне проверку, чтобы выяснить, когда именно я вырубилась.

— А помнишь, как у мужика лицо превратилось в рыбью морду? — говорил он, когда мы

---

[33] Примечания: 33

Капитолий — здание законодательного органа власти в каждом штате.

выходили на улицу. — Ты это видела?

И я говорила, хотя обычно молчала:

— О, это было *офигенно*!

Когда я прожила в «близнецах» месяцев восемь, когда уже началась праздничная неделя, я появилась у дверей квартиры Рома в канун Рождества с коробочкой в красной обертке и с зеленой ленточкой. Ром открыл коробочку, сев по-турецки на своей неприбранной постели. Он сидел с голыми ступнями, и на пальцах у него желтели ногти, но при этом он был одет в новенькие джинсы и черную, застегнутую до шеи рубашку, не заправленную за пояс. Я смотрела, как он зубами надорвал зеленую ленточку и достал из коробочки собачий ошейник со стальными зубьями и тяжелый кожаный поводок. Он не сразу развернул поводок, и так странно было наблюдать, как неподдельная радость проступает на лице взрослого мужика и как на мгновение ты видишь в нем того маленького ребенка, каким он когда-то давно был: гладкие щеки, наивный взгляд. Потом это выражение исчезло, и он покосился на меня, а я в этот момент выскользнула из своих джинсов, расстегнула бюстгальтер и встала перед ним абсолютно нагая. Взяла у него ошейник, надела себе на шею и застегнула. Мгновение он смотрел

растерянно и разочарованно, словно я сделала что-то такое, что могло ранить его до глубины души, но я шумно обнюхала его промежность, вручила ему конец поводка, и потом мы здорово повеселились.

— Плохая девочка! — укорил он меня.

Я заупрямилась, натянув поводок. Я не хотела делать то, что он приказал.

— Лежать! — прикрикнул он, с блеском в глазах. — Сидеть!

Мне он подарил на Рождество швейцарский армейский нож.

— Защита для Шута, — объяснил он, немного нервничая. Он слегка подался ко мне, и я услышала, как от волнения пирсинг в языке клацнул о его зубы. Это было уже после того, как мы снова оделись и выпили по эгг-ногу[34] в его кровати — прямо из картонки.

Он помолчал, я сказала: «Клево, спасибо!» — и он показал мне все те штуки, которые можно проделывать с ножом. Снять кожуру с апельсина, очистить рыбью чешую. Я не сказала ему, что у меня в сумочке лежит точно такой же нож, хотя и сильно покоцаный. И не сказала, что я знаю,

---

[34] Примечания: 34

Рождественский сладкий коктейль из взбитого яйца, молока и виски.

какую выемку в металле надо поддеть ногтем, чтобы открыть клещи для зачистки электропроводов или трехдюймовое лезвие. Этот его подарок был очень похож на многие другие вещи, которые сопровождали наши отношения. Он был очень уместен и абсолютно бесполезен для меня.

Той зимой, сразу после Рождества, мне по почте пришел ярко-красный конверт. Дело было в сумеречный полдень. Мы с Энн как раз сортировали счета, когда она протянула мне конверт с фирменным штемпелем Санта-Клауса и флоридским обратным адресом.

— От родителей? — спросила она.

Я взяла у нее конверт. Ее едва заметные выщипанные брови с надеждой вскинулись арочками над оправой ее очков. Энн беспокоило — нет, скорее оскорбляло ее строгий кодекс канадского благочестия, — что у меня не было никаких планов на каникулы и что я так ничего ей не рассказала про себя: кто я, откуда.

Я долго тянула с ответом, но потом прижала конверт к груди и нехотя выговорила:

— Ага.

Встала и пошла с конвертом в наш кухонный уголок. В конверте лежала двойная рождественская открытка с изображением оленей и

надписью «Хо-хо-хо!» крупным черным курсивом. Я развернула открытку и изнутри выпала фотография седовласого мужчины в обнимку с собакой. Сначала фотка показалась мне пошлой и дурацкой, а потом вроде ничего. Это был обычный мужик в шезлонге, мужик со своей собакой, и над его головой нависла тень от пальмы.

Я прямо кожей чувствовала, как Энн во все глаза смотрит на меня.

— А где именно во Флориде живут твои родители?

Я не могла даже взглянуть на нее. Мне было невыносимо говорить с ней про Лус-Ривер, и я молча направилась к выходу.

— Схожу перекусить. Тебе купить диетическую колу в угловом магазине?

Она любила диетическую колу. Я накинула куртку и спустилась на лифте с нашего четвертого этажа, вслушиваясь во все скрипы и скрежет невидимого механизма. Доехав до первого, лифт тихо лязгнул и слегка подпрыгнул. Зачем мне рассказывать Энн, что я уже восемь месяцев не общалась с мамой? Зачем? Машины сплошными лентами ползли по обледенелым улицам, и их выхлопы смешивались в воздухе со снегом. Морозец сразу стянул кожу на моих щеках, и я

успокоилась. Через мгновение я толкнула вращающуюся дверь нашего подъезда и вернулась в теплый вестибюль, где лампы ярко освещали почтовые ящики.

«*Дорогая Мэтти*», — писал мистер Грирсон. Его почерк напоминал вереницу колесиков.

«*Спасибо за письмо, которое я получил несколько месяцев назад…*» — колесили его буквы, слегка склоняясь вправо.

«*…Это было так неожиданно — получить настоящее старомодное письмо. Я хотел сразу тебе ответить, но время шло, и мне стало казаться, что я вообще никогда не соберусь написать тебе. Но Рождество — хороший повод, и мне было приятно и удивительно получить от тебя весточку. Наверное, потому что я не рассчитывал на такое письмо. Но, боюсь, новости о жизни бывшего учителя тебя разочаруют. Помню, как какое-то время назад я случайно встретил одного своего старого преподавателя, и мы стояли друг перед другом, нам не о чем было говорить, и я подумал, что он просто не вспомнил меня, хотя и уверял, будто помнит, и держался со мной очень любезно. И я тогда поклялся никогда не притворяться, что узнал бывшего ученика. Я вот что хочу сказать. Ты только не обижайся и не принимай на*

свой счет. Вся моя жизнь в Миннесоте теперь представляется мне каким-то смутным пятном. У меня осталось очень мало воспоминаний о том годе. Плюс я не так молод, как ты, что тебе, уверен, и так известно. И тем не менее приятно думать, что кто-то извлек какую-то пользу из моих уроков. Я ведь много работал, и сейчас приятно думать, что, может быть, мои усилия не пропали зря.

Уже остается мало места на этой открытке! Я бы никому не рекомендовал переезжать во Флориду. Тут как будто невидимые руки постепенно выжимают из тебя все соки. Ха-ха. Просто тут очень жарко. Дни пролетают быстро, и я с недавних пор отношусь к жизни как к походу в магазин со списком покупок. Пожалуй, это сейчас единственное, на что я годен. Мне ничего другого не надо, кроме как сидеть каждый вечер и вычеркивать из списка одно за другим прожитые события. Я совсем не такой, каким ты меня описала в своем добром письме. В свое время я кое-что узнал о той разновидности людей, которые берут на себя труд сесть и написать мне. И вот что я обнаружил: люди, которые совершили в жизни что-то плохое, живут как ни в чем не бывало и обвиняют всех вокруг, лишь

бы не чувствовать себя дерьмом. Как будто это помогает. Но есть другая разновидность людей, хотя я не говорю, что ты именно вот такая, я просто говорю в общем, что есть люди, которые готовы защищать других, вроде меня, из принципа, потому что, когда наступает их черед, они страшно нуждаются в такой же защите. Это я вставил свои пять центов. Да, кстати, Калифорния великолепна. Если сможешь, поезжай туда!

Всего тебе хорошего, храни тебя Бог, и с Новым годом!

Адам Грирсон».

1 января я проснулась чуть свет, потому что мне не спалось, хотя накануне вечером мы с Ромом тусовались допоздна. И я пошла по тропинке, что бежала, извиваясь, вдоль ручья Миннехаха к озеру Нокомис. Солнце в тот день так и не встало в полном смысле слова. Было темно, а потом сумерки немного рассеялись. Дойдя до озера, я заметила, как одинокий, но явно неунывающий рыбак тянет по льду красные санки со своим рыбачьим скарбом. Даже заядлые бегуны и лыжники остались в то утро дома. Наверное, все или компенсировали накопившийся недосып, или составляли списки предстоящих в новом году дел, или допивали свои ярко-оранжевые коктей-

ли с шампанским и апельсиновым соком, или трахались. В целом мире остались только я да одинокий рыбак с красными санками. Он шагал, согнувшись в три погибели, с трудом волоча по льду санки, оставлявшие за собой длинную двойную полоску, которая тянулась от одного края озера к другому.

Когда ветер начал крепчать, я поспешила укрыться за деревьями, чтобы там согреться, нашла общественный туалет-домик и пописала, не рискнув присесть на стульчак. Вышла из пластикового домика и двинулась прочь от озера без оглядки. Куда, интересно, городские жители обычно ходят, чтобы не так сильно чувствовать себя в западне? На Сидар-авеню я заскочила в пекарню выпить чашку кофе и согреть голые руки. Там продавали такое количество разных сортов хлеба, что свежевыпеченные батоны и булки занимали всю стену. Я некоторое время поглазела на это хлебное изобилие и ушла, так и не купив ничего. Вместо этого я зашла в недавно полюбившийся мне бар, где высокие ножки табуретов были расписаны в виде человеческих ног. Я решила надраться. Села за стойкой и согнулась под острым углом — как тот рыбак с санками на озере. Просидела я так долго и, когда взглянула

на часы, поняла, что надо поскорее бежать на автобус, потому что я договорилась с Энн встретиться у нашей прачечной самообслуживания. Она хотела в начале нового года выстирать все наши полотенца, коврики и шторы.

— Свежее начало! — так она выразилась.

Три часа кряду, пока из меня не выветрился весь хмель и пока мы не истратили все четвертаки, мы стирали, сушили и складывали наши тряпки.

А когда вышли из прачечной, опять стемнело. Энн сказала, что хочет поглазеть на бумажные фонарики, которые расставляют в богатом районе на набережной, и мы пошли домой кружным путем, неся тяжеленные корзины с бельем, сначала по аллее, а потом вдоль длинной вереницы бутиков. Между закрытым магазином электроники и банком мы заметили на тротуаре ворону, которая деловито расклевывала мерзлую хлебную палочку перед одинокой освещенной витриной. На витрине синела надпись мелом «Наука и здоровье», а с плаката на стене внутри магазина благостно улыбалась старая леди Викторианской эпохи, одетая в платье с брошкой на груди. Ворона на тротуаре подхватила свою хлебную палочку и, взлетев, присела на телефонный провод, и тут

Энн, не выпуская из рук корзину, подошла к витрине и остановилась как вкопанная. Много лет назад она побывала в летнем лагере активистов «Христианской науки», что заставило ее думать о себе как об авторитетном знатоке этого учения — и сейчас она остановилась у их витрины и медленно читала надписи сквозь стекло.

— А мне казалось, они давно закрыли почти все свои читальни. Ведь осталось не так много их церквей. — Она мотнула головой, переместила тяжелую корзину с одного бедра к другому. — То есть вот я чего никогда не понимала, и, по-моему, это вообще трудно понять, что это за религия такая, которая вообще не дает никакого объяснения происхождению зла.

Я пошла дальше.

Это был очередной тоскливый бесснежный вечер. Вокруг не было почти ни души — мы спокойно могли шагать по середине улицы. И где же эти воздушные фонарики? Мои руки болели под тяжестью наших свежевыстиранных полотенец, пахнущих лимонной отдушкой. Может быть, мы забрели слишком далеко? Или не заметили их? Но нет. Пройдя еще квартал, мы увидели первые из бесконечной вереницы картонных пакетов, освещенных изнутри мерцающим оранжевым

пламенем горящих свечей.

— О! — вскрикнула Энн и остановилась как вкопанная.

Она прижала одной рукой корзину к бедру, а другой рукой тронула меня за локоть:

— Ты только посмотри! Красотища!

В тот год — может быть, тем самым вечером, а может быть, несколькими неделями позже — я все-таки рассказала Энн про Лус-Ривер. Я рассказал ей про соревнования между рождественскими вертепами — про лютеранский вариант из мешков с песком и католический — изо льда. Я рассказала, как, когда я училась в восьмом классе, обрушилась крыша в спортзале, и о мистере Эдлере, который любил российских монархов даже больше, чем американских президентов. Я не исключаю, что потом рассказала ей и про моих родителей, и даже про красивую Лили — Лили, которая уехала из Лус-Ривер, чтобы родить ребенка, — но я ни словом не упомянула Патру и Пола и не поделилась с ней своими мыслями о христианской науке, которая, насколько мне известно, из того малого, что мне известно, дала лучший пример истолкования происхождения человеческого зла.

Вот откуда происходит зло, дорогая Энн.

Теперь я думаю: вот она та история, которую я тут пытаюсь рассказать.

Когда Пол перевозбуждался, он начинал бежать широкими шагами, как астронавт по лунной поверхности. В такие минуты он принимал жутко сосредоточенный вид и словно повторял про себя: беги, беги! — и всякий раз, когда это слово мелькало в его мозгу, он еще более решительно подпрыгивал. Когда же я просила его бежать еще быстрее, он просто выше подпрыгивал, но при этом сбавлял скорость. Он предпринимал эти бессмысленные усилия, высоко задирая коленки и молотя кулачками по воздуху.

Мне было смешно наблюдать за ним, и я его довольно-таки жестоко провоцировала.

— Беги! — требовала я, но он замедлял бег, начиная двигаться почти крадучись и чуть ли не останавливаясь после каждого шага.

— Быстрее! — подгоняла я его.

Он крепко сжимал губы, выбрасывая одну руку вперед, а другую отставляя назад. Этот ребенок учился бегать, наблюдая за гномами в мультиках и комиксах.

— Бежим в дом наперегонки! — предложила я ему однажды, когда он твердо решил — в тот день, по крайней мере, — остаться на веранде.

И с этими словами сделала несколько нарочито широких шагов, чтобы его раззадорить. — Я быстрее, чем ты! — вложив в свои слова угрозу, перед которой он бы не смог устоять, и громко затопала по доскам веранды: бум-бум-бум. Он не отреагировал. Когда я на него оглянулась, он лежал на досках лицом вниз, поджав под живот руки.

— Что с тобой? — спросила я.

Я склонилась над ним и, ничего не подозревая, слегка ткнула его в бок носком ботинка.

Помолчав, он буркнул:

— Мне скучно.

— Медведю скучно? — с деланным недоверием спросила я.

— И еще… — Он повернул ко мне лицо, уперев щеку в доски, и его губки сложились кольцом. — Животик…

Он произнес это так жалобно, что я присела рядом и внимательно посмотрела на него. Потом усадила. И излила на него всю ласку и сочувствие, на которую была способна.

— А, так ты ничего не знаешь про *волка*!

— Я больше не хочу притворяться! — захныкал он.

— Но это будет невыдуманная история! — пообещала я.

Это, кажется, был конец мая. Тополя разбрасывали семена пушистыми клочками, которые собирались — совсем как снег — вдоль грунтовой дорожки перед коттеджем. Я заманила его в гараж с помощью нескольких брецелей и, пока он их жевал, усадила в детское сиденье на велосипед. Пристегнутый ремнем безопасности, в шлеме, от которого его голова невообразимо увеличилась, отрешенный от внешнего мира, Пол казался Буддой, сидящим на красном пластиковом троне. Я вывела велосипед на дорожку и, когда вскарабкивалась на него, немного наклонила, решив напугать Пола.

— Поехали! — крикнула я в надежде растормошить его, чтобы он наконец взбодрился. До Природоохранного центра путь был не близкий, и всю дорогу я рассказывала ему про волков, приводя статистику, вспоминая интересные факты о волчьих повадках и образе жизни. Мне хотелось удивить его чучелом волчицы в вестибюле центра. Хотелось, чтобы его поразили желтые клыки, торчащие из-под синей губы, и вишнево-красные капли крови, нарисованные на ее когтях. Я вспомнила, как сама ребенком впервые увидела это чучело и как меня тогда охватило чувство даже большее, чем любовь: я прямо-таки

испытала звериный голод, голод, голод!

Но Пола волчица совсем не заинтересовала. Он смотрел на чучело несколько секунд и только пожал плечами. После одиннадцатимильной поездки на велосипеде малыш равнодушно сказал:

— Она же не настоящая.

В центре больше все его ему понравились головоломки-пазлы. Он нашел одну на полке в углу — точно такая же у него была дома. Это было идиллическое изображение зимнего леса: снежная сова сидела, нахохлившись, на черной ветке, округлив глаза без век, похожие на две черные чашки. Пол заранее знал, как собрать этот пазл, и вместо того, чтобы разглядывать чучела волчицы и лисиц, вместо того, чтобы трогать резинового ската или совать руку в деревянный ящик и гадать, что там лежит, он сидел, скрестив ноги, на полу в углу зала и складывал тот самый пазл, который раз сто собирал дома. Чтобы убить время, я бродила по центру, читала про отвар, который можно сделать из сосновых иголок, наблюдала за золотыми рыбками в аквариуме. В конце концов, когда больше делать было нечего, я села на корточки рядом с Полом, который держал похожий на ломтик швейцарского сыра желтый фрагмент совиного лица.

Сначала меня ужасно рассердило, что он не обратил на меня ни малейшего внимания — даже не повернул голову ко мне, не спросил, куда я ходила. Он просто машинально подполз поближе, прижался всем телом и прилег мне на колени. И ни на мгновение не оторвался от своего пазла. Он умостился на мне, положив свою ногу на мою, так что мне в конечном счете пришлось полностью усесться на пол. Он просто подсознательно счел, что раз я рядом, значит, мне интересно его занятие. Он всегда так считал. Не вставая с моих колен, он сильно нагнулся вперед, чтобы дотянуться до пазла. А за окнами целые горы тополиного пуха перекатывались вдоль дороги.

В первый момент я почувствовала раздражение, а потом оно ушло. Я ощущала ребрами, как с каждым вздохом расширяется его грудка под нейлоновой курточкой, ощущала сквозь джинсы тепло его попки. Он со знанием дела один за другим клал кусочки головоломки на нужные места, иногда тыкаясь в меня головкой в ожидании похвалы. Закончив складывать пазл, он смешал картинку, чтобы снова ее собирать.

— Хватит! — бросила я. Хотя явно не это хотела сказать. Зал в лучах предзакатного солнца уже подернулся золотом. На самом деле я хотела ска-

зать: «Пора. Нам пора идти!»

Вот тогда он зевнул, и его затылок больно уперся мне в выемку между ключицами, отчего у меня перехватило дыхание. И в этом его движении было нечто, что заставило меня сразу пожалеть о моем желании уйти. Во мне возникло некое ощущение особого дара судьбы, рожденное прикосновением ко мне его маленького тела, его близости и тепла, отчего мне захотелось побыть здесь с ним еще немного.

А потом мы стояли у выхода, я застегнула молнию на его курточке, а Пег подарила ему трех мармеладных мишек. И я спросила его, провоцируя на ответ, который понравился бы Пег:

— Ну что, интересно тебе тут было?

Он энергично кивнул, так что его плечи поднялись:

— Классный был пазл!

16

Давая показания в суде, Патра рассказала, что ее детство прошло в пригороде Милуоки, и она была почти на десять лет моложе самого младшего из пяти детей в их семье, и с самого рождения ее всегда окружали взрослые. Ее отец работал инженером, а мать, которая сидела дома с детьми, после рождения Патры вернулась в колледж и писала диссертацию по социологии городского населения. Она брала с собой маленькую Патру на все консультации с научным руководителем и на полевые исследования в подростковом центре в Ваукеша. Когда Патра училась в средней школе, ее мать уже имела постоянную должность преподавателя, отец умер от рака толстой кишки, а братья и сестры давно уже имели своих детей. Патра окончила школу на год раньше положенного и поступила в Чикагский университет, где на первом курсе познакомилась с доктором Леонардом Гарднером. Сразу же после получения диплома они с Гарднером поженились. Он купил для них старый особняк в колониальном стиле в Оук-Парке — с котами, огородиком, качелями и беседкой во дворе.

Вскоре после рождения Пола Патра стала водить его в музыкальную школу для грудничков, потом в спортивную секцию для малышей. В трехлетнем возрасте она отдала его в детский сад — один из лучших в городе. Каждый день она возила его на занятия в школе Монтессори — в своей речи на суде Патра особо это подчеркнула, — хотя ей не слишком нравилось водить машину и она бы предпочла, чтобы мальчик больше времени проводил дома с ней. Еще Патра призналась, когда окружной прокурор на нее поднажал, что однажды в феврале учительница Пола выразила озабоченность его здоровьем, и она тайком от Лео повезла его на прием к подруге матери — педиатру-эндокринологу. Окружной прокурор продемонстрировал записи из истории болезни, из которых следовало, что педиатр назначила Полу обследования, на которые Патра так его и не записала. Патра стала объяснять, что это произошло только потому, что Полу после посещения врача явно стало лучше и она списала все свои опасения — как и свое решение показать сына врачу — на чрезмерную тревогу по поводу естественных колебаний в состоянии растущего детского организма. Она, по ее словам, сама себя накрутила и постепенно утеряла способность к

объективной оценке происходящего. Вот тогда-то она и согласилась с предложением Лео переехать в марте на какое-то время в их новый летний домик на озере.

— Чтобы расширить свое психическое пространство, — сказала Патра. — Чтобы сменить обстановку.

Во время процесса я также узнала, что в тот день, когда я пошла в Лус-Ривер покупать тайленол, пока я шла пешком в город и обратно, Лео решил за лучшее «снова сменить обстановку». Он надел на уже потерявшего сознание Пола штанишки, засунул его ножки в ботинки, насовал в его рюкзачок пазлы и паровозики, влажные салфетки и крекеры в виде зверушек и книжку-раскраску, которую купил для сына в Дулуте. Он причесал Пола, и, когда я днем вернулась в коттедж с пузырьком таблеток, они уже собрались выходить. Я застала их в кухне. Патра вышла первая — скользнув мимо меня с белым, напряженным лицом. Потом Лео с Полом на руках. Лео аккуратно, боком, обошел кухонный островок так, словно нес вязанку дров или миниатюрную невесту. Покрасневшие глаза Лео оглядели меня, потом переключились на другие препятствия. Стол. Дверь.

— Спасибо, Линда, — произнес он, когда я отодвинула стоящий на его пути стул. За его спиной обрезком каната болталась белая рука Пола.

* * *

Меня спросили: они вам сказали, куда идут?

Ничего они не сказали.

«Они сказали, что собираются ехать два с половиной часа на машине и сделать две остановки в частных домах в Брейнарде и Сент-Клауде?..»

Нет, не сказали.

…Причем люди, к которым заезжали Гарднеры, не являлись профессиональными медиками, и жертва скончалась от отека мозга приблизительно в семь тридцать того же вечера.

Лео только попросил меня запереть за ними дверь.

Когда я в тот день видела Патру в последний раз, она стояла на дорожке, согнувшись пополам, сунув в рот ладонь, как кусок белого хлеба. На ней были расстегнутые джинсы и разношенные мокасины, и когда она выпрямилась, ее лицо лоснилось от испарины. Ее глаза бегали, рот был открыт шире обычного. Ни слова не сказав, она захлопнула дверцу машины.

После того как они уехали, я еще долго простояла в дверях. Я сжимала в руке пузырек с таблетками, а потом вошла в дом и поставила его на стол. Я не стала снимать обувь на коврике у двери. Я видела крошечные полумесяцы грязи на полу, там, где я ступала. Вернувшись к двери, я развязала теннисные туфли, нашла швабру в углу и, оставшись в одних носках, смела грязь с пола в кухне и коридоре.

Перед спальней Пола витал кисло-сладковатый запах. Я на минуту задержала дыхание. Потом вошла и подняла с тумбочки тарелку Пола с нетронутой горкой блинков, взяла его стакан с молоком — он был липкий на ощупь — и унесла все это в кухню. Вышла на веранду, взяла несколько сосновых шишечек и кусочков коры из стен Европы, унесла в дом. И уложила их точно так же, как они лежали на веранде, на коврике перед кроваткой Пола — полукругом возле комода. Теперь в комнате запахло куда приятнее — древесным ароматом. Я еще и окно раскрыла. Постельное белье уже сняли с кровати. Я сложила доску «Конфетной страны», положила ее обратно в коробку. Включила ночник в виде паровозика, хотя в комнате не было темно, и лучи предвечернего солнца косо прорезали деревья

и нарисовали трепещущую трапецию света на полу. Я присела на его кроватку, потом легла. При соприкосновении с влажным голым матрасом по моей спине поползли мурашки. Я всмотрелась в трапецию света, наблюдала, как она, перегнувшись, медленно заползает с пола на стену, превращая ее в освещенную сцену. Мои ступни в носках повисли над краем детской кроватки.

Вы полагали, что они вернутся?

В комнате сгустился полумрак. Я слышала, как тикают часы, как журчит вода в канализации, как урчит холодильник. Дважды крикнула гагара, нарушив тишину вечера, отрезав все лишнее. Вот и все, сказала гагара. Вот и все. Легкий ветерок теребил жалюзи. Я не заметила, как растаяла трапеция света. И не заметила, как наступила ночь, пока не услышала приглушенный кашель со стороны входной двери.

Я встала. В красном отсвете ночника Пола я увидела мужской силуэт. Моей первой мыслью было, что это Лео вернулся. Я была уверена, что это Лео, и меня охватило чувство ужаса или облегчения — или того и другого сразу.

Но это был не Лео.

Это был отец.

— Меня мама прислала, — сказал он. — Я по-

стучал.

Должно быть, он вошел в коттедж через незапертую дверь, побродил по пустому дому, пока я спала. А я спала? Он молча смотрел на меня, сидящую на кроватке Пола, в замешательстве, с виноватым видом, словно юная Златовласка в спущенных носках и потной футболке.

— Мэделин?

Я взглянула на комнату его глазами. Красный ночник зажжен в углу, сосновые шишки разбросаны по полу, зайчики и мишки на полке над головой — и я сижу себе на кровати, словно возвела себе красивую крепость в лесу, словно напридумывала всякие небылицы про себя, а он случайно набрел на меня и увидел, что я играю в куклы или делаю вид, будто играю. На секунду я почувствовала себя младенцем. Я отползла к краю кровати и уперлась пятками в спинку.

— Я бы не стал заходить, — оправдываясь, продолжал он. — Но увидел твои теннисные тапки у двери.

На нем была рубашка, которую я и сама носила, серая фланелевая, в груди она была мне тесна, но на плечах висела, как на вешалке, когда я надевала ее в школу прошлой весной. Его седой конский хвостик, как обычно, был продет над ремешком

бейсболки «Твинз». Он быстро моргал, стараясь привыкнуть к полумраку.

— Все нормально?

Возможно, я и не права, сочтя, что был только один ответ на такой вопрос, который удержал бы меня от того, чтобы вскочить, подойти к нему и прижаться лицом к его груди.

— Угу.

— А твои знакомые… Как у них дела?

Я видела, скольких усилий ему стоило выговорить так много слов подряд. Он же всегда давал понять, как это великодушно — да что там, самое великодушное! — задавать как можно меньше вопросов. Разве не это я всегда знала? Разве не этому он меня всегда учил?

— Они только что уехали. А я собираюсь домой.

Если это и прозвучало фальшиво, он не подал вида.

— Ладно, — только и сказал отец, приложив большую ладонь к губам, словно смахивая остатки фразы, которая могла бы с них сорваться. Потом повернулся и вышел. Я за ним.

Он умер лет через десять после этого. После двух инсультов в последние месяцы жизни его лицо сделалось округлее, одутловатее. А под

конец он вообще сильно раздобрел, чуть ли не за одну ночь, хотя, наверное, медленно набирал вес несколько лет, потому что проводил меньше времени на ногах, все больше сидел за рулем своего квадроцикла, а если и плавал на каноэ, то не дальше противоположного берега. В тот последний год я как-то приехала домой помочь маме подготовить хижину к зиме и заметила на ближней сосне кормушку для птиц. Весь день отец наблюдал за птицами, как они прилетали и улетали. Помню, я сидела с ним однажды вечером, в фиолетовых сумерках, солнце садилось за лес, и мы смотрели на птиц, стаями слетавшихся на снегу. В какой-то момент я подняла руку:

— Смотри, вон поползень!

И сразу поняла, что обозналась: по ветке заскакал зяблик и на ходу покакал. Я поняла, что и он понял, что я ошиблась, но он, даже понимая, что я неправа, кивнул.

Вот каким он был, мой отец.

А вот какой была мама. Той же зимой, когда, стоя на табуретке, я затыкала старым одеялом щели в окнах, а снаружи с громким чириканьем птицы дрались за семена, а отец дремал в кресле, она все вспоминала, каким он был в молодости.

— Он готов был пойти за мной на край све-

та, — говорила мама, не утруждая себя перейти на шепот. — Он и сам не знал, то ли ему пойти учиться, то ли начать работать на своего отца, то ли заняться рыбалкой. Он просто не мог решить. И вот он ходил по кругу, да так никуда и не пришел. А я знала, чем ему заняться.

Она положила локти на стол, прямо на бумаги со своим очередным незавершенным проектом, на раскрытые книги, лежащие друг на друге неровной стопкой. В ту зиму она просто места себе не находила и была беспокойной больше обычного. Все норовила подлить себе кофе, хотя ее кружка была еще полна.

— Его всегда нужно было направлять, — вспоминала она, проводя пальцем по краю кружки. — Если сравнить с тем, каким он стал потом, ты бы не поверила, но в юности он был обычным оболтусом, который знай себе тренькал на гитаре. В то время он умел только подобрать мелодию да ловить рыбу. И все. А всему остальному он научился гораздо позже.

Коммуну основали в 1982 году, рассказывала мама, в то время все и думать забыли о революционных идеях. Они и несколько семей решили жить совместно: восемь взрослых плюс трое детей. Моя мама была старше остальных, те

умели только языком почесать, а мама умела разрабатывать планы, она-то и спланировала их отъезд из города в лес, распределила между всеми обязанности, уговорила отца спереть топоры и ружья из местного магазина «Все для рыбалки».

— Понимаешь? — спросила мама. Я не ответила. Раньше я не раз слышала все эти истории. В детстве она многократно рассказывала мне про их первую зиму в хижине, про вечные ссоры и мелкие невзгоды: как поначалу им пришлось питаться одной рыбой, как в конце зимы в коммуне народились два младенца, как сын бывшего диетолога однажды ночью случайно устроил пожар, и пламя перекинулось на одного младенца, и как его ночью, в снежную бурю, повезли в больницу в дряхлом фургоне, но ребенок в конце концов легко отделался, а устроивший пожар после того случая перестал говорить. Я эту сагу слышала-переслышала, но никогда еще в мамином рассказе так явственно не переплетались горечь и ностальгия. Раньше она всегда подчеркивала, какими они были молодыми и наивными и как много наделали ошибок. Правда, она-то тогда была далеко не молодой. Ей было целых тридцать три, и она давным-давно окончила школу и колледж. И если она тогда намеревалась

что-то сделать, ей бы сначала стоило хорошенько подумать.

— Послушай, что я расскажу! — И мама снова заводила свою повесть с самого начала. Про то, как они среди ночи угнали фургон из гаража ее родителей, про то, как мчались на нем ночью, не думая об опасности, как поселились в заброшенной рыбацкой избушке ее дяди, а в первую весну выстроили рядом новый барак, как здорово там было летом, как писали хартию коммуны красивым каллиграфическим почерком на листе пергаментной бумаги и повесили ее над входной дверью и как потом, шесть лет спустя, когда коммуна распалась, подожгли этот барак.

— К концу все пошло наперекосяк, это точно, — вздыхала мама. — Все перессорились, начали ревновать друг к другу и уже не могли отличить своих детей от чужих. Не понимали, что с вами делать. Хотя не все было так уж плохо, не все время. У нас были хорошие идеи, хорошие планы. Мы пытались заменить социальные обязанности родственными узами. — Она помолчала. — Мы верили, что есть вещи поважнее нуклеарной

семьи[35]. Мы и в самом деле верили в то, что сможем создать что-то лучше…

Она взглянула на отца: он спал, прижав щеку к плечу.

— Мы искренне верили, что сможем изменить этот мир… — продолжала она.

Я смотрела на нее со своей табуретки и ждала.

— Но потом все разбежались, и мы начали новую жизнь — только с тобой.

[35] Примечания: 35

Нуклеарная семья — популярное в американской социологии середины XX века понятие первичной ячейки общества: семьи, состоящей из супругов и детей.

17

P.S. Секвойи производят гораздо большее впечатление, чем другие разновидности красного дерева, — это на тот случай, если ты вдруг приедешь в Калифорнию. Есть разные виды красного дерева, чтобы ты знала. Береговые мамонтовые деревья растут (это и так понятно) на берегу, а секвойи — только в горах. На машине можно проехать сквозь ствол секвойи, да? Так обычно все и делают. Плюс секвойи очень древние деревья. Я подумал, тебе будет интересно знать эту разницу. В детстве я с отцом ходил в походы по Сьерра-Неваде, и мы там ели консервированные супы и спали в маленькой двуспальной палатке, которая у него сохранилась с армии. Было здорово. Эти деревья и впрямь кажутся вечными, такие они огромные. Мы жили там неделями, не мылись, для питья разводили порошковый лимонад. Деревья там как в фильме «Эпоха динозавров». Конечно, ребенка многие вещи поражают больше, чем взрослого. Вот почему, в частности, я не горю желанием туда вернуться. То есть кому же захочется сознательно разрушить то, что когда-то тебя восхищало и занимало все твои

мысли? Кто же так поступит?

Слава богу, что оставалось еще место на обороте открытки, но теперь я, кажется, все исписал.

Еще раз пока,

М-р Г.

18

После отъезда Гарднеров лето пролетело быстро. Или не то что быстро, а как-то фрагментарно. Жара стояла несусветная — впервые за многие годы. В июле по ночам было иногда так жарко, что перед сном я смачивала футболку в озерной воде, потом выжимала ее в лесу, надевала, с нее капала вода, а я тихо входила в хижину, шла на ощупь в темноте и поднималась по стремянке к себе. А утром под лучами восходящего солнца от озера поднимался пар, а вечерами было так влажно и душно, что все из рук валилось, ничего не хотелось делать. Помню, самое душное время суток я пережидала под рваными тенями сосен, отмахиваясь от мух сосновой веткой, или искала клещей у псов — у всех четверых, — пока они, вывалив языки, лежали вокруг меня на земле. Запуская пальцы в густую шерсть Эйба, я ощущала каждое его ребро, конвульсивно двигавшееся в такт его дыханию. Я чувствовала, как раздвигаются и снова сдвигаются его ребра, освобождая место в легких для новой порции кислорода. Я чувствовала, как он терпеливо отклоняется вбок под непривычной тяжестью моей руки.

Помню, однажды душным вечером мы с отцом поехали на его квадроцикле в полицейский участок в Уайтвуд: я сидела на заднем сиденье, подпрыгивая на каждом ухабе, а в полиции мне щедро налили полный стакан кока-колы, которая так пенилась, что перелилась через край пенопластовой чашки и расплескалась по столу. Это было через несколько дней после того, как к нам по сумаховой тропе приехал полицейский, и они с отцом о чем-то говорили, стоя у капота его черно-белого седана. В участке мне дали рулон бумажных полотенец вытереть пролитую кока-колу. Мне предложили принести еще кока-колы, но я отрицательно помотала головой и высосала сладкую коричневую пену прямо со столешницы. Потом включили вентилятор, который погнал теплый воздух мне в лицо, и когда струи воздуха высушили мне щеки, нос и веки, я, помню, подумала, не сюда ли прошлым летом приходила Лили, не здесь ли она сидела, не здесь ли пила кока-колу и давала показания против мистера Грирсона.

Но этого я так и не узнала.

В то лето я провела у них в маленьком кабинете несколько часов, сидя на зеленом пластиковом стуле, и отвечала на разные вопросы, которые

мне задавали люди в форме и в штатском. Я уже не помню, кто и когда и о чем меня спрашивал. Помню только, что я выпила несколько литров теплой кока-колы. Я отгрызала краешки от пенопластовых кофейных чашек и украдкой раскидывала откушенные белые кусочки по столу, которые лежали там, точно слипшиеся снежинки, и в конце концов я отважилась попросить себе складной стул с мягким сиденьем, который они держали позади письменного стола в центре кабинета. К концу июля меня полностью подготовила к процессу дама с мрачным лицом — она была вроде помощником окружного прокурора, — которая посоветовала мне сидеть на свидетельской скамье, скрестив ноги у лодыжек и сложив руки на коленях, и время от времени говорить «мэм» судье и «сэр» адвокату.

— Главное, не бойся их! — предупредила она меня. — Не грызи ногти, как сейчас, не опускай глаза, не позволяй им ловить тебя на слове. Представляй, что ты паришь или плывешь или что-то в этом роде. Как рыба. Ты же любишь ловить рыбу? Но не как дохлая рыба! Ты плыви! Как плаваешь в воде. Представь себе этот образ — плывущей в воде рыбы. И запомни: судят не тебя!

Да я и не боялась. И мне не надо было представлять себя плывущим против течения судаком, случайно попавшим на крючок. Я с нетерпением ждала этого суда.

* * *

Наступил август. В воздухе повисла дымка, все вокруг наполнилось пепельным ароматом. Лесные пожары особенно бушевали на озерах севернее нас, и воздух на вкус был горелым, хотя самая близкая к нам полоса огня была милях в пятидесяти.

— Висели на волоске от беды, — говорили люди, но к тому времени, к концу лета, вся листва на осинах и березах уже сморщилась и пожелтела от зноя. Розовые герани на оконных ящиках в здании окружного суда в Уайтвуде завяли и скрючились, а трава вдоль центральной аллеи высохла и торчала коричневыми полосками. Трава вся покоричневела, кроме квадрата изумрудного газончика, лежащего перед мраморными ступенями, словно крошечный дорогой ковер. Целыми неделями солнце жарило нещадно, но лето шло к финалу, и на горизонте замаячил сентябрь, и уже полетели первые стаи гусей, и все только и говорили о том, какой же великолепный был сезон, и

как нам всем повезло, и как же здорово жить на севере, в лесу, в этом благословенном краю.

— Какой же чудный сегодня день! — услышала я, когда мы с мамой друг за дружкой поднимались по мраморным ступенькам здания суда.

— Просто десять баллов! — отозвался другой голос, хотя градусник показывал все девяносто[36].

Войдя в зал судебных заседаний, я то и дело слышала обрывки таких же разговоров о погоде. Я заметила, как помощник окружного прокурора обмакнула кончик пальца в стакан с водой и провела им по губам во время беседы с каким-то мужчиной, который деловито закатывал рукав рубашки, складка за складкой. Я видел, как они оценивающе оглядели меня, в моем платьишке из секонд-хенда, одновременно притворившись, будто даже нас не заметили. Когда я свирепо взглянула на них, оба скроили дурацкие улыбки, взглянули на часы и скрестили ноги. Рядом со мной сидела мама, изнывала от жары и вяло обмахивалась ладонью. А папа решил не ходить. Он сослался на возникшее у него опасение, что переменившийся ветер приблизит к нам лесной пожар, и я, хоть и надеялась на его поддержку,

---

[36] Примечания: 36
По Фаренгейту: +32°C.

прекрасно понимала, что лучше его ни о чем не просить и не высказывать сомнений по поводу его решения. Кто-то распахнул окно в конце зала, и по рядам побежал ветерок, но этого ветерка было явно недостаточно, чтобы сбить духоту. Один раз мама положила мне влажную ладонь на руку.

— О боже! О боже! — шепнула она, и я проследила ее взгляд.

В зал гуськом вошли Лео и Патра. Когда они проходили мимо меня, я заметила, как отросли у Патры волосы. Они больше не закручивались в завитки вокруг ушей, а лежали обработанными укладочным гелем прядями у нее на плечах. На ней был светло-голубой кардиган, и у нее уже, хотя ей еще только предстояло давать показания, под мышками темнели полумесяцы от пота.

Я думала, что она взглянет на меня и подаст какой-то сигнал. Помашет издалека, или поприветствует, или просто кивнет. А если бы ей это не удалось, думаю, я бы ее поняла. Будь я на ее месте, я бы посмотрела в мою сторону и сообщила бы каким-то жестом: мол, я тебя вижу. Но всякий раз, когда я смотрела на нее, она отводила глаза в сторону. Она что-то шептала Лео на ухо или изучала браслет на своем запястье. Она отпила

из бутылки на столе. Одно колено нервно подрагивало под ее черной шелковой юбкой, но лицо было абсолютно спокойно — таким безмятежным я его никогда не видела.

Давая показания, Патра в основном смотрела вниз и сидела ровно, сложив руки на коленях. Когда ее адвокат начала задавать ей вопросы о ее детстве, она отвечала короткими четкими фразами. Спина прямая. Когда к ней обращался окружной прокурор, она давала такие же четкие — и очень спокойные — ответы, как будто она, вместе с другими сидящими в зале, до начала заседания обсуждала погоду, но, в отличие от других, с нотками чуть более заметного сожаления, а может быть, даже слегка снисходительно. И как я выяснила из бесед с помощницей окружного прокурора до начала процесса, прокурор хотел, чтоб она вызвала у присяжных антипатию из-за своего беспечного легкомыслия, инфантилизма и мужа-профессора. Он намекнул, что именно эти факторы объясняли вопиющее сочетание снобизма и бездушия в характере Патры.

— Говорите громче! — попросил прокурор, когда Патра поднесла к носу бумажную салфетку, чтобы высморкаться, а та ответила — то ли с испугом, то ли с вызовом:

— Но я еще ничего не сказала!

Так оно все и происходило. Прокурор просил ее уточнить то или иное заявление или говорить громче, и Патра повторяла сказанное тихим, задыхающимся голосом. Она ни разу не произнесла ни моего имени, ни имени Пола. Она все повторяла: «няня». И еще: «Мой сын, которого я люблю». Когда она бормотала свои тихие ответы, я представляла себе, какая бы из Патры вышла учительница и как она редактировала рукописи Лео, аккуратно проверяя каждое слово и делая исправления красной ручкой. Ее правильно выстроенные фразы словно были взяты из учебника английской грамматики. И я слышала каждое аккуратное исправление, которое она делала на ходу: «Мой сын, кого… которого я так сильно люблю, сказал, что чувствует себя лучше… Я была… мы были очень обрадованы, мы почувствовали невероятное облегчение. Мы были на седьмом… были очень счастливы». Она давала показания, выпрямив спину, и по мере допроса ее спина становилась все прямее, отчего ее шея, казалось, тоже удлинялась. Очень скоро синяя ткань у нее под мышками совсем почернела.

— Я все пытаюсь понять, мизис Гарднер… — Окружной прокурор прижал ладонь к своей

груди, так что его галстук чуть приподнялся и сморщился под подбородком. — Вы утверждаете, что не заметили ничего тревожного? Или что вы заметили, но не прибегли ни к какому лечению? Тут либо одно, либо другое. Прошу вас, помогите мне разобраться.

Я видела, как нервно сглотнула Патра.

— Он получал… лечение.

— Отлично, ваш муж вчера это разъяснил. Мы все ценим молитву. Мы здесь не собираемся устраивать суд ни над какой религией. Но я прошу вас прояснить нам кое-что. В то утро, когда вы были в Дулуте, то есть утром двадцатого июня, разве вы не сказали своему мужу, что вы идете с Полом в магазин за… как сказано в протоколе… продуктами для пикника? А на самом деле вы позвонили педиатру, к которому вы обращались за несколько месяцев до этого… доктор…

Патра бросила короткий взгляд на Лео.

— Мне не ответили.

— Но вы решили, что с ребенком что-то не так… В тот момент вы забеспокоились…

Опять сглотнула, ее глотка вся задвигалась, как механизм.

— Нам никто не ставил… диагноза.

— А почему?

— Люди постоянно обращаются к врачам! — Впервые за весь день я услыхала в ее голосе нотки мольбы. Я прямо услышала, что ей хочется убедить его сжалиться над ней или по крайней мере обходиться с ней поласковее. Она положила побелевшие руки на перила перед собой. — Разве люди не обращаются к врачам постоянно? И им не всегда становится лучше!

— Простите меня, мизис Гарднер, вы уклоняетесь от темы. Прошу, не заставляйте меня снова напоминать вам, что вам надлежит точно отвечать на заданный вопрос. Мы уже слышали доводы, что инсулин и капельница могли бы подарить ему еще часа два жизни перед тем, как у него произошла остановка сердца. *Два часа.* Это минимальное и простое лечение…

— Я его мать… — перебила его Патра.

— Вы *были* его матерью, — перебил ее окружной прокурор.

И тут ее лицо побагровело, а потом вновь побелело, словно волна прилила и отлила. Все мышцы ее лица напряглись — и расслабились. После чего она стала терпеливо дожидаться следующего вопроса, и ее глаза превратились в два плоских голубых экранчика. Она опять повторила то, что уже говорила до этого: с сыном все было в

порядке. Он отдыхал в кровати. Когда прокурор наконец отпустил ее с явным раздражением, она пошла по залу суда, глядя перед собой невидящими, похожими на два крошечных телеэкрана глазами, держа бутылку с водой вверх дном, как будто это был рычаг ручного тормоза.

Все утро я ждала, когда же она посмотрит на меня, чтобы в ответ ободрить ее взглядом. Мне хотелось получить от нее хотя бы малейший знак внимания, и тогда бы я, когда пришел бы мой черед давать показания, все свалила на Лео. Он сидел спиной ко мне, держа на коленях Библию и полную бутылку воды. И иногда одобрительно кивал Патре. Он заерзал, когда Патра вернулась на свое место, и широко расставил ноги, так что их колени соприкоснулись. С тех пор как я видела его в последний раз, он отрастил бородку, подстриженную так коротко, что она казалась серебристой полумаской. Я все высматривала, не подпирает ли он щеку кончиком языка. Нет. Он не выглядел расстроенным. Ни даже встревоженным.

— Все будет в порядке, — уверил он меня в тот последний день, положив неподвижного Пола на переднее сиденье машины. А я как дура стояла у них на крыльце. Патра, сгорбившись, сидела

сзади, а Лео обошел вокруг капота и тут увидел меня, переминавшуюся с ноги на ногу в дверях их коттеджа. Он остановился. Вернулся к крыльцу. — Все будет в полном порядке, — сказал он, зачем-то протянув ко мне руки. Он медленно меня обнял — меня! — приговаривая: — Ты не можешь быть ничем иным, кроме как Благом. Ты поняла, Линда? Тебе не надо грустить ни о чем!

И все же я бы обвинила его в издевательствах, в навязывании нам своей воли, но Патра так и не подала мне сигнал. В перерыве, перед тем как занять свидетельскую скамью, я вышла на улицу и по-быстрому выкурила три сигареты подряд. Я присела на бордюр на парковке и, когда сигареты закончились, положила руки на колени, а подбородок на руки. Закрыла глаза. Было такое впечатление, что мое сердце, как черный паровозик, с трудом одолевает крутую гору в тоннеле моего тела. Я подставила лицо палящему солнцу, чьи лучи, отражаясь от асфальта, запекали мою кожу, и когда я открыла глаза, слепящая белизна дня опустошила меня без остатка. Вдалеке работала цепочная пила. Я слышала, как шумно падают спиленные ветки.

А потом, словно понукаемая порывом жаркого ветра, вышла Патра. Она открыла тяжелую дверь

и с минуту постояла на пороге, глубоко вдыхая. Ветер заиграл в ее волосах, и она стала больше похожа на прежнюю Патру — не такую аккуратно причесанную. Она открутила крышку с бутылки с водой и стала жадно пить — так, что пластик в ее руках смялся, и когда она оторвала губы от горлышка, бутылка с хлопком восстановила форму. Наверное, она не заметила меня, сидящую, пригнувшись, среди припаркованных машин, потому что она снова поднесла бутылку к губам, слегка откинув голову назад, и сделала несколько шагов по направлению ко мне. Она остановилась довольно близко, и я учуяла волну аромата ее кокосового шампуня. Так близко, что мне достаточно было протянуть руку и дотронуться до ее черных колготок.

Я могла бы все так и оставить. Мне показалось, что это и был тот самый знак, который я надеялась от нее получить. Ее нога и крупная капля воды, сорвавшаяся с ее губ и упавшая серым комочком на бетон.

Тридцать семь… Двадцать шесть… Пятнадцать, подумала я, наблюдая за новой каплей, летящей вниз.

Двадцать шесть… пятнадцать… четыре.

Когда она собралась повернуться, я встала.

И тут ее лицо сделало вот что. Слабая улыбка скривила ее губы: привычное дружелюбие, смешанное с явным отвращением.

— Мне нечего тебе сказать. Прошу тебя… — Это прозвучало как реплика адвоката на суде. Она отвернулась.

— Патра!

— Что?

Она повернулась, но теперь ее вопрос прозвучал совершенно искренне.

— Что тебе?

— Я…

— Послушай… — На шее у нее затрепетала мышца.

— Я ненавижу его! — выпалила я. — Вашего Лео!

На самом деле я хотела сказать: я ненавижу его *из-за вас*.

— Лео? — не поняла она.

Порыв ветра кинул прядь волос ей в глаза, и она отвела ее. В этот момент, когда ее ладонь приглаживала волосы, я заметила, что веснушки исчезли на фоне покрасневшей кожи. В ее взгляде появилось некое новое выражение.

— Лео? — переспросила она. Ее волос просел, словно пролился внутрь глотки.

— Пол был просто… — прошептала я, теперь сомневаясь больше, чем прежде. — Вы ни в чем не виноваты.

— Что ты *сказала*? — Она шагнула ко мне.

Я положила ладонь ей на локоть, чтобы успокоить, а она отшатнулась, будто я на нее замахнулась. Она как-то странно передернула плечами, и тогда я поняла, что она воспринимает меня как часть той злой силы, которая отняла у нее Пола, как ту, которая появилась в ее жизни лишь для того, чтобы присутствовать при его уходе — и чуть ли не санкционировать его уход. Вот как она меня теперь воспринимала.

Патра злобно оскалила зубы:

– *Ты* постоянно так думала о нем. *Ты* смотрела на него и видела только… — она зарыдала, — больного малыша!

— Нет!

— Я знаю: ты так считала! И видела только это! Разве нет? Разве не так?!

— Мне надо было пойти в аптеку раньше, — признала я. И это был единственный раз, когда я это сказала. — Мне надо было подумать, как нам помочь.

Нам. Нам всем нужна была помощь.

— Как он мог выздороветь, если ты считала его

больным? — продолжала она злобно. — Как? Я много думала об этом. Я думала об этом сто раз! Лео говорил мне: контролируй свои мысли, но все испортила твоя душа! — Она проговорила это так, словно каждое слово давалось ей через силу. — Твоя душа. Она слишком мелкая! Чтобы ничего не видеть дальше своего носа! — Она судорожно вздохнула. — Это все твоя душа! Ты видела в нем… больного!

В тот день мне порекомендовали уложить волосы по-другому: расчесать на косой пробор, собрать сбоку заколкой. Волосы продолжали лезть мне в лицо, и мне пришлось собрать их в кулак и удерживать так, прижав согнутую руку к груди. Еще они настояли, чтобы я надела длинное свободное платье с цветами салатового оттенка. При ходьбе я ощущала, как вспотевшие ляжки трутся друг об дружку под тканью. Хлопковые трусики сползли с моего зада. Я была вся в поту. От меня несло фрикадельками, табачным дымом и стиральным порошком. Я сама себе казалось жуткой, нелепой. «Местная девочка-подросток» — так назвал меня адвокат, а потом и автор статьи в «Норт стар газетт».

«Няня» — так назвала меня Патра, давая показания.

В общем, когда она на парковке выложила мне все это, я прикусила язык и вообще больше ничего не стала ей говорить. Ей не требовалось мое сочувствие. Она закрутила крышку бутылки, развернулась и ушла. После этого я сидела на стоянке, пока пристав (или это была мама?) не вышла, чтобы позвать меня в зал судебных заседаний. Я стояла под палящим солнцем, от которого все мое тело зудело, а кожа на лице стала плотной и тугой, словно мне ее натянули на глаза, и я почти перестала что-либо видеть вокруг. Я стояла и слушала, как меняется звук пилы, взявшейся за большое дерево: сначала с шуршанием полетели вниз ветки с листьями, потом со стуком попадали отпиленные сучья, и наконец с глухим грохотом от ствола начали отваливаться толстые обрубки.

«Никто тебе не верит, когда ты рассказываешь о своем счастье», — сказала мне однажды Патра.

Почти год у меня на глазах она дула на суп Пола и целовала ровные полумесяцы его бровок. Я видела, как она до ужина выбегает под дождь, чтобы собрать книжки, которые он оставил на берегу у озера, а потом вся промокшая до нитки возвращается — радостная. Как она бегала по

комнатам, потирая руки, чтобы согреться. Пела ему. Пела нам. Я смотрела, как она ловко, в одних носках, мечется по кухне, от стойки к островку, как наполняет тарелки едой, сдвигает кастрюли, смахивает упавшую на глаза непослушную челку. И все это время Пол отлично себя чувствовал. Он был в полном порядке. Лучше, чем когда-либо. И разве могла бы Патра не раскрошить батончики мюсли на мелкие кусочки, чтобы он мог их съесть как котенок? А разве могла бы она не погреть ему яблочный сок в микроволновке, потому что Пол жаловался, что сок холодный и делает больно зубам? Она его холила и лелеяла и уж точно души в нем не чаяла: что правда, то правда. Я могла бы обо всем этом рассказать, когда мне выпала такая возможность. Я хотела — и планировала, — но не рассказала.

Вот как я ответила на вопрос о том, что Патра сделала для своего сына: ничего!

Она ничего не сделала для своего сына.

19

Помню, в вестибюле здания окружного суда была такая здоровенная выцветшая роспись на стене. На ней был изображен индеец с белым парнем в каноэ, оба в коричневых меховых одеждах, оба указывали руками на медведя, вышедшего из леса на берег. На фреске были зеленые деревья и белые облака — все такое милое, мирное. Ну, в общем, все ладят со всеми. Но когда в тот день я выходила из здания суда с мамой, как раз когда мы выходили из дверей, я заметила, что на картине хромает перспектива. Белый парень на самом деле указывал на медвежью задницу, а у индейца была только одна рука, которой он взмахнул, да и медведь вроде как слегка левитировал. Его лапы не опирались о землю, и его, похоже, совсем не удивляло, что он воспарил над землей и уплывал в лес, причем с отсутствующим видом, отчего этот его полет, пожалуй, казался довольно пугающим.

Я не знала, дверь надо толкать или тянуть на себя, и не сразу смогла найти ручку.

— Ты идешь? — спросила мама, когда я выплыла за ней наружу.

Сама не своя, я умудрилась не споткнуться на мраморных ступенях. Не помню, как я в своем дурацком платье втиснулась в душную кабину пикапа и мы поехали. Мама одолжила пикап у знакомой в своей церкви, которая краем уха слыхала о процессе и которой очень хотелось показать различие между истинными христианами и фальшивыми. По всей приборной доске были наклеены стикеры с надписью «Мистер Яак», освежитель воздуха, болтавшийся под зеркалом заднего обзора, пах кабинетом стоматолога. Маме удалось крутануть ручку стеклоподъемника, только навалившись на нее всем своим весом, да и то после этого стекло опустилось всего на дюйм, не больше.

На запруженных улочках в центре города она сосредоточенно дергала рычаг трансмизии, переключая скорости. Она недавно обновила водительские права и добросовестно останавливалась перед любыми знаками и так вот сосредоточенно и молча добралась до выезда на скоростную трассу. Но стоило нам оказаться на широченной полосе десятого шоссе, как поток автомобилей поредел и по обеим сторонам потянулись леса, мама расслабилась и заговорила о том о сем. О жаре. О зануде-судье. О желтой

крышке унитаза в женском туалете. О свитере мизис Гарднер. Она не могла понять, кому придет в голову напялить свитер в августе. Почему-то ее это особенно взбудоражило. Не закрывая рта, она то и дело косилась на меня и осторожно выуживала пряди своих волос, всосанных ветром через щель в окне.

— То есть кому в голову придет встать утром и сказать: так, сегодня жуткая жарища, надо надеть *кардиган*!

Она посмотрела на меня, а я сидела, распластавшись на правой дверце.

— Вернись на землю, Мэделин, — сказала она.

«Вернись на землю, — подумала я, — вернись на землю!»

Я смотрела, как тени и солнечный свет играли в салки перед нами на черной дороге, как от их беспорядочной беготни, казалось, асфальтовая дорога растекается у нас под колесами. Я стала гадать, а что, если асфальт на обочине и впрямь тает или просто кажется тающим, и что, если перебегающие дорогу грызуны и насекомые завязнут в расплавленной массе, и не опасно ли вообще им передвигаться по этому шоссе. И мысленно предупреждала их об опасности, и отгоняла прочь жаб и кузнечиков, и мысленно

создавая силовое поле по обеим сторонам шоссе, я ощущала мольбу во взгляде мамы, которой мое упрямое молчание причиняло чуть ли не физическую боль.

— Ау! К вам можно? — после длинной паузы сказала она и притворилась, что стучит согнутым пальцем в невидимое стекло. — Наш тинейджер еще спит?

Я привалилась головой к окну.

— Просто говорю, насколько непрактично носить это в такую жару. Это же непрактично, верно? — Она стала гладить пальцами руль. Она так долго не спускала с меня глаз, что пикап увело в сторону и он почти выскочил на встречку. — Просто скажи «да»!

Она вернулась на свою сторону шоссе и притормозила, а может, мотор забарахлил.

— Просто ответь мне «*да*, она в этом свитере выглядела странно». Можешь даже добавить «охрененно». Ты же тинейджер. Так что я стерплю. Скажи: «она выглядела охрененно смешно в этом свитере», а потом можешь сказать, что все эти ее показания, эта ее защита, или как это у них называется, по правде говоря, полная ахинея.

Я слышала, как шуршат ее ладони о пластиковую оплетку руля.

Мама добавила, уже с тревогой:

— Ты же сама считаешь, что это была полная ахинея, так?

Когда мне было лет одиннадцать или двенадцать, я нашла эту необычную неожиданную вещь у задней стены мастерской. Это была деревянная колыбелька, обернутая чистой полиэтиленовой пленкой, — я случайно ее нашла, когда что-то там искала. Колыбелька была раскрашена вручную и расписана белыми ромашками и голубыми сиренями, а еще рыбами с длинными плавниками, которые плавали среди цветов, точно золотые усмехающиеся черти. Она была заполнена полусгнившими дровами, мышиными какашками, засохшими жуками. Помню, я опять завернула ее в пленку и заложила сверху кусками асфальта, которые валялись там же. Я шуганула псов и пошла по своим делам, но потом, позже, в тот же день, когда я плыла в каноэ по мелководью или вытаскивала острые колючки у Эйба из лапы — а может, решала скучную задачку по математике, — у меня перед глазами вдруг вставал образ той колыбельки. Я видела, как въяве, грязные бока, разрисованные сиренями и рыбами, гнутые кленовые полозья, на которых, поскрипывая, качалась колыбелька взад-вперед, взад-вперед.

И существо с лысой головкой, лежащее внутри и извивающееся, как червяк.

И я видела лицо, склонившееся над ним. И шепот, каким обычно укачиваю младенцев: шшшш… шшшш.

Дело в том, что у меня вообще не сохранилось никаких воспоминаний о маме в то время, когда коммуна еще не распалась. В моей памяти всегда были только Тамека и постоянно маячившая перед глазами гурьба подростков и взрослых — ноги в джинсах, ноги под юбками, — и признаюсь, да, мне хотелось хорошенько ее вспомнить, увидеть, как она качает младенца в колыбельке — в моем представлении, это была я. Но моя мама редко когда вспоминала меня в младенчестве. Конечно, у нее не было никаких фотографий, и однажды она хмыкнула и насмешливо сказала, что моим первым словом было «ва!». Она даже не рассказывала, как сама хотела меня назвать, когда вся коммуна общим голосованием выбирала для меня имя.

— Мэделин — это твой отец придумал, — настаивала мама. Но я-то знала по чужим рассказам, что все писали свои варианты имени новорожденного на бумажках и бросали в шляпу. Одно время я очень много об этом раздумывала, об

именах, которые ей могли бы нравиться, вроде Уинтер, или Джунипер, или Арк. Я все думала о тех днях моего младенчества и о своих возможных именах (вот бы меня звали Канидой, фантазировала я, когда в восьмом классе писала свой доклад про волков[37]), а потом меня осенило, что, может, мама не говорит не потому, что она хотела назвать меня как-то иначе, а потому, что просто не предложила своего варианта. И тогда я начала гадать, кому вообще, кроме папы, была нужна Мэделин? Кто, кроме него, вообще голосовал за это имя?

Не хочу сказать, что мне хотелось, чтобы за меня еще кто-то голосовал. И не хочу сказать, что эти мысли пришли мне вдруг, потому что совсем не вдруг. Они постепенно накапливались в моей голове, почти незаметно, как бы откладывались на отдельной полочке в мозгу, из обрывков других событий моей жизни. Я не могу связать это с чем-то конкретным, что происходило, с каким-то годом школьной учебы или с чем-то, что мама сделала или не сделала, — но как только эта мысль возникла, она уже потом никуда не делась.

— Наш гендир пишет свои отчеты! — могла

---

[37] Примечания: 37

Canidae — латинское обозначение семейства псовых или волчьих.

она, к примеру, сказать, отчего кожа у меня на голове натягивалась, как резиновая шапочка над ушами. Или она могла подвесить на нитку яркую картинку и начать ее раскачивать у меня перед глазами, когда я соединяла точки в рабочей тетради по геометрии и мне приходилось откладывать карандаш в сторону. Я откладывала карандаш с таким видом, словно он был спичкой, от которой вспыхнул пожар. Я смотрела на нее.

— Тихо! — приказывала она сама себе, замечая на моем лице мрачное выражение. Но никогда — просьбу или просто желание, чтобы она обращалась со мной поласковее.

Она обычно шептала:

— Профессор работает! Ш-ш-ш! Всем замолчать!

Или картинно стучала по воздуху согнутым пальцем, как тогда, когда мы ехали в пикапе. Она стучала, но при этом не отрывала глаз от дороги.

— Вернись на землю, Мэделин! Ты слышала, что я сказала?

И не понимая, что я делаю в этом пикапе, и не успев прикусить язык, я прохрипела:

— Я правильно поступила?

— Ты имеешь в виду…

Я помолчала, вслушиваясь, как урчит старень-

кий движок, с трудом волоча эту колымагу по шоссе. Сбился с такта, снова заурчал.

Поразмыслив немного над моими словами, мама ответила:

— То, что произошло, вероятно, произошло бы в любом случае, как бы ты ни поступила. Если ты об этом.

Я снова привалилась головой к дверце и стала смотреть, как в небе облака набегают на другие облака, а может, это были клочья дыма.

Она снова заговорила:

— Но я тут не судья.

«Ты так говоришь только потому, что я не твой ребенок», — помню, подумала я тогда и потерлась лоснящимся от пота лбом о стекло, на котором остался широкий жирный след, как будто от неведомого насекомого, шмякнувшегося об окно.

Сегодня мне трудно вообразить, как много из того, что я делала и хотела в те годы, произошло из-за этого вот подозрения.

В чем различие между тем, во что ты хочешь верить, и тем, что ты делаешь? Вот о чем мне надо было спросить у Патры, вот вопрос, на который я хотела получить ответ, но он пришел мне в голову — или пришел в такой формулировке — уже после того, как мы встретились с ней на стоянке

у здания суда в тот день, уже после того, как мы с мамой ехали в душном громыхающем пикапе и она припарковалась между двух фургонов позади церкви Богоматери. Пока мама писала хозяйке пикапа записку со словами благодарности, которую потом сунула за солнцезащитный козырек над рулем, я встала на четвереньки прямо на гравийное покрытие, в своем салатного цвета длинном платье, распушившемся вокруг моей талии, и начала собирать в ладонь маленькие камешки. Потом вернулась мама, сказала, что все о'кей, и мы пошли пешком домой. Мы шагали по обочине шоссе, а я разжала пальцы, и камешки выпали на дорогу. На повороте у озера она разок обернулась на меня, но когда я добрела до тропы, поросшей сумахом, и когда за деревьями показалась труба нашей хижины, мамы уже не было видно. От нее остался только шорох раздвигаемых кустов сумаха и пульсирующее колыхание огромных листьев, под которыми она проходила.

Так в чем же различие между тем, что ты думаешь, и тем, что ты в конечном итоге делаешь? Вот о чем мне надо было спросить в письме мистера Грирсона — того самого мистера Грирсона, который, даже после того как Лили сняла свои

обвинения, был приговорен к семи годам тюрьмы на основании тех фотографий и его собственного признания в суде. Я прочитала сделанные им заявления спустя несколько месяцев после объявления приговора, а он сидел сначала в Сиговилле, штат Техас, потом в Элктоне, штат Огайо. Чету Гарднеров, которых обвиняли в причинении смерти по неосторожности, оправдали через три недели на том основании, что они подлежали освобождению от судебного преследования по религиозным убеждениям[38]. Не знаю, как сложилась их дальнейшая судьба. После выступления в суде я вернулась домой с мамой в одолженном пикапе, съела в один присест три бутерброда с арахисовым маслом и пошла удить щук. Ушла на рыбалку, впервые в жизни напилась — и все забыла. Их коттедж потом много месяцев маячил перед моими глазами, но я туда ни разу не наведалась и старалась не смотреть туда, когда следующим летом новые владельцы поставили на веранде гриль и натянули сетку для бадминтона. Но я следила за перемещениями мистера Грирсона по всей стране, когда он вышел

[38] Примечания: 38

В ряде штатов США существует юридическая норма, освобождающая родителей от ответственности за смерть ребенка вследствие отказа от его лечения в связи с их религиозными убеждениями.

из тюрьмы, следила за движением его красного флажка из штата в штат, из Флориды в Монтану и обратно. Я видела, что он вернулся в тюрьму за нарушение условий досрочного освобождения, просидел еще год, вышел и открыл антикварную лавку на болотах. До того, как написать ему, и до того, как мы на пару с Энн стали снимать квартирку в Миннеаполисе, я несколько раз перечитала его официальное заявление касательно Лили. «Я думал об этом, я думал об этом, да, я думал об этом», — заявил он. И несколькими фразами ниже: «Я хотел, и когда она сказала, что я с ней это сделал, я с этим как бы согласился. Когда у меня в квартире нашли те фотографии, я притворился, будто никогда раньше их не видел. Но я солгал. А когда эта девочка Лили заявила на меня, я подумал: ладно, пусть будет так. Теперь начинается моя настоящая жизнь».

20

Сидя за столом в офисе компании речных грузоперевозок в Миннеаполисе, я видела в окно замызганную эстакаду, по которой машины въезжали на бетонную автостоянку. Целый день я видела людей, которые, как марионетки, высовывались из окон, тянули руки, чтобы прокомпостировать парковочные талоны, и ждали, когда поднимется желтый шлагбаум. Если я отъезжала на кресле назад и разворачивалась на сто восемьдесят градусов, то видела кусок Миссисипи между эстакадой и прибрежными ивами.

Цапли, бурая пена, белые буйки.

Проработав там целый год, я получила собственный «кабинет» — отсек, отделенный со всех сторон перегородками, и собственный компьютер, так что теперь я могла делать все, что угодно, и никто мне не мог помешать. Я могла наблюдать, как цапли выхватывают рыбок из воды, как паромы с туристами переплывают реку в сторону Сент-Пола. Или, пока у меня загружались рабочие графики, могла искать в Сети то, что меня интересовало: случаи внезапного отека мозга в условиях высокогорья при вос-

хождении на Эверест или последние продажи в антикварной лавке «Сундук с сокровищами». И хотя меня по-прежнему держали на временной ставке, после года работы я считалась ветераном «Манико-бардж», поэтому мне выделили личную полку для моих обеденных контейнеров и личный крючок для одежды в комнате отдыха. Больше того: поскольку я считалась ветераном компании, мне обычно перенаправляли звонки взволнованных жен наших грузчиков, чтобы те поплакались мне в жилетку. Ко всеобщему удивлению, я навострилась их успокаивать. Когда они звонили, я говорила примерно следующее: «Не волнуйтесь, ваш муж скоро будет дома». Я обещала: «Он сойдет на берег в Окваке и сразу же вам позвонит». Я это говорила, даже зная, что рейс закончится не раньше, чем через пару дней, а когда муж окажется на берегу, то первым делом завалится в портовый бар, а уж потом вспомнит о домашних. Тем не менее все эти жены знали мое имя и всякий раз, дозваниваясь в компанию, просили к телефону именно меня. Я помнила возраст всех их детей, клички всех их собак, имена их нянь.

Я привыкла, что они звонили обычно в конце рабочего дня, и когда мой телефон зазвонил око-

ло четырех — дело было ранней весной, когда пошел второй год моей работы там, — я сперва решила, что это очередная взволнованная жена. Поднеся трубку к уху, я сразу расслышала в незнакомом женском голосе нотки раздражения — проглатывая гласные, она сводила на нет все свои попытки сохранять вежливый тон.

— Пр'шу пр'щения, что бесп'кою вас в р'бочее время, — проговорила она чопорно. — Вам удобн' г'в'рить?

Я была уверена, что никакая это не жена нашего рабочего, а просто тетка ошиблась номером. Кстати, такое случалось нередко. Я уже собралась дать отбой, подтянуть колготки и сходить за последней на тот день чашкой кофе, как вдруг услышала на другом конце провода шумный вздох.

— Извините, что беспокою вас, — повторила женщина. И добавила: — Пожалуйста, не вешайте трубку.

И еще до того, как она сказала, что звонит из Лус-Ривер, и до того, как она объяснила, кто она такая, я узнала знакомую манеру постоянно извиняться как способ выразить свое осуждение. Это было очень в духе Лус-Ривера. Когда я ничего не сказала в ответ, но и не повесила трубку,

женщина сказала, что ей дали этот номер на моей старой работе в Дулуте. Она нашла моего прежнего квартирного хозяина, и тот сообщил ей название агентства по трудоустройству, куда я, по его разумению, устроилась работать, и ей пришлось потратить немало времени и усилий, чтобы в конце концов выйти на мою судоходную компанию.

— Вас было очень трудно найти, — сварливо заметила она. — Я бы никогда не стала утруждать себя, — сказала она, — но так уж вышло, и я не знала, каким образом еще вас найти.

— Я звоню по поводу вашей матери. — Женщина помолчала. — Она перестала ходить в церковь. Она не была на службе несколько месяцев. И я поехала к ней.

Я молчала.

— Дом немного… запущен.

Я кашлянула:

— Хижина?

— Вообще-то с хижины сорвало крышу. Еще в прошлом году. Во время урагана. По крайней мере, так она сказала.

— Крышу сорвало?

— Эм-м… Мне кажется, зиму она провела в мастерской. Она перетащила туда плиту.

— В мастерской? Но там же стены не утеплены.

— Она пыталась утеплить их листвой и старыми тряпками. И газетами.

Я такого не могла себе представить, но потом смогла.

— Ясно.

— Еще она повредила палец, когда колола дрова. И, по-моему, у нее неважно со зрением.

— Простите, как вас зовут? — спросила я, почувствовав — нет, не тошноту и не головокружение, а гулкую пульсацию крови в голове.

— Лиз Лундгрен. Я хожу в церковь Богоматери с вашей мамой.

— Лиз Лундгрен… — Я встала с кресла и начала мерять шагами свой «кабинет», насколько позволяла длина провода, потом оглядела стены, выглянула в окно, где бурые воды Миссисипи степенно текли, смешиваясь с грязью, на юг, к Мексиканскому заливу.

И тут что-то щелкнуло у меня в мозгу, выскочило, как карточка из картотеки.

— Науки о жизни, — вспомнила я.

Пауза.

— Да, миллион лет назад. Да. — Лиз Лундгрен как будто что-то проглотила, и когда она снова

заговорила, ее ледяной голос словно растаял, зазвучал совсем расслабленно: — Я перешла на временную ставку перед уходом на пенсию. В средней школе. Да. Это я. Послушай, Линда. Я не хочу вмешиваться. Я не хочу причинять беспокойство. Но думаю, я смогла бы организовать телефонный звонок. То есть, я думаю, она бы хотела, чтобы я организовала телефонный звонок.

Рай и ад — это просто разные способы мыслить. Смерть — ложная вера в то, что все имеет свой конец. Для приверженцев Христианской науки существует только следующая фаза, которая, насколько я понимаю, та же самая, что и данная фаза, только вы, возможно, ее видите иначе. Вот что я вынесла из церковной службы, на которую пошла однажды вечером в среду той весной. Я пошла туда вскоре после звонка миз Лундгрен, вечером после «счастливого часа» в баре, где я выпила две водки с тоником и пару кружек дрянного теплого пива. Я несколько минут постояла в нерешительности перед большими церковными дверями, сильно поддатая, делая вид, будто иду куда-то по делам, наконец толкнула дверь и вошла. Я прошла, стараясь не шататься, к ближайшей скамье, села, почувствовав себя опять школьницей, и огляделась, не поворачивая го-

ловы. Что бы я ни ожидала увидеть там, чего бы ни избегала в течение десяти с лишним лет, в тот вечер я увидела совсем не то. В храме, выдержанном в кремовых тонах, находилось, наверное, человек восемь, пахло сосновым освежителем воздуха, а пол между рядами скамеек устилала длинная белая дорожка, исчерченная следами от пылесоса. Весь храм был выкрашен белой и кремовой, белой и бежевой, белой и розовой краской — лепные стены, деревянные скамьи и незамысловатая кафедра впереди.

Служба, или как это у них называется, началась. Пожилой дядька с гладким лицом, склонившись над кафедрой, читал отрывки из Библии и «Науки и здоровья». Время от времени он замолкал, отпивал воду из стакана, в котором отражались отблески света и рассыпались вокруг, как от зеркального шара в дискотеке. Я, наверное, задремала, потому что в следующее мгновение увидела, как кто-то впереди меня начал говорить в беспроводный микрофон. Это была пожилая дама с серебристым пучком, которая держала в своей маленькой ручке огромный микрофон, точно рожок мороженого. Она дотрагивалась до сетки губами, отчего микрофон жутко фонил на весь зал. Дама объясняла, что исцелилась от

зубной боли, помирившись с соседкой, с которой вечно ссорилась из-за сада. Ее зубная боль была вызвана ложной верой в смертность разума, которая и учинила с ней такой трюк, заставив ощущать боль. Но ведь Мэри Бейкер Эдди учит нас, через Христа, возлюбить своего соседа. Дама сказала, что, когда она оставила вазу с тюльпанами на дорожке около дома соседки, зубная боль тотчас прошла.

Потом выступил молодой парень. На нем были лакированные ботинки и накрахмаленная белая рубашка с закатанными рукавами. В первый момент он напомнил мне одну из наших школьных звезд ораторского искусства, с той лишь разницей, что у него были внушительные бицепсы и пробивалась щетина, что придавало ему сходство с простым работягой. Этот знал, как правильно держать микрофон у рта. Когда он делал паузы, его рука разглаживала мятую брючину почти у самой промежности. Он поведал длинную, с витиеватыми подробностями, историю о школьном экзамене по предмету, который он не смог освоить в течение учебного года, — это был тест по углубленному изучению данного предмета, — а потом, воздавая хвалы «нашей возлюбленной родоначальнице» Мэри Бейкер Эдди, поведал,

как ему все-таки удалось успешно его сдать.

После этого в церкви воцарилась тишина. Скамьи скрипели, как ветки, и у меня разболелась голова. На улице уже вовсю расчирикались ночные птицы, и мне жутко захотелось растянуться на моей скамейке, уткнувшись головой в холодное дерево спинки. Но я не стала этого делать. Я заставила себя сидеть прямо и внимать. Последней микрофон взяла еще одна старушка. Она сказала, что излечилась от уверенности в том, будто ее муж умер, когда читала урок этой недели. Она говорила, ослепительно улыбаясь, то и дело трогая белоснежную гриву волос. Она рассказала, как поддалась ложному допущению, что ее муж материален, и многие месяцы после его кончины не могла расстаться с его вещами — ботинками, книгами, кремом для бритья. Но когда до нее наконец дошло, что мы все — и Гарольд тоже — являемся отражением Жизни, она вылила остатки его шампуня «Олд спайс» в унитаз. И еще она поняла, что ни для кого нет никакой смерти — никогда! Я точно помню, как она выразилась далее, потому что тут мои ладони сильно вспотели: «Гарольд в полном порядке. Гарольд всегда в порядке. Важно не то, что вы делаете, важно то, что вы думаете. Мэри Бейкер

Эдди учит нас, что рай и ад — всего лишь способы мыслить. Нам необходимо понять эту истину и молиться для понимания того, что смерть — это лишь ложная вера в то, что все имеет свой конец. И нам всем на самом деле никуда не надо стремиться. Потому что все дело в том, как меняется наша способность видеть вещи».

Я уже собралась выйти из церкви, когда дама с белоснежной гривой остановила меня в дверях. Вблизи я рассмотрела ее глаза: голубые, блестящие, словно подернутые тонкой пленкой. На ней было льняное бежевое платье, на пальце — бриллиантовое кольцо.

— Не хотите зарегистрироваться в качестве гостя? Мы рады, что вы к нам пришли. — Она протянула мне непонятно откуда взявшийся список присутствующих на пластиковой подложке и рекламную листовку.

— Из-звините, — пробормотала я.

Я начала ее обходить и остро почуяла мятное дуновение у нее изо рта, сиреневый аромат духов на ее запястьях и химическое амбре стирального порошка от ее платья. От нее исходил запах мастеровито и со знанием дела произведенного изделия, источающего аромат жизненно важных добрых намерений. На вид ей было не меньше

восьмидесяти, но при этом у нее было моложавое лицо, словно не тронутое никакими тревогами — прямо позавидовать можно! Я застыла на месте, чтобы повнимательнее ее изучить, даже против своей воли. Мне захотелось узнать подробности про ее мужа Гарольда, про его шампунь. Она, должно быть, уловила одолевшие меня сомнения.

— Вы у нас новенькая? — С этими словами она подняла ручку, прицепленную к пластиковой подложке.

— Да, — ответила я. И сразу пожалела. Она хищно глядела на меня. — То есть в этой церкви, — уточнила я напоследок. — Я не… Я не местная. — И вышла в ночную тьму.

* * *

Это было, вероятно, где-то в середине апреля. Помню, проблески зелени уже появились на ивах у реки. А вскоре один за другим выпорхнули листья на деревьях вдоль тротуаров — повсюду, куда ни глянь, повылезала зелень, — и однажды после работы я пошла в кредитный союз проверить, сколько у меня скопилось на счету. После этого я пошла в хозяйственный — купить отвертку и наконец починить дверную ручку в ванной,

по поводу которой Энн несколько месяцев вынимала мне мозг. Когда я чинила ручку, стоя на коленях, мне пришло в голову заодно починить и текущий кран ванны. Двумя пальцами я выудила из сливного отверстия клок волос, повесила новый рулон туалетной бумаги, а потом собрала грязные полотенца и отнесла их в прачечную самообслуживания. Я их сушила там так долго, что они стали раскаленные, так что я обожгла пальцы, когда доставала их из сушильного барабана. Я сложила их и понесла домой, придерживая подбородком две высокие теплые башенки.

А в последний день моего житья в Миннеаполисе, на рассвете, отправилась к Рому.

Ветер стучал по плохо пригнанным кровельным плиткам на старых башенках викторианского особняка. Я открыла дверь его квартирки ключом, который он мне когда-то дал, вошла, бросила свои вещи у двери и заползла к нему в постель, прямо в обуви и куртке. Он не проснулся, а просто притянул меня к себе и зарылся лицом в мои волосы.

— Прощай, — проговорила я. Мне хотелось, чтобы он проснулся. Мне захотелось снова — в последний раз — походить по его комнате на четвереньках, в ошейнике. Но он лишь чуть ше-

вельнулся. Сунул своего «петушка» мне между ног и уснул еще крепче.

На полке над кроватью стояли часы, и красные цифры светились в утренних сумерках. Утро вползло сероватым просветом сквозь щель между штор. Мне, в куртке лежащей в его объятиях, стало жарко. Через какое-то время я снова взглянула на часы и поняла, что если не потороплюсь, то опоздаю на свой автобус. Но я не могла опоздать на автобус, который должен был через весь город довезти меня до автовокзала, откуда мне предстоял неблизкий путь до Уайтвуда, где мама с миз Лундгрен ждали меня у «Бургер Кинга» возле автобусной станции. Она не особенно обрадовалась, услышав мой голос, когда я наконец ей позвонила. Прошло два года с тех пор, как я с ней последний раз разговаривала, и после вымученных приветствий она брякнула:

— Похоже, пришла пора продать кусок земли.

Когда в высоких окнах полуподвальной квартирки Рома показалось солнце, я выползла из его обмякших рук. И стоило мне только высвободиться, как он сразу проснулся — почуяв, что я ухожу.

— Ты что тут делаешь?

— Меня тут нет.

— Тогда кто это лежал в моей постели, а,

гёрлскаут?

— Твоя фантазия!

— Да пошла ты!

Я почувствовала, как его губы, уткнувшиеся мне в голову, разъехались в улыбке.

— Ладно, — прошептала я, отползая от него. — Попробуй поймай!

Я попыталась выскользнуть из его рук, но он притянул меня к себе. Сжал крепко. Я почувствовала — даже через плотную ткань куртки, — как его руки обхватили мою грудную клетку и все кости чуть не затрещали. И мне это понравилось. Мне нравилось, что чем больше я сопротивлялась, тем крепче он меня прижимал. Но я вывернулась из его рук, привстав на кровати. Но, прежде чем успела опустить ноги на пол, он снова обхватил меня за талию и повалил назад. А мне хотелось еще. Еще! Он начал расстегивать пуговицы на моей куртке, и я инстинктивно согнула ноги и ударила его коленом в грудь, да так сильно, что он закашлялся. Он сидел на корточках в своих «боксерах» и ошалело глядел на меня. И тут меня точно с головы до ног окатило холодной водой. Лучи утреннего солнца упали ему на лицо: его кожа с крупными порами выглядела грубой и жесткой, как наждачная бумага.

— Ты чего? — Теперь он окончательно проснулся. Его тощие белые плечи казались прямоугольными на фоне белой стены. Он вытащил пирсинг из языка и теперь произносил слова без своего обычного прицокивания. Вообще, на слух они теперь были мягче, проще и плаксивее.

— Ничего.

И тут он заметил стоящий у двери большой рюкзак.

— А это еще что? Ты куда собралась?

— Я пришла попрощаться.

— Попрощаться? — Он подмигнул: — Возвращаешься в свой У-черта-на-куличках-вилль. Прямо сейчас?

Я рывком встала с кровати, оправила куртку. Пошла к двери, где меня ждал мой рюкзак. Я закинула его за спину, обернулась на Рома, все еще сидящего на корточках посреди кровати. Он прикрыл ладонью левый глаз и сразу стал похож на пирата.

— Едешь туда, где волки едят дурацких собак?

Я помотала головой:

— Это случилось на Аляске. Местная байка.

— Ты сколько не была дома? Почти два года?

— Я говорила с матерью. Все идет по плану.

— Мы же были счастливы вместе, правда?

А что ты такого сделала, что не можешь быть счастливой?

— Мне хорошо, хорошо, хорошо!

— Хо-ро-шо. — Он повертел слово во рту, и оно прозвучало снова как бы в новинку.

– *Не будь ребенком*! — насмешливо сказала я.

Наверное, он заметил в моем лице что-то неприятное, потому что нащупал майку и натянул ее на голову. На мгновение под тонким трикотажем его лицо превратилось в белую маску с черными провалами там, где были глаза и рот. Потом его голова высунулась наружу, и он уже застегивал молнию на ширинке. Он достал из ящика комода сотовый, и я поняла, что могу, как и раньше, говорить с ним нормально, решительно.

— Не веди себя как ребенок. Я просто пришла попрощаться, ясно? Я пришла сказать тебе «спасибо за все» и «прощай».

— По-твоему, *я* веду себя как ребенок? Послушай, послушай! — Он сделал шаг вперед, еще один и еще, его майка задралась на животе. — Помнишь, ты мне рассказывала про ребенка?

— Про какого ребенка? — Мысль о Поле дуновением ветерка пролетела в мозгу. Я резко вскинула ладонь, жестом затыкая ему рот. — Ни о каком ребенке я тебе не рассказывала.

— Я имею в виду *тебя*, гёрлскаут! Про самую легкую добычу в мире. Про коммуну хиппи, про девочку-подкидыша.

— Я не то имела в виду, все было не так.

— Ты — Шут!

— Нет!

— Оказываешься на краю пропасти всякий раз, когда делаешь шаг. Бедная маленькая девочка, без обувки и вечно голодная. Кто же о тебе заботился?

— Все было совсем не так! Я была в порядке! В полном порядке!

— Какого ребенка ты имела в виду?

Я вздохнула:

— Никакого. Он умер.

— Кто умер?

— Никто. Он в порядке.

С этими словами я полезла в карман, нащупала там гладкий швейцарский нож, выхватила его и замахнулась на Рома.

Он отступил на шаг.

— Какого х…

Этот нож, блестящий, красный, он подарил мне на Рождество. Все лезвия были закрыты, но, может быть, он этого не заметил. Может быть, у него еще свежо было воспоминание о том, как я

больно ударила его коленом в грудь. Он сцепил пальцы на затылке, и сквозь зияющие короткие рукава его футболки я увидела торчащие клоками волосы на его подмышках. Через мгновение он опустил руки.

— Ладно. Оставь у себя. — Он нервно выдохнул. Сунул руки в карманы джинсов. — Оставь у себя, Шутскаут!

Дожидаясь посадки в автобус, я вспомнила ту даму из церкви. Рай и ад — просто способы мыслить? А смерть — это лишь ложная вера в то, что все имеет свой конец? Я до последнего проторчала в зале ожидания возле слепого бездомного, лежащего на своем картонном островке свободы, не имея желания никуда отсюда уходить и не желая подниматься по высоким ступенькам в салон междугороднего автобуса. Важно не то, что ты делаешь. А то, что ты думаешь. Я не хотела залезать в автобус, но, как только влезла, увидела, что окна в нем на удивление высокие и широкие, затемненные, так что утреннее яркое солнце не слепило глаза, и рядом со мной оказалось пустое кресло. Автобус мягко скользил в потоке городского транспорта, обгоняя даже мчащиеся под горку фуры. Автобус мчался на север, и когда мы выехали за городскую черту,

я заметила, как листья на деревьях меняли сочно-зеленый цвет на бледно-мятный, а потом и вовсе пропали. Вдоль обочины шоссе появились снежные сугробы, и меня, сколько я ни сопротивлялась, объяли приятная дремота и пьянящая безмятежность. Наверное, от скорости и высокой посадки автобуса у меня возникло это ощущение полета над шоссе — такого стремительного, что впору было сбить насмерть зазевавшегося пешехода. В скорости есть особая магия. Так мне всегда казалось. Но ощущение покоя нахлынуло на меня при виде подмерзших у кромки озер голубоватых лохмотьев снега, черных полей, побелевших и опустевших перед ранней зимой. Через несколько часов пути показались первые рыбачьи катера, группками замершие на озерах, словно компактные деревушки. Я видела ворон, которые, выискивая добычу на земле, наматывали круги в небе.

На подъезде к Бемиджи меня озарило. Автобус притормозил перед светофором, пропуская стайку школьниц в огромных куртках-дутиках. Как же это, должно быть, странно-оказаться в таком холодном краю, все равно что в середине жизни впервые переехать сюда зимой из Калифорнии. Но мистеру Грирсону этот переезд, наверное,

поначалу казался формой всепрощения. Все местные подростки — все девчонки — ходили в теплых сапогах, в толстых шерстяных свитерах, в тяжелых куртках. И все, что случилось до этого, уже не имело значения. И все те фотки не имели никакого значения. Ведь значение имеет то, что ты думаешь, а не что ты делаешь. Я все ждала, когда же появится Уайтвуд за следующим холмом или за следующим после него, а потом мне вот какая мысль пришла в голову. Все навалилось как-то сразу, кучей: те фотки были положены в конверт и перевязаны подарочной ленточкой, оставлены под раковиной, чтобы их там кто-то нашел. Нашел и все понял. Он хотел, чтобы их там нашли.

Начался снегопад. Мы не успели доехать до Уайтвуда, как снег белым покрывалом лег на шоссе. Как же удивительно быстро это произошло! Черный асфальт, желтые полосы дорожной разметки — все исчезло в считаные минуты. Глядя на кружащиеся в нескончаемом танце влажные снежинки за стеклом, я ощутила, как в моем мозгу разрозненные мысли начали, точно пазл, складываться воедино. Вдруг автобус пошел юзом, и пассажиры испуганно ахнули. Но водитель тут же выровнял машину на полосе, и мы

продолжали мчаться вперед.

21

Нет, мне не пришло в голову позвонить в 911, заявила я на суде. Мне не пришло в голову воспользоваться сотовым, или вернуться домой, или сгонять на велике в город. Я не думала, что быстрее — остановить машину на шоссе или сбегать в информационный центр лесничества. Я им сказала: у меня вообще-то не было никакого плана. И еще: я не знаю, о чем я думала в тот момент. Когда в то утро я предложила Патре сходить в аптеку за тайленолом, я просто обулась и открыла дверь. Так я сказала на суде.

Но не сказала, что, обернувшись в дверях, я заметила, как Патра что-то проговаривает, шевеля губами. Странное было зрелище: она словно беззвучно кричала. И все ее лицо искажалось гримасой на каждом слове. Она шептала: СПАСИБО. Шептала: ПОМОГИНАМ. ПРОШУТЕБЯПОМОГИ. Надеялась ли она, что я пойму? Помню, я тихо закрыла за собой дверь, услышала, как щелкнул язычок замка. Надеялась ли она, что я сделаю за нее то, на что сама она не могла решиться? Ведь она зашла уже слишком далеко, накопив тяжкий груз важных для нее представлений благодаря

множеству мелких и необратимых решений? Помню, как, оторвав пальцы от дверной ручки, я сощурилась на ярком солнце и огляделась по сторонам. Помню, как в лесу подняла тот камень, нашла под ним влажные размякшие доллары и пулей помчалась по тропинке к шоссе. Высоко в небе стояло летнее солнце и жарило вовсю. Ни ветерка, ни птиц, ни облачка. По обе стороны шоссе высились две зеленые стены.

Не помню, чтобы я утомилась, но я помню отлично, как у меня стало жечь в груди, а потом прямо над моей головой протарахтел вертолет. Это была вертушка лесничества, с подвесными контейнерами воды и ведрами, раскрашенными ярко-красной краской. Вертолет взлохматил верхушки деревьев, и я на секунду остановилась посреди шоссе, задрав голову вверх. Помню, я тогда встревожилась: неужели где-то пожар? Но эта мысль только промелькнула в моей голове, потому что тарахтенье вертушки смело все мысли. Воздушной волной от его винта взметнуло пряди моих волос, и словно невидимая рука всколыхнула на мне футболку. Когда он скрылся из виду, я уже топала дальше. Мое сердце громко стучало, но теперь нервное напряжение, сковавшее мое тело, ушло. Я немного успокоилась: мне стало

легко от того, что я опять оказалась на свободе. В лесу, под солнцем. Мне стало легко, когда футболка прилипла к моему вспотевшему телу. Мне стало прохладно.

Хочу кое-что прояснить. Лес моего детства был не таким, как сегодня. Когда я была маленькой, Стилл-Лейк, то есть Спокойное озеро, еще называли Суомп-Лейк, то есть Болотным озером, потому что в годы засухи камышовые заросли подступали к самому берегу, а листья кувшинок так густо разрастались, что делали поверхность воды похожей на твердый грунт. А в дождливые годы озеро разливалось, выходило из берегов, и мы могли чуть ли не причаливать на каноэ прямо к хижине. А сегодня ассоциация домовладельцев расширила протоку между Стилл-Лейк и Милл-Лейк, за счет чего уровень воды в обоих озерах из года в год оставался одинаковым. Сейчас по периметру вдоль озера стоят двенадцать летних домов — не бревенчатых хижин, а что-то вроде небольших шале, со стеклянными крышами и верандами-палубами, а к берегу причалены надувные лодки. Летом это пригород. Большинство сосен вокруг озера спилили, чтобы приезжие могли поставить на берегу лежаки и разбить цветочные клумбы. В воде плещется орущая

малышня, а дети постарше плавают на черных автомобильных шинах позади стоящих на якоре моторок. Их отцы в крытых катерах обследуют затоны и бухты в надежде поймать солидного судака.

Иногда, когда мы с мамой сидим перед отремонтированной хижиной на клочке земли — все, что осталось от нашего надела, — я все пытаюсь вспомнить, как выглядел лес в моем детстве. Но я не жалею — с чего бы? Мне это место никогда не казалось сказочным. Я не была слишком юной, и у меня никогда не было собственнических инстинктов, чтобы его идеализировать. Год за годом лес просто оживал и расцветал, а потом увядал и иссыхал, и этот круговорот подразумевал смысл отчасти явный, отчасти скрытый, — некую тайну? Да, но тайну, ставшую привычной в силу вечных перемен в лесу, скрывающем и раскрывающем свои повадки. Когда мне было лет восемь или девять, я часто ходила на берег и наполняла пустые банки из-под кофе крошечными жабками. Я называла эти банки своим зоопарком. Мама просила меня молиться перед сном, и я каждый вечер повторяла одну и ту же молитву: «Дорогой Бог, пожалуйста, помоги маме, папе, Тамеке, Эйбу, Доктору, Джасперу, Тихоне и всем зверям во всех

зоопарках не слишком скучать и чувствовать себя не слишком одиноко». «Не слишком» — это была моя мантра. Я ужасно хотела спасать жаб. Мне нравились их лица, особенно их сложно устроенные глаза, и занимало, от чего же я их спасаю. Промучившись несколько вечеров из-за нарастающего чувства вины, я вытряхивала жаб из кофейных банок в ольховые заросли, и жабы бросались врассыпную, подпрыгивая на тоненьких ножках, и я вживую ощущала притягательную мощь леса. Я чувствовала, как лес меня очищает и исправляет, и всегда слышала обращенные ко мне слова: вот видишь?

Вот мимо чего я прошла в тот день, когда добралась до города. Сначала знакомый указатель на дороге с надписью «СПИРТНОЕ И БЕНЗИН», сделанной цветным спреем. Многие годы Катерина-Коммунистка держала эту старенькую лавчонку, где торговала наживкой для рыбы и пивом со скидкой, а водкой и бензином по завышенным ценам. Сколько себя помню, Катерина не менялась: эта чешка из Айовы всегда оставалась пятидесятилетней, и у нее были такие же набрякшие веки, как у моих жаб. Она продавала вязанки ветвей, сломанных ветром, которые поставлял ей отец, и серьги, сделанные моей мамой

из старых блесен. Потом я повзрослела и поняла, что она просто нас жалела. Однажды она дала мне пару теннисных туфель «Адидас», в которых раньше ходила ее племянница. И еще сделала мне выговор, когда я их поначалу отказалась брать: «Черт побери, Линда!» И еще: «Школьница не должна ходить на уроки в мужских ботинках — и точка! Ясно? Ясно?» Много лет это была моя лучшая обувь. И в тот день они были на мне.

Я знала, где у нее на полке пылятся коробки с пластырем, и возможно, там же стояли и пузырьки с тайленолом. Но в то жаркое утро понедельника я прошла мимо лавки «СПИРТНОЕ И БЕНЗИН», желая избавить себя от общества шумной и суетливой Катерины, и от вида ее обгрызенных ногтей, и от ее елейной сердобольности, может быть, потому, что боялась, как бы мне не передалась, словно заразная болезнь, ее отталкивающая внешность — ведь рядом с ней я всегда чувствовала себя такой же вонючей и потной, как она.

Потом я прошла мимо знака «Стоп», на который местные водители довольно редко обращали внимание, а потом — три бара и три церкви. Утром того понедельника все шесть заведений были закрыты: бары на одной стороне дороги,

церкви — на противоположной.

На траве около деревянного креста перед церковью Богоматери валялись пустые бутылки, а мятые листовки с приглашением на воскресную службу ветром впечатало в сетку ограды около бара «Заяц и лиса». «Всем добро пожаловать в Божий храм!» — многократно возвещали листовки.

Потом показалось здание катка, выстроенное в виде морской раковины, с алюминиевым сайдингом и плоской крышей, покрытой битумом. Это была самая большая постройка в городе. Летом по рабочим дням сюда съезжались фигуристы и хоккеисты, которые вечно ссорились из-за времени, отводимого на их тренировки. Проходя мимо катка, я увидела, что, пока заливают новый лед, всех спортсменов выгнали на улицу. И мальчишки толпились на парковке, в своей защитной амуниции, мальчишки, в глубине души надеявшиеся стать мишенью для насмешек девчонок-фигуристок, а те, в свою очередь, надеялись стать мишенью для льдинок, метко брошенных мальчишками-хоккеистами.

За катком потянулись магазины со старомодными фасадами из обветшалого кирпича и с витринами, возведенные в прошлом веке во время бума строительства из древесины. Банк,

«Все для рыбалки», хозяйственный. Бабушки и отставные военные уже заказывали привычный обед в закусочной: сэндвичи из белого хлеба и суп из дикого риса. На выцветшей под палящим солнцем стене, над уличным фонарем, плавали три нарисованных судака и махали прохожим веерообразными плавниками. Ближе к реке торчали обугленные останки старой лесопилки, густо заросшие летними кустами и травой, так что их еле можно было различить среди буйной зелени. А дальше по Мейн-стрит, почти на пересечении с федеральным шоссе, стоял длинный одноэтажный торговый центр «Пайн Элли». От него до Уайтвуда была ровно двадцать одна миля. И сто двадцать миль до Дулута. А там и подъемный мост, и высокие корабли у причала, и само озеро Верхнее. Я думала обо всем этом, пока шагала мимо магазинов «Пайн Элли», ощупывая четыре замызганных десятки в кармане. Я ощущала чуть ли не тоску при мысли об озере Верхнее, с его 31 тысячей квадратных миль воды и с неизменной круглогодичной температурой тридцать девять градусов, с затонувшим в нем сухогрузом «Эдмунд Фицджеральд», с горами рассыпавшегося по дну таконита и так и не извлеченных трупов, которые в целости лежали лицом вниз в донном

иле, в оранжевых спасательных жилетах.

Аптека располагалась в торговом центре. Я толкнула дверь и вошла.

От холодной волны воздуха из кондиционера я покрылась гусиной кожей. Все банки на полке — от диковинных бутылочек с витаминами до сиропов от кашля — были холодные на ощупь. Должно быть, я сильно вспотела, потому что через пару минут после того, как я вошла в аптеку, мои пальцы побелели, и мне пришлось их размять, чтобы к ним прилила кровь. В дальнем конце аптеки загорелый папаша в пляжных шлепках и купальных шортах пытался извлечь изо рта малыша ручку метлы.

Он приветственно кивнул мне, подняв руку малыша вверх, словно это была палка.

— Тебе нужно что-то определенное? — раздался девчачий голос. Я подняла глаза: Сара-фигуристка. На ней был зеленый аптечный халат. В руке она держала стаканчик молочного коктейля из соседнего кафе, сжимая губами коктейльную трубочку.

Я так удивилась, увидев ее здесь, что не сразу ответила. Разве сейчас не лето? И разве Саре не нужно каждый день с утра до вечера тренироваться и делать свои тройные прыжки? Разве до

Олимпиады не оставался всего лишь год?

А потом я вспомнила, что Сара провалила двойной аксель на весеннем чемпионате Великих озер. Говорят, всякий раз, когда она подпрыгивала, на ее лице возникала гримаса ужаса, как будто ей предстояло покончить жизнь самоубийством. Говорили, у нее был такой вид, словно она собралась броситься с обрыва.

— Тебе нужно что-то конкретное? — подойдя ко мне, повторила Сара и сжала зубами трубочку.

Малыш в глубине аптеки громко гулил: «Гу-гу-гу».

— Нет.

Я разглядывала бутылочки на полке в секции «Здоровье и питание» и ощущала, как расстояние между нами сокращается. Мой взгляд упал на этикетку лосьона, уверявшую, что после него закрываются все поры на коже. Еще там был мультивитамин, который надо было закапывать в нос пипеткой. Я не нашла тайленола, но зато узнала, что аспирин в малых дозах разжижает кровь, а также предупреждает жар, инсульт, выкидыш, боль, а также (чему свидетельство многообещающие исследования) рак.

Сара спросила:

— У тебя месячные?

— Нет.

— Похмелье?

— Нет!

Она наблюдала, как я читаю этикетку на банке мультивитаминов.

— У тебя анемия?

Не сводя с меня глаз, она несколько раз хлюпнула, высасывая через трубочку остатки коктейля.

— У тебя недостаток витаминов или что?

— У меня голова болит. Это... — Я мысленно поискала нужное слово. — Мигрень.

— Ты что, упала? — Она понизила голос: — Тебя побили?

— То есть, я хотела сказать, живот болит. Может, температура.

Она отступила на шаг:

— Температура? Тогда тебе стоит обратиться доктору Лорду.

— Ты имеешь в виду Лорна.

— Там на конце буква «д» — я уверена.

Я уже собралась вступить с ней в спор, как вдруг малыш перешел на вой. Что-то в его крике заставило меня шагнуть вперед и взять Сару за локоть.

— Может быть, очень высокая температура. У вас есть что-то от сильного жара?

Хотя я едва дотронулась до Сары, она в страхе отдернула руку.

— О боже! Да ты же заразная! — Ее темные глаза сузились. — А у меня вечерняя смена. Мне нужно сегодня работать допоздна. Не подходи ко мне, не приближайся. Я серьезно!

Я сделала шаг назад.

— Да не такая уж я и больная.

Она отдалилась от меня, грациозно скользнув подошвами по полу — ну, просто фигуристка! — и встала у полки с тампонами.

— Не подходи, ладно? Просто возьми, что тебе нужно, и отнеси на кассу.

Делать нечего — я схватила баночку аспирина в малой дозировке за три девяносто девять и положила ее в корзинку. Потом машинально взяла два леденца на палочке, пакетик «Скиттлз» с тропическим вкусом и драже «Атомный взрыв». Выложила все на прилавок у кассы, и Сара знаком попросила меня отойти, а сама подошла, взяла пару зеленых перчаток с болтающимся ценником, надела одну на руку и этой рукой пробила мои покупки. Всего получилось на пять долларов тридцать девять центов. И когда я положила на монетницу мятую десятку — мокрую от дождевой воды, перемазанную лесной грязью, — Сара

закрыла глаза, словно подтвердились ее худшие опасения, словно очевидные симптомы болезни изъязвили эту банкноту, проявившись в виде налипшей на нее грязи, и попросила меня забрать все, что мне нужно, а она потом все сама оплатит, лишь бы я поскорее ушла.

Выходя из аптеки, я заметила, что малыш нацепил мягкий бюстгальтер себе на нижнюю часть лица, как бандитскую маску. Он весело помахал мне.

Едва я опять оказалась на улице, дневная жара обрушилась на меня со всех сторон. Я побрела вверх по склону горы к своей школе, посасывая леденцовую палочку, а когда проходила мимо начальной школы, уже хрустела тропическими «скиттлзами». Я дважды обошла вокруг здания мэрии, потом пошла на третий круг, надеясь, что кто-то остановит меня и спросит, чего это я тут шатаюсь без дела. Я присела на бордюр и заметила в сточной канаве старенькую пластиковую зажигалку. Она словно специально дожидалась там меня. Я подняла ее и подожгла второй леденец на палочке. Леденец горел медленно, сильно дымя, и красные капли расплавленной карамели падали на тротуар.

Но никто не собирался меня арестовать ни

за поджог, ни за бродяжничество, я затоптала тлеющую палочку и пошла в хозяйственный. Я понадеялась встретить там отца. Иногда он туда ходил за гвоздями и леской для удочек. Но мистер Линь, хозяин, был в магазине один, он сидел за прилавком в своей неизменной бейсболке, надвинутой на глаза, и дремал.

Потом я зашла в продуктовый. Там никого не было, кроме мистера Коронена. Он читал газету и даже не взглянул на меня. Странно, но дверной колокольчик не зазвонил, ни когда я вошла, ни когда вышла — наверное, от того, что дверь плотно не закрывалась.

Я сунула голову в закусочную, но Санта-Анна, мой прежний босс, была в отпуске. Она уехала на фестиваль комического кино в Торонто и оставила на подмену сестру.

— Она вернется через неделю, — сказала мне сестра, отводя длинные пряди от глаз и наливая кофе пожилой даме, которая сидела за столиком и решала кроссворд.

Оглядев улицу, я заметила, что дверь в церковь «Объединенного духа» открыта, и я туда зашла, полагая, что встречу там маму: она сюда частенько ходила на собрания. По крайней мере, думала я, увижу, как пастор Бенсон кормит кроликов в

клетках, стоящих у него в офисе, или как секретарша раскладывает воскресные бюллетени в комнате для собраний в заднем приделе храма. Но церковь, похоже, была пуста. Деревянные скамьи в зале стояли так, что преграждали путь к алтарю. Посасывая свой «Атомный взрыв», я начала было обходить ряды скамеек справа, потом слева, потом забралась внутрь, как в лабиринт, и в конце концов, невесело торжествуя, добралась-таки до алтаря. Во рту у меня все горело, но в то же время язык приятно щекотали остренькие иголочки сахарных осколков.

К этому моменту прошло уже двадцать четыре часа, как мы выехали из Дулута. И как я потом узнала, через час Пол впал в кому, а еще через четыре часа его сердце остановилось.

— Дорогой Бог, — подумала я, подойдя к кресту, хотя я осознавала, что моей вере грош цена в базарный день и она не сильнее простого суеверия. — Дорогой Бог, пожалуйста, помоги маме, папе, Тамеке, Эйбу, Джасперу, Доктору, Тихоне и Полу не слишком скучать и чувствовать себя не слишком одиноко. Не слишком. Это была единственная молитва, которую я знала. Мой рот пылал после «Атомного взрыва» — и коричнo-перечное пламя росло, как шар, и давило на

язык, и такое было ощущение, что внутри у меня растет и ширится выгоревшая пустота, — и тут я подумала о Патре, заставив себя вспомнить ее во всех мелочах. Я вспомнила, как она сидела, чуть не задохнувшись, с куском застрявшего блина во рту. Я подумала о том, как она ехала в больницу рожать Пола, как ее рука выстукивала на моем бедре ритм ее сердцебиения, и почти поверила, что, купив аспирин и не забив тревогу, я сделала ей приятное. Мои глаза слезились от пожара во рту. И на меня вдруг снизошло чувство облегчения. Я ведь сделала именно то, о чем просила Патра, и не более того, поэтому мне казалось, что я совершила подвиг, показала себя героиней, каким бы скромным ни было мое свершение.

Я подошла к ящику пожертвований в алтаре и сунула туда мятые десятки. Напоследок я сняла с головы обруч Патры и оставила его там, понимая, что причиненная им боль так глубоко въелась мне в кожу, что не скоро рассеется.

Потом я вернулась по лабиринту скамеек к выходу и отправилась в обратный путь.

Вот что я помню о лесе времен моего детства. Каждое дерево, даже сосны, которые много лет назад высаживались лесничеством ровными рядами, не было похоже на другие: у одной на

жаре смола проступала сквозь кору волдырями, у другой от сломанной ветки на стволе осталась рана с лицом гнома. Лес был как ясли для тех, кто не умел еще думать, а только умел видеть и ходить. Мне нравилось рассматривать всякие мелкие детали, веточки и иголки, задавленного на дороге зверька с вывороченными наружу кишками, похожими на выпавшие из багажника на асфальт тюки и сумки. Я кое-что знала про лесную жизнь, но всегда оставались вещи, которые, я точно знала, мне никогда не приходилось видеть. Например, как ворона дерется со свирепой черепахой за объедки в бумажном пакете, выброшенном на обочину шоссе. Или как муравей-дровосек появляется буквально из ниоткуда на моем запястье и волочет вверх по руке зеленую гусеницу — свой трофей.

Или вот такой случай. Уже на полпути до коттеджа Гарднеров меня обогнала машина, затем вдруг остановилась и стала сдавать назад. Солнце уже начало заваливаться к горизонту. За рулем сидела женщина в белом козырьке от солнца и озиралась по сторонам. Сидящий рядом с ней на пассажирском месте мужчина опустил стекло и заговорил со мной. С заднего сиденья таращили глаза двое ребятишек — мальчик и девочка.

— Привет, — сказал мужчина. — Все в порядке?

Номерной знак на их машине сообщал: Иллинойс. Родина Линкольна.

Я продолжала идти, не останавливаясь.

Иллинойская машина, универсал с привязанным к крыше каноэ, медленно ехала за мной. Как бродячая собака, от которой трудно отделаться.

У мужчины были густые брови.

— Мы не хотим тебя напугать, — продолжал он, — и ты, конечно, вправе нас опасаться. Но я думаю…

Машина наехала на палую ветку, которая издала протяжный жалобный треск.

— Послушай, — не унимался мужчина, — не могу не спросить: может быть, тебя подвезти? Ты скажи: куда тебя подвезти. Если верить карте, этот лес тянется еще миль пятьдесят. Тут только озера и леса! — Он показал мне карту. Тоже мне новость! А то я сама не знала!

Он внимательно смотрел на меня.

— Хорошо, — наконец согласилась я. День клонился к вечеру. Я сжала в руке пузырек с аспирином. Я уже окончательно успокоилась: ведь я выполнила свой долг. — Тут недалеко.

На заднем сиденье детишки в шортах и в фут-

болках помогли мне пристегнуться ремнем безопасности.

Мне пришлось показывать им дорогу. Я сказала: «Тут притормозите» — на повороте к Стилл-Лейк, а потом показала, как выехать по тенистой тропе на узкую грунтовку, ведущую к коттеджу Гарднеров. Женщина в козырьке лихо вела машину, ее не смутила каменистая грунтовка. За окнами медленно проплывал лес, и голубовато-зеленые ветки шуршали по стеклам. Я подумала: надолго ли хватит у женщины терпения ехать по моей указке? Надо сказать, она очень доверчиво отнеслась к моим инструкциям. У меня сложилось впечатление, что я могла бы указать на любую тропинку, любую колею в лесных зарослях, и она бы безропотно поехала, куда бы я ни сказала. Мне и самой уже начала нравиться такая мысль, но я вдруг подумала, что это все равно как предательство, хотя я не понимала точно, кого именно предаю, поэтому попросила терпеливую женщину продолжать ехать вперед. Но я старалась заранее предупредить ее об ухабах на дороге, о возможных препятствиях.

— Иногда тут можно увидеть оленей. Хотя и довольно редко. Если едете в сумерках, надо все время быть начеку. Запомните это на будущее.

Тут же нет уличных фонарей, как в городе.

Женщина коротко улыбнулась мне в зеркало заднего обзора. Словно говоря: да я знаю.

Мужчина, видно, любил почесать языком, но не как Лео, который обожал конкретные факты, или как мой папа, который мог говорить только о трех вещах: бейсболе, погоде и рыбалке. Он для начала спросил, куда я направляюсь. Я ответила: «Домой» — что, похоже, его вполне удовлетворило, потому что он не стал задавать уточняющих вопросов и пустился рассказывать про их палаточный лагерь около Бирюзового озера.

— Бывала там?

Не удержавшись, я закатила глаза:

— Сто миллионов раз!

— А посоветуй местечко для рыбалки.

Я задумалась.

— Есть там на северном берегу гнездовье лысого орлана.

Девчушка воскликнула с неподдельным восторгом:

— Клево!

Достав блокнотик, она его раскрыла и записала название: «Орлиное гниздо».

Сверху на странице стояло слово «Планы», на соседней страничке — «Запомнить». Ниже было

написано: «Мертвый олень на дороге. Девочка, похожая на мальчика. Не умеет пристегиваться ремнем».

— Р-е-м-н-е-м, — продиктовала я по буквам.

Она внесла исправление, стерев слово ластиком.

Ее папа, обернувшись, изрек:

— Мы бы с радостью посмотрели на лысого орлана.

Мама добавила:

— Мы уже видели ястребов, но орланов ни разу. Это было бы здорово.

Я чуть не сообщила им: с Полом что-то не так.

Я чуть не сказала: думаю, нам нужна помощь.

Но не сказала, поскольку знала, что эти обязательно *помогут*, а я не хотела, чтобы Патра опасливо смотрела на них, стоя в дверном проеме в своей футболке, из-под которой виднелись трусики, или чтобы Лео шокировал этого папочку своим потным рукопожатием. И мне не хотелось видеть, как Лео шикает на Патру, жестом приказывая ей уйти в дом, или как он подтыкает края рубашки за пояс и моргает налитыми кровью глазами, объясняя им, как побыстрее вернуться на шоссе. И я знала, что, если каким-то образом мне удастся провести эту женщину в козырьке

внутрь коттеджа, если нам с ней удастся миновать заслон Лео и попасть в спальню Пола, это, будет конец Джанет и конец Европы, конец всего ценного, что есть в моей жизни. Поэтому я направила женщину неудобным длинным маршрутом вокруг озера, по узкой дороге, по которой когда-то давно вывозили поваленный лес и которой в последние годы совсем не пользовались, поэтому дорога заросла кустарником и молодыми осинками. Я заставила ее сначала тащиться по тропе, по которой местные обычно возили к озеру катера на прицепах, а потом вернуться обратно. Она вела машину молча, и я видела, как внимательно она оглядывает меня в зеркале заднего обзора. Она держала руль и одновременно смотрела на меня, но я отвела глаза и уткнулась взглядом в свои колени.

Сидящий рядом мальчуган протянул руку и дотронулся до баночки с аспирином.

— А что это ты держишь?

— У меня голова болит, — ответила я.

Хотя уже не болела. Боль прошла.

Мы ехали так медленно, а в лесу было так темно, что казалось, двигаются деревья, а не машина. Стволы скользили мимо, механически, размеренно, и среди них машина казалась хрупкой и

неустойчивой.

А потом впереди показался коттедж Гарднеров. Перед входом стояла их машина. Жалюзи были плотно закрыты. Белый кот выглядывал из окна.

— О! — воскликнула женщина удивленно. И с явным облегчением, поняв, что достигла конечного пункта поездки. Она опустила стекло, чтобы получше осмотреться. — Какой миленький коттедж. Надежно спрятался от посторонних глаз.

Я заметила, как девчушка записала это в свой блокнотик. *Кодедж.*

Она аккуратно выводила каждую букву. *В лесной чаще.*

В какой-то момент — почти сразу как то лето закончилось — лес стал выглядеть совершенно иначе, не как прежде. Поясню. Это ощущение зародилось во мне задолго до того, как приехавшие из «городов-близнецов» девелоперы предложили нам разделить наши двадцать акров на восточном побережье Стилл-Лейк на участки, а потом опять их разделить. Все началось задолго до того, как расширили протоку между нашим озером и соседним, до того, как срубили сосны и осины, а вырубку застроили новыми домами. Это были самые очевидные перемены. Но я говорю о другом.

Помню, в начале десятого класса я наблюдала, как ветер треплет сломанную ветку, и подумала тогда, что это земная орбита провоцирует цепную реакцию погодных изменений, отчего ветки с неизбежностью и ломаются. Я вгляделась в зеленые листья и вообразила, как в них электроны с не очень далекой (и не очень яркой) звезды превращают двуокись углерода в желто-зеленый лист. Эйб издох той же осенью, и, роя для него могилу под соснами, я начала думать о том, что произойдет, если мы никогда не обнаружим где-то еще во Вселенной ни людей, ни гуманоидов, ни разума, ни клеток, ни вообще никакой жизни. И я начала думать, что, быть может, все астрономы не там ищут и что разница между живым и неживым в лучшем случае незначительна, а может быть, и вовсе не имеет смысла. Мы все вывернули наизнанку. Мы направили свои телескопы в космос в надежде увидеть там себя, а увидели лишь отражение множества сгустков химических веществ.

И ничего не могло помочь мне избавиться от скуки. После того как умер Эйб, после того как уехали Лео и Патра. Ничего не могло изменить моего одиночества.

22

В десятом классе, в первый день учебы, я встала ни свет ни заря. Мои родители еще спали в комнате за кухней, а я оделась — джинсы, зеленый шерстяной свитер, ботинки — и запалила пропановую печку, что стояла рядом с раковиной. Поначалу я видела только голубое пламя во мраке, но когда вода в чайнике забурлила, в окно уже заглядывал серый сентябрьский денек. Сосны ежились под ветром с озера. Я процедила кофе через влажную тряпицу, налила маслянистую черную жижу в отцовский термос. Поставила термос к себе в рюкзак. Псы скулили даже после того, как я выпустила их из мастерской. Они рвались с цепей, привязанных к колышкам. А с цепей капали капли росы. За лето они снова привыкли к моему присутствию. И просто похлопать по спине или погладить по холке — теперь им этого было мало, но даже для этого у меня сейчас не было времени. Я налила, нещадно расплескивая, их варево в четыре миски и придвинула их к поленнице. В любом случае у моих псов всегда чувство голода проявлялось сильнее, чем привязанность. И получив свой завтрак, они сразу

забыли о моем существовании.

Шоссе было пустынным, тихим. Осенний туман висел на ветках деревьев вдоль обочины, заглушая лесные звуки и шумы, превращая пятимильный марш-бросок в город в долгое скольжение от одного клочка асфальта до другого. Чтобы согреться, я энергично размахивала руками. Сердце стучало все сильнее, и теперь уже ничто не могло его заставить биться медленнее.

Дойдя до Мейн-стрит, я резко свернула за автозаправку Катерины. Она еще не открылась. Плексигласовые стекла боковой стены лавки были еще темными. А на заднем дворе у нее вечно сушились на бельевой веревке две оленьи шкуры, которые обычно вызывали у меня любопытство, но теперь я торопилась и не стала останавливаться на них посмотреть. Я топала по влажной лесной тропинке мимо сгоревшей лесопилки, чьи обугленные останки торчали выше сосен и терялись в тумане вверху. Я шла, не сбавляя шага. Вышла на берег Гон-Лейк, где, как мне было известно, Катерина держала на привязи свое второе алюминиевое каноэ, не использовавшееся годами.

Через несколько минут поисков я обнаружила потрепанную лодку, стоявшую вверх дном в ка-

мышовых зарослях и иле, чуть подальше от устья ручья. Подойдя к лодке по воде, я перевернула ее — сначала вылила из нее воду и потом рукавом свитера очистила от грязи сиденья. Солнце уже разогнало туман над озером. Водная гладь была сплошь покрыта рябью от плавающих близко от поверхности карпиков и водомерок над ними. Я погрузила оба весла в холодную воду ручья, чтоб ополоснуть их, потом прислонила к стоящему на берегу каноэ. Я была готова. Готова для встречи с Лили.

Вернувшись в город и подойдя к бейсбольному полю за зданием школы, я присела на скамейку бэттеров и стала ждать. Я знала, что отец Лили обычно довозил ее сюда, она вылезала из его машины, и он ехал дальше, к себе в лесничество. Если она собиралась сегодня прийти в школу, я могла бы перехватить ее по дороге. Мне нужно было ей кое-что передать, и мне хотелось передать это не где-нибудь, а именно в каноэ. Я решила сказать ей, что получила от мистера Грирсона письмо. И если она не поверит, я хотела ей рассказать, как мы с ним близки, мистер Грирсон и я, — куда ближе, чем могло бы показаться со стороны, — а сблизились мы с ним после олимпиады по истории. Я написала это письмо

сама накануне вечером. Я слямзила банку пива из мастерской и хорошую перьевую ручку из маминой коробки для рукоделия, которую она прятала под раковиной. Сидя у себя в «лофте», когда родители уже заснули, я написала на желтой почтовой бумаге аккуратными печатными буквами. Мне понадобилось только вспомнить, как Патра в отеле стояла на коленях перед Лео, чтобы в голове у меня возникла нужная картина. После этого слова приходили сами собой.

Я написана это письмо для Лили, запечатала его. Мне хотелось увести ее куда-нибудь в такое место, откуда она не смогла бы от меня сбежать, пока не прочитает письмо до конца. Прогулка на каноэ на Гон-Лейк — это было бы просто прекрасно, а если бы Лили что-то заподозрила, тогда можно было бы отвести ее в лес за бензозаправку, где Катерина прятала в ведрах свои оленьи шкуры и окровавленные топоры. Или я могла бы это сделать прямо тут, около школы, если бы она отказалась пойти со мной на озеро, — прямо тут, среди жесткого травостоя, на глазах у хоккеистов. Пусть смотрят, если хотят. В конце концов, мне было все равно. Где-то между домом и бейсбольным полем я жутко рассердилась. Где-то в конце августа — начале сентября у меня на коже шеи

и головы возник неприятный зуд, словно кто-то колол туда сотнями иголок, а еще я стала ощущать спертость в груди, которая почти никогда не проходила. Мне не хватало духу сходить на Мейн-стрит, даже купить снасти в лавке у Боба, потому что рядом стоял банк, в котором лежали мои деньги, заработанные присмотром за Полом. Я теперь не могла ни пройти мимо начальной школы, ни сходить в Природоохранный центр лесничества, который совсем недавно был моим самым любимым местом в мире. Я не могла никуда пойти или стать кем-то. Я дрожала от волнения, дожидаясь Лили около бейсбольного поля. И надеялась, что Лили появится до звонка с последнего урока.

Я увидела пикап ее отца после того, как от школы отъехали последние автобусы. Он резко вывернул руль, свернув к бордюру, отчего доски и открытый кулер закружились в кузове, точно в танце. Я встала и нетвердой рукой вытащила из кармана письмо. После того как пикап все-таки приехал, хотя поначалу я не была уверена, что Лили вообще появится, и после того как она распахнула пассажирскую дверцу, — все, что я хотела сделать с ней, стало неизбежным. Теперь все должно было просто идти своим чередом.

Теперь, так или иначе, она должна была увидеть, что это не игра, — то, что она наболтала про мистера Грирсона, и что нельзя сделать кому-то подлянку, а потом выйти сухой из воды…

Как только она вылезла из кабины, первое, что я увидела, были ее влажные волосы. Они болтались тяжелыми канатами по обеим сторонам ее головы, и она была вся какая-то странно развинченная, как на шарнирах. Когда она спускала ноги на асфальт, ей пришлось обеими руками придержать дверцу, и я подумала: «Боже мой, да она же пьяна!» — но потом заметила ее огромное голое пузо, вылезшее из-под красного свитера с капюшоном. Уже такое большое! А когда солнце осветило ее кожу, я чуть ли не младенца внутри заметила. Я могла поклясться: силуэт крошечного человечка.

Но нет, это были только ее вены, деревце синеватых линий, скрывшихся сразу же после того, как она натянула на пузо свитер.

Я не двинулась ей навстречу, не позвала. Я даже не подошла, потому что увидела этот ее живот, и еще увидела, когда она, переваливаясь, сама направилась ко мне, те черные замшевые ботинки, которые я три месяца назад оставила у нее на пороге. Она была в моих ботинках, сверкавших

в утреннем солнце, как темно-синие сливы. Я только кивнула, когда она прошествовала мимо, а она глянула в мою сторону и сразу перевела взгляд на другой предмет. Дверь. А ватага хоккеистов в белых шлемах, столпившихся на тротуаре, приметив ее, теперь пялились, не таясь. Что вы хотите: школа. Десятый класс…

Дорогая Лили!

Мне давно хотелось черкнуть тебе пару строк. Я попросил Мэтти передать тебе это письмо, ведь все будут следить, не переписываешься ли ты со мной, а за ней никто следить не станет. Должен сказать, что у меня из головы не идет то, что ты мне сказала прошлой весной. Я постоянно, каждый день, каждую минуту, размышляю о твоей фантазии о том, что якобы случилось на Гон-Лейк. Я так много об этом думаю, что теперь очень живо представляю себе это, как будто все произошло на самом деле. Как будто мы и в самом деле что-то совершили. Ты ведь того и хотела? Думаю, да. Я вспоминаю, как там, в лодке, твои губы прикоснулись ко мне. Я думаю о том, как

мой член тыкался тебе в нёбо, как ты сосала меня, и с каким милым удивлением ты смотрела на меня, когда я кончил. Ты представляешь, как глубоко он забрался, как долго я сдерживался, как я вынул его, чтобы ты на него посмотрела в нужный момент, – ты же чувствовала все это, Лили, маленькая ты извращенка?

Даже сейчас — в смутные моменты, перед тем как заснуть, — я иногда думаю о том, что бы произошло, если бы я в тот день все же завлекла Лили в каноэ и отвезла бы ее на Гон-Лейк. Я думаю об этом, когда все уже испробовано и ничего больше не помогает, и я не могу найти способ избавиться от всепоглощающего ощущения тишины и покоя, лежа в своей новой комнатушке в отремонтированной хижине. Мысленно шаг за шагом я прохожу все ритуальные этапы подготовки, отгоняя от себя любые посторонние ощущения, ставя чайник на плиту, наливая ранним утром кофе в термос и засовывая его в рюкзак, поджидая в засаде Лили, когда ее отец подвозит ее на пикапе к школьному двору. И я говорю ей: «Давай сбежим с урока, прямо сейчас!» Говорю: «Давай выкурим сигаретку, поймаем пару карпиков, а?»

Ей неохота, в моих мечтах о ней, но потом, каким-то волшебным образом, мы оказываемся в каноэ, на самой середине искрящегося Гон-Лейк. Волны, шурша, гладят борта лодки, сейчас ранняя осень, прошла всего пара часов после рассвета, и мокрые волосы Лили висят как канаты, рассыпавшись по ее спине. У нее стучат зубы, у нее побелели губы, на ней только тоненький свитерок, ни куртки, ни перчаток. Я вижу, как от холода она втянула голову в худые плечи. Но сама я не чувствую холода. Ни холода, ни ветра. Я ничего не чувствую. Когда она поворачивается, чтобы бросить за борт сигарету, которую я прикурила для нее, я подаюсь вперед и выхватываю у нее из рук весло. Она смущенно смотрит на меня, и я ей говорю:

— А ведь ты знала, что должно было случиться потом…

И я с кормы ползу к Лили. Я чувствую, что каноэ, словно продолжение моего тела, ходит подо мной ходуном, раскачиваясь из стороны в сторону, сотрясаясь, и мы обе теряем равновесие. Подобравшись к ней совсем близко, я предупреждаю, а может, и угрожаю, но с каким-то нежным состраданием:

— Только поцелуй!

Это кажется благословением — то, что я ей

предлагаю. Ярость переполняет меня.

— Ты ведь этого хотела, да? Только поцелуй.

А потом происходит это. Даже сейчас, когда все эти слова мелькают в моем мозгу, как проклятие или мольба, я превращаюсь в Лили. Это происходит словно по щелчку пальцев. Мне нужно просто сделать несколько предварительных вещей, чтобы это превращение свершилось: согреть кофе, наполнить им термос, вытереть рукавом грязь с сидений каноэ. Мне нужно долго грести против течения, и особенно — не шуметь, чтобы не вспугнуть сидящую впереди Лили. Мне надо быть терпеливой. Надо все проделать в точности, шаг за шагом. И к тому моменту, когда берег становится огромным кольцом горизонта вокруг нас, когда я уже взяла у нее весло и заметила на ее лице выражение понимания происходящего, до меня доходит, что это *я* оказалась посреди озера, это *я* трясусь от холода, и *я* все чувствую, и желаннее меня нет никого на свете!

Благодарности

Выражаю свою глубочайшую благодарность Эйми Бендер, которая со свойственными ей великодушием и проницательностью прочитала самую первую версию этого романа. Я очень благодарна Элизабет Шмиц за то, что она всячески отстаивала эту книгу и способствовала ее публикации. Многие сотрудники издательства «Гроув-Атлантик» уделили ей время и внимание: спасибо вам, Джулия Бернер-Тобин, Пола Купер, Хьюз Кирстен Гибутовски, Джуди Хоттенсен, Гретчен Мергенталер, Кэти Рэйссиан, Деб Сигер, Чин-И Лай, и всем остальным, кто помог этой книге увидеть свет. Я искренне благодарю моего агента Николь Араги, у кого этот роман вызвал куда больший энтузиазм, чем я могла бы рассчитывать, и Дювалла Остина, который незримо держал под контролем весь процесс. Спасибо журналу «Саутвест ревью», который в 2013 году опубликовал первую главу и удостоил ее литературной премии Макгинниса-Ритчи. Особая благодарность Мемориальному фонду Барбары Деминг за ее поддержку феминистских проектов.

Я также благодарна Т. С. Бойлу и студентам его семинара в Университете Южной Калифорнии, которые стали первыми читателями будущей начальной главы этого романа. Позвольте мне выразить самую сердечную признательность всем моим преподавателям за то, что они дали мне великолепные образцы мысли и писательства, особенно — Биллу Хэндли и Натании Микер из Университета Южной Калифорнии и Маршаллу Климасевиски и Келли Уэллс из Университета Вашингтона в Сент-Луисе. Приношу самую искреннюю благодарность обоим этим заведениям за оказанную мне финансовую поддержку и за создание замечательной творческой атмосферы, в которой я состоялась как писатель. Я всегда буду в долгу перед коллегами и друзьями этих писательских сообществ, с которыми мы провели массу вдохновляющих бесед о книгах. Если говорить о практической стороне, то я благодарю Джаналин Блисс из УЮК, которая распечатала главы этого романа в мое отсутствие. Я также благодарна Корнеллскому университету, который предоставил мне возможность заниматься преподаванием, пока я дорабатывала «Историю волков».

Еще я хочу помянуть добрым словом несколько

книг, вдохновивших меня написать эту. В главе 1 Линда цитирует в своем докладе книгу Барри Лопеса «О волках и людях». Целиком этот абзац звучит так: «Но термин «альфа-самец» — его придумали, чтобы описывать поведение животных в неволе, — может ввести в заблуждение. Альфа-самцы не всегда ведут стаю на охоту, прокладывают тропу по снежной целине или первыми едят добычу. Альфа-самец ведет себя как альфа только в определенные моменты и в силу определенных причин, и, надо особо отметить, он является альфой в силу уважения к нему со стороны других волков в стае».

В главе 8 есть неявная отсылка к книге Мориса Сендака «Там, где живут чудовища». Я воспользовалась многими источниками информации о флоре, фауне и жизни в Северной Миннесоте, но две книги стоят особняком: «Поющая глушь» Сигурда Олсона и «Годы в лесу» Хелен Гувер. Я благодарна, что у меня под рукой была книга Кэролайн Фрезер «Идеальное дитя Господа: жизнь и смерть в церкви Христианской науки», а также «Голубые окна: детство по законам Христианской науки Барбары Уилсон и «Папамамабог: мое путешествие прочь от «Христианской науки» Люсии Гринхаус. Должна заметить, что история

Пола — это вымышленная комбинация многих подобных случаев в нашей стране, и в ней речь не идет о каком-то конкретном ребенке или о каком-то судебном процессе, состоявшемся в каком-то определенном городе, в какое-то определенное время. Тем, кому это интересно: в книге Кэролайн Фрезер приводится немало ярких документальных историй о детях и их родителях, приверженцах «Христианской науки», в том числе с подробным описанием фактов религиозного, юридического и социального характера. Я благодарна Шарон Остфелд-Джонс за консультации по медицинским вопросам в ходе работы над рукописью и за то, что она познакомила меня с врачебным онлайн-ресурсом «Аптудейт», откуда я почерпнула сведения о симптомах диабетического кетоацидоза и церебральной эдемы.

Этот роман во многом вырос из моих многочисленных прогулок в лесу: я благодарю своих родителей за унаследованную от них страсть к лесным странствиям (перефразируя Вирджинию Вульф[39]), и в особенности я благодарна гостеприимным домам, которые давали мне кров и пищу, когда летом 2012 года я путешествовала по Север-

[39] Примечания: 39

Имеется в виду эссе В. Вульф «Уличные странствия. Лондонское приключение» (1930).

ной Миннесоте. И еще, хотя мои слова не могут выразить всю глубину моей благодарности, я хочу поблагодарить здесь тех, кто был добр ко мне, совсем юной девчонке, в Принсипиа-колледже.

Наконец, я благодарна моей семье за присутствие рядом со мной все эти долгие годы, за их терпение и сердечность на каждом повороте моего собственного жизненного сюжета. И хочу выразить свою нижайшую признательность Нику Адмуссену, кто с самого начала верил в ценность этого проекта и все время заставлял меня держать хвост пистолетом. Этот роман посвящается ему.